

САМОДОВОЛЬНЫЙ МИСТЕР КОСТЮМ

* VK.COM/KN_BOOKS *

Авторы бестселлеров по версии New York Times

ВИКИЛАНД
ПЕНЕЛОПА УОРД

САМОДОВОЛЬНЫЙ МИСТЕР КОСТЮМ

Книга: Самодовольный мистер Костюм

Автор: Ви Киланд, Пенелопа Уорд

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серии

Главы: 33 главы+Эпилог

Переводчик: Шкаф

Редактор: Натали И.

Вычитка и оформление: Екатерина Л.

Обложка: Таня П.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков запрещено!

**Специально для группы: K.N ★ Переводы книг
(https://vk.com/kn_books)**

Аннотация

Все началось как обычное утро в поезде, пока меня не очаровал сидящий через проход от меня мужчина. Он рявкал на кого-то по телефону, будто король мира. Кем этот самодовольный мистер Костюм себя возомнил... Богом что ли? На самом деле, он действительно выглядел, как бог. И все, пожалуй.

Когда поезд подъехал к его станции, он внезапно вскочил и вышел. Так неожиданно, что выронил телефон по пути к выходу. Возможно, я его подобрала. Возможно, просмотрела все его фотки и позвонила по некоторым номерам. Возможно, я держала у себя телефон этого неизвестного мужчины несколько дней. Пока, наконец, не набралась смелости вернуть его. И когда я, протащившись через весь город, пришла в его модную компанию, он отказался со мной встретиться. Поэтому я оставила телефон на пустом столе в приемной рядом с кабинетом этого высокомерного кретина. Возможно, я также оставила довольно пошлую фотку.

Я не ожидала, что он мне напишет. Не ожидала, что наша переписка будет невероятно жаркой. И не ожидала, что влюблюсь в него еще до первой встречи. Мы два абсолютно не похожих человека, но вы знаете, что говорят о противоположностях.

Наконец, встретившись, мы обнаружили, что иногда противоположности не просто притягиваются, порой они поглощают друг друга. Я оказалась совершенно не готова к такому приключению. И, определенно, оказалась не готова к тому, где окажусь, когда это приключение закончится.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается, не правда ли? Вот только окончания нашей истории я не предвидела...

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Эта книга посвящается всем маленьким девочкам, мечтающим надеть неоновое зеленое платье на урок танцев, где все остальные носят нежно-розовый.

Глава 1

Сорайя

Правую ногу я уже поставила на подножку поезда и замерла на месте, увидев его в вагоне. *Черт!* Он сидел напротив места, на котором обычно сидела я.

Я попятилась назад.

— Эй, смотри куда прешь! — Мужчина почти выронил кофе, с трудом удержав в руках, когда я врезалась в него, не глядя высокочив из третьего вагона. — Какого черта?

— Простите! — бросила я мимолетное извинение и продолжила идти к следующим вагонам, по пути нагибаясь у окон поезда. Маленькие огни у каждой двери загорелись красным, и прозвучал громкий гудок, означающий скорое отбытие поезда. Я запрыгнула в седьмой вагон, когда двери начали закрываться.

Мне потребовалась целая минута, чтобы восстановить дыхание от пробежки мимо четырех вагонов. *Обязательно нужно вернуться в тренажерный зал.* Я нашла пустое место по направлению движения и уселась рядом с кем-то. Это лучше, чем сидеть в одном из шести пустых кресел, развернутых внутрь вагона. Мужчина опустил газету, когда я села рядом с ним.

— Извините, — сказала я. — Я не могу ехать боком.

Два места напротив него были пусты. По правилам этикета в поезде, лучше было бы сесть как раз там, но я предположила, что он предпочтет комфортное сиденье рвоте.

Он улыбнулся.

— Я тоже.

Вставив в уши наушники, я облегченно вздохнула и закрыла глаза, когда поезд начал движение. Минуту спустя по моему плечу похлопали. Пассажир рядом со мной указал на мужчину, стоящего в проходе.

Я неохотно вытащила один наушник.

— Сорайя, я так и думал, что это была ты.

Этот голос.

— Эм-м... привет. — Как его там звали? О, подождите... как я могла забыть? Митч. *Звонкий Митч.* Я до сих пор не разговаривала с сестрой после этой катастрофы. Худшее. Свидание. Вслепую. — Как дела, Митч?

— Хорошо, на самом деле, сейчас просто великолепно — я встретил тебя. Я пытался связаться с тобой пару раз. Но, наверное, я писал не на тот номер, так как ты ни разу не ответила на мои сообщения.

Ага. Так и было.

Он почесал пах через штаны. Я почти забыла об этой его маленькой особенности. Скорее всего, это было нервное, но каждый раз, когда он это делал, мои взгляд следовал за его рукой, и я с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться. *Звонкий Почесун Митч.* *Спасибо, сестричка.*

Он прочистил горло.

— Может, мы сходим выпить кофе сегодня утром?

Мужчина рядом со мной снова опустил газету и посмотрел сначала на Митча, потом на меня. Я просто не могла заставить себя нагрубить бедному парню, он был достаточно мил.

— Эм-м. — Я положила руку на плечо сидящего рядом мужчины. — Я не могу. Это мой парень Дэнни. Мы начали встречаться неделю назад. Правда, дорогой?

Лицо Митча вытянулось.

— О, понятно.

Фальшивый Дэнни присоединился к нам. Он положил свою руку мне на колено.

— Я не делаюсь, приятель. Поэтому гуляй отсюда.

— Не надо грубить, Дэнни, — зыркнула я на мистера рядом со мной.

— Это было не грубо, детка. Вот *это* будет. — И прежде, чем я смогла его остановить, он прижался своими губами к моим. И это был не простой чмок. Его язык не терял времени даром, пробиваясь в мой рот. Я уперлась руками в его грудь, отталкивая от себя.

Я вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Прости, Митч.

— Ничего. М-м-м...извини, что побеспокоил. Береги себя, Сорайя.

— Ты себя тоже, Митч.

В ту секунду, когда он оказался вне пределов слышимости, я нахмурилась и уставилась на фальшивого Дэнни.

— Какого черты ты это сделал, козел?

— Козел? Две минуты назад я был «дорогой». Определись, дорогуша.

— Наглости тебе не занимать.

Он проигнорировал меня, доставая из внутреннего кармана пиджака вибрирующий телефон.

— Это моя жена. Можешь подождать минутку?

— Твоя жена? Ты *женат*? — Я встала. — Боже, ты на самом деле козел.

Его ноги были вытянуты вперед, и он не сдвинул их, чтобы дать мне пройти, поэтому я переступила через них. Как только он поднял телефон к уху, я выхватила его и произнесла в микрофон:

— Твой муж — полнейший козел.

Затем бросила телефон обратно ему на колени и пошла в сторону, противоположную той, куда ушел Митч.

И это только чертов понедельник.

Подобная херня — история моей жизни. Ужасные свидания. Мужчины, оказывающиеся женатыми.

Я ушла в другой вагон, чтобы не видеть ни «Дэнни», ни Митча снова.

К моей огромной радости, этот вагон не был забит людьми, и здесь были свободные места по направлению движения. Мое кровяное давление сразу пришло в норму, когда я села в одно из них. На мгновение я закрыла глаза и позволила покачивающемуся движению поезда успокоить меня.

Грубый мужской голос нарушил мое спокойствие.

— Просто, блядь, делай свою работу, Алан. Делай свою работу. Я много прошу? За что я тебе плачу, если мне приходится контролировать каждую чертову деталь? Твой вопрос не имеет смысла! Разберись с этим и только тогда возвращайся ко мне, когда у тебя будет решение, достойное моего потраченного времени. У меня нет времени на глупые вопросы. Даже моя собака, возможно, могла бы придумать что-то более умное, чем то, что ты положил мне на стол.

Что за кретин.

Когда я открыла глаза, чтобы мельком увидеть лицо, от которого шел голос, я не могла не рассмеяться про себя. *Конечно.* Конечно! Теперь понятно, почему он считал возможным унижать всех вокруг. С такой внешностью, люди, наверное, падали к его ногам все время, буквально и фигурально. Помимо красоты, от него буквально веяло деньгами и властью. Я закатила глаза ... но все-таки не могла отвести взгляд.

Этот парень носил приталенную рубашку в тонкую полоску, не скрывающую скульптурного силуэта под ней. Его темно-синий пиджак, который явно был очень дорогим, лежал на коленях. Черные заостренные парадные туфли на его большой ноге выглядели так, будто их только что начистили. Он *точно* был одним из тех парней, которые позволяют людям чистить себе обувь в аэропорту, избегая смотреть им в глаза. Самым заметным аксессуаром, однако, был злой взгляд на его идеальном лице. Сейчас он не говорил по телефону, но выглядел так, будто кто-то написал в его хлопья. На шее пульсировала вена. Он

раздраженно провел рукой по волосам. Ага. Перейти в этот вагон было, определенно, верным решением, хотя бы ради этой улады для глаз. Так как он не замечал никого вокруг, и было проще поглязеть на него. Он был чертовски сексуальным, когда злился. Что-то мне подсказывало, что он всегда злился. Он был как лев — ним лучше восхищаться издалека, в то время как близкий контакт мог привести к непоправимым повреждениям.

Рукава на рубашке были закатаны, демонстрируя массивные дорогие часы на правом запястье. С мрачным выражением на лице он смотрел в окно и теребил часы, двигая их вперед-назад. Выглядело, как нервная привычка, что казалось иронично, принимая во внимание то, как сильно он, наверное, нервировал окружающих.

Его телефон снова зазвонил.

Он ответил:

— Что?

У него был хриплый баритон, такой тембр голоса всегда ударял мне прямо между ног. Я просто мгнала от глубоких сексуальных голосов. Очень редко такой голос подходил мужчине.

Держа телефон правой рукой, левой он продолжал теребить застежку часов.

Клик-клик-клик.

— Ему придется подождать, — прорычал он.

— Ответ — я буду там, когда доберусь.

— Какая часть из этого тебе неясна, Лаура?

— Тебя зовут не Лаура? Тогда как тебя, черт возьми, зовут?

— Значит... *Линда*... скажи ему, чтобы он перенес встречу, если не может ждать.

После этого он повесил трубку и пробормотал что-то себе под нос.

Такие люди, как он, очаровывали меня. Они вели себя так, будто владели миром, только потому, что были одарены генетикой или возможностями, поставившими их в более высокую финансовую категорию. Он не носил обручального кольца. Готова поспорить, его день состоял лишь из эгоистичных занятий. Дорогой эспрессо, работа, еда в высококлассных ресторанах, безэмоциональный трах... и так по кругу. Натирание обуви и бадминтон где-то между этим.

Также готова поклясться, что он эгоист в постели. Конечно, я бы не выгнала его из своей постели, но все же. Не могу сказать, что когда-либо была с кем-нибудь таким же властным, как этот парень. Поэтому не могу по опыту сказать, во что вся эта власть воплощается в спальне. Большинство парней, с которыми я встречалась, были голодающими артистами, хипстерами или защитниками деревьев. Моя жизнь была далека от «Секса в большом городе». Больше смахивало на «Секс и Жалость в большом городе». Или «Секс и Дерьмо в большом городе». Наверное, я бы не возражала побывать Кэрри с этим парнем в роли мистера Бига хотя бы один день. (Примеч.: «big» — большой, *Мистер Биг* (*Mr. Big*) один из персонажей сериала «Секс в большом городе» и возлюбленный главной героини сериала). Или мистером Большшим Придурком в этом случае. (Примеч. *Mr. Big Prick* — мистер Большой Придурок).

Один изъян в моей маленькой фантазии — я, определенно, была не в его вкусе. Ему, скорее всего, нравились покорные тощие блондинки из высшего общества. Не фигуристые итальянки из Бенсонхерста с дерзкими манерами и разноцветными волосами. (Примеч.: район в юго-западной части Бруклина). Мои черные локоны свисают до попы, и выгляжу я как нечто среднее между Эльвирой и Покахонтас с большим задом. (Примеч. «Эльвира — повелительница тьмы» (англ. *Elvira, Mistress Of The Dark*) — американская кинокомедия). Концы волос я окрашиваю в разные цвета каждые две недели в зависимости от настроения. На этой неделе они ярко синие, что значит, дела идут достаточно неплохо. Когда они красные, ко мне лучше не подходить.

Мои мысли были прерваны визгом тормозов поезда, готовящегося к остановке. Внезапно, мистер Большой Придурок встал, распространяя облако дорогого одеколона

вокруг себя. Даже его запах был оскорбительно сексуален, хоть и властен. Он выскочил из дверей, и они закрылись за ним.

Он ушел. Вот и все. Шоу окончено. Ну, по крайней мере, это было весело.

Моя остановка была следующей, поэтому я подошла к той же двери. И тут ногой задела что-то, похожее на хоккейную шайбу. Это побудило меня глянуть вниз.

Биение сердца ускорилось. Мистер Большой Придурок, очевидно, оставил кое-что.

Он уронил телефон.

Свой чертов телефон!

Он вылетел из поезда так быстро, что телефон, наверное, выпал из его руки. Очевидно, я была настолько занята, восхищаясь его сочной задницей, обтянутой брюками, что не заметила. Подняв его айфон, я почувствовала, какой он теплый. Чехол пах им. Мне захотелось понюхать его, но удалось сдержаться.

Я прикрыла рот рукой и оглянулась. Если бы моя жизнь была ТВ-шоу, прямо сейчас был бы включен трэк со смехом. Никто на меня не смотрел. Никому не было дела, что у меня в руках телефон мистера Модные Штанишки.

Что мне с ним делать?

Спрятав его в свою леопардовую сумочку, я чувствовала, будто несу бомбу, когда выходила из перехода на солнечный манхэттенский тротуар. Я чувствовала, как вибрировал в сумке телефон от входящих сообщений, и он звонил, по крайней мере, один раз. Я была не готова трогать его, пока не выпью кофе.

После остановки возле лотка уличного торговца я обычно выпивала черный кофе и шла два квартала пешком до работы. Именно в этот день я опаздывала, поэтому решила отложить дальнейшее изучение жизни мистера Большого Придурка до ланча.

Появившись на своем рабочем месте, я достала телефон из сумочки и поняла, что батарея скоро сядет, поэтому подключила его к своему заряднику. Место ассистента автора легендарной колонки советов не было работой моей мечты, но она оплачивала счета. Ида Голдман была автором ежедневной колонки «Спросите Иду» уже многие годы. В последнее время она пыталась привлечь меня, поручая написать какие-нибудь ответы. Несколько заметок были напечатаны, другие были размещены на сайте Иды. Один из аспектов моей работы — мониторинг входящих вопросов и их сортировка: какие следует передать боссу, а какие нет.

В то время как ответы Иды были душевые и всегда политкорректные, мой взгляд был более прозаичный, лишенный всякой чепухи. В результате, она никогда не печатала мои ответы. Иногда я не могла удержаться и не ответить лично на некоторые вопросы, не проходившие отсева, — те, что окажутся в мусорке в любом случае. Некоторым людям нужна была помочь, и мне казалось неправильным игнорировать их мольбы.

Недавно я узнала, что у моего мужа есть заначка с порно. Что мне делать?

Триша, Квинс.

Отлично! Приобрести хороший вибратор. Убедись, что вернула все на место после того как кончиши, пока он на работе.

Я напилась на вечеринке и поцеловала парня лучшей подруги. Сейчас я не могу перестать думать о нем. Я чувствую себя ужасно, но мне кажется, что я влюблена в него. Скажете пару мудрых слов?

Дана, Лонг-Айленд.

Да, ты — илюха. До встречи в следующий вторник, Dana!

Мой парень недавно сделал мне предложение. Я сказала «да». Он самый милый и добродушный человек на свете. Проблема в том, что бриллиант в кольце, что он мне подарил, меньше, чем я надеялась. Я не хочу ранить его чувства. Мне нужно знать, как вежливо выразить свое разочарование.

Лори, Манхэттен.

Бог стоял перед таким же выбором, когда дело касалось тебя, милочка.

P.S. Когда жених бросит твою эгоистичную задницу, дай ему мой номер.

Честные и прямолинейные ответы на письма всегда заряжали меня необходимой для начала дня энергией. Утро прошло быстро. К обеду батарея телефона мистера Большого Придурка была полностью заряжена, поэтому я взяла его с собой в комнату для отдыха, заказав тайской еды навынос на двоих.

После ланча Ида ушла, оставив мне десять минут личного времени поковыряться в телефоне. К счастью, на нем не было пароля. Первая остановка — фотки. Их было немного. Если я думала, что смогу собрать информацию о том, кем был этот парень, основываясь на фотках в его библиотеке, я глубоко ошибалась. На первом фото была маленькая белая пушистая собака. Похоже, терьер или что-то в этом роде. Следующим было фото обнаженной женской груди с бутылкой шампанского посередине. Это были идеально круглые и явно фальшивые сиськи. Фу. Далее было больше фоток маленькой собаки. Затем групповое фото пожилых женщин, которые выглядели так, будто были на занятии по джаз аэробике. *Какого черта?* Я не удержалась и расхохоталась. Последнее фото — его селфи с пожилой женщиной. Он был одет более повседневно, волосы в небольшом беспорядке, и он улыбался. Он выглядел невероятно мило на этом снимке. Даже не верилось, что это был тот же заносчивый парень в костюме из поезда. Но красивое лицо подтверждало, что это был он.

У меня осталось пять минут до возвращения на рабочее место. В телефоне не было привязанного почтового аккаунта, поэтому я открыла контакты и решила позвонить по первому номеру в списке — Эйвери.

— Так, так, так, Грэхем Морган. Давно не виделись. Что случилось? Ты прошел через весь алфавит так быстро и решил начать сначала? Ты же помнишь, что я не одна из твоих игрушек? — Я услышала рев клаксона и движение на заднем фоне, сопровождаемое хлопаньем двери, приглушающей городские звуки. — В «Лэнгстон». И не проезжай через парк. Вишня сейчас цветет, а я не хочу, чтобы моя кожа покраснела перед встречей.

Она закончила гавкать на водителя и вспомнила про телефон.

— Так что тебе надо, Грэхем?

— Эм, здравствуйте. Это не Грэхем. Меня зовут Сорайя.

— Сор... что?

— Со-ра-яя. По-персидски — принцесса. Хотя я не из Персии. Мой отец просто думал...

— Каким бы ни было твое имя, говори, что ты хочешь и почему занимаешь мое бесценное время. И почему ты звонишь с телефона Грэхема Моргана?

Грэхем Морган. Даже его чертова имя было сексуальным. Понятно.

— Вообще-то, я нашла этот телефон в поезде. И я вполне уверена, что он принадлежит мужчине, которого я видела сегодня утром. Около тридцати лет, зачесанные назад темные волосы, немного длинноватые для такого костюма, завиваются у воротника. На нем был темно-синий костюм в тонкую полоску. Большие часы.

— Красивый, заносчивый и не в настроении?

Я слегка фыркнула.

— Да, это он.

— Его зовут Грэхем Морган, и я знаю, куда ты должна принести телефон.

Я выловила ручку из сумки.

— Хорошо.

— Ты далеко от метро?

— Не очень.

— Хорошо. Садись на первую линию. Проедешь «Пасс-Ректор-Стрит» и выходи на «Саус-Ферри-Терминал».

— Ладно, это я смогу.

— Как выйдешь, поверни направо у «Уайтолла» и затем налево на Саус-стрит.

Я знала этот район и попыталась представить здания вокруг. Это был коммерческий район.

— Разве это не приведет меня к Ист-Ривер?

— В точку. Защырни телефон этого козла туда и забудь, что видела этого мужчину.

Она положила трубку.

Итак, это было интересно.

Глава 2

Сорайя

Этим утром я собиралась отдать телефон.

Нет, серьезно, я собиралась.

И опять же, я собиралась закончить колледж. И путешествовать по миру. К несчастью, самое дальнее расстояние, на которое я выбиралась из города за последние годы, случилось, когда моя необразованная задница случайно уснула в РАТН (*Примеч.: скоростная подземная железная дорога метрополитеновского типа, соединяющая Манхэттен с городами Хобокен, Джерси-Сити, Гаррисон и Ньюарк в штате Нью-Джерси*) и проснулась в Хобокене. (*Примеч.: героиня проехала приблизительно четыре километра*).

Итак, телефон был надежно спрятан в боковом отделении моей сумочки. Я села в седьмой вагон на один ряд позади и через проход от мистера Большого Придурка, незаметно бросая на него долгие взгляды, пока он читал «Уолл-стрит Джорнэл». Мне нужно было больше времени, чтобы изучить льва. Животные в зоопарке всегда привлекали меня, особенно способ их общения с людьми.

Женщина, которая зашла на следующей остановке, села прямо напротив Грэхема. Она была молода, а длина ее юбки была на грани приличия. Ее стройные ноги были загорелыми, обнаженными и сексуальными — на мгновение она притянула к себе и мой взгляд. Лев на нее не набросился. Казалось, он даже не заметил ее, чередуя чтение газеты с бессознательным щелканьем своих больших часов.

Когда поезд достиг его остановки, я решила, что отдаю ему телефон. Завтра. Один день ничего не изменит. До конца поездки я смотрела его фотографии. Только в этот раз изучала их, уделяя больше внимания деталям на заднем плане, чем лицам в фокусе.

Фото с пожилой леди было сделано перед камином. Сначала я этого не заметила. Каминная полка была уставлена множеством фотографий в рамках. Я увеличила рамку, которая была снята более четко. На ней были изображены маленький мальчик и женщина. Мальчику на вид восемь или девять лет, он в какой-то униформе. У женщины — по крайней мере, я думала, что это женщина — короткая стрижка. Мальчиком мог быть Грэхем, но я не была уверена. Я почти пропустила остановку, увеличивая задний фон на другой фотографии, где был изображен почтальон. Какого черта я делаю?

Я остановилась у своего обычного торговца с кофе и сделала заказ.

— Я возьму большой холодный ванильный латте с соевым молоком без сахара.

Анил покачал головой и фыркнул. Время от времени, когда у него в очереди стояли женщины, которые выглядели так, будто не смогли отыскать «Старбакс», я заказывала какую-нибудь чушь. Обычно попадалась одна женщина, которая верила, что «Халяльное мясо» Анила подает фруктовые напитки. Хотя, на самом деле, есть лишь стандартный выбор из четырех опций: черный, с молоком, с сахаром или идите куда-нибудь еще, ему было все равно. Бросив мои деньги в чашку, он вручил мне обычный черный кофе, и я засмеялась, уходя прочь, когда услышала, что женщина попросила у него фраппучино.

Когда я пришла в офис, настроение у Иды было уже испорчено. *Заштабись*. Весь мир считал, что «Спросите Иду» была американской организацией, полной любви. Лишь несколько человек знали правду. Женщина, выдававшая накопившиеся дозы добрых советов, получала радость от издевательств над людьми и подлости.

— Найди номер Celestine Hotel. — Так она со мной поздоровалась.

Я включила свой древний рабочий компьютер. Интернет на моем телефоне «летал» гораздо быстрее, но я не пользовалась своими устройствами, потому что она отказывалась входить в двадцать первый век. Пять минут спустя я принесла ей данные в кабинет.

— Вот он. Мне забронировать там номер для вас?

— Принеси путеводитель из картотеки.

Я вручила его ей и ждала, так как она не ответила мне. Она просмотрела информацию о здании и нашла маленькую сложенную карточку — такую отель оставляет с именем горничной на нем. Она прочитала ее и передала мне.

— Позвони в отель. Скажи, что Маргарита не умеет убирать номер. Что это был последний раз, когда я останавливаюсь в Celestine. Ковер не был должным образом пропылесосен, а в душе на стенах были черные волосы.

— Хорошо.

— Обязательно упомяни имя Маргарита, и что мне нужен номер, который убирает кто-нибудь другой. Затем попроси скидку.

— Что, если они не дадут скидку?

— Все равно забронируй номер. В прошлый раз мой номер был идеально чистым.

— То есть ковер и душ не были грязными?

Она раздраженно выдохнула, будто пыталась сохранить терпение.

— Их цены на номера можно расценивать как настоящий грабеж. Я не собираюсь платить четыреста баксов за ночь.

— Значит, вместо этого вы хотите, чтобы я поспособствовала чьему-то увольнению?

Она выгнула тонкую нарисованную бровь.

— Может, хочешь, чтобы это была ты?

Ага. И эта сука дает советы об основах морали.

К моему счастью, сегодня была среда — каждую неделю в этот день Ида встречалась со своим редактором. Поэтому мне приходилось терпеть ее полдня, а после она оставляла мне длинный список заданий:

Закажи новые визитки. (Сделай их не такими красочными в этот раз, я управляю бизнесом, а не цирком).

Введи счета из синей папки в QuickBooks (Примеч.: бухгалтерская программа). (Выбери все скидки, даже если дата скидок прошла).

Отправь контракты Лоренсу на просмотр. Без примечаний в этом пункте. Причину этого я выяснила достаточно быстро. Она написала на каждой странице этих контрактов ярко-оранжевым маркером — «Чепуха. Неприемлемо».

Забери вещи из химчистки. (Номерок у меня на столе. Не плати им, если пометка на левом рукаве моего мохерового пиджака не отстиралась). Что это за хрень — мохер?

Доставка из Speedy Printing в полдень. (Никаких чаевых. Он снова опоздал на десять минут на прошлой неделе).

Список продолжался и продолжался. Я еле удерживалась, чтобы не выложить его в блог под последним советом, что она дала мужчине, у которого были проблемы с боссом. Вместо этого я врубила музыку (Ида не разрешает музыку на рабочем месте), дала парню из доставки двадцать долларов на чай из мелких расходов и взяла часовой перерыв. Я сидела, закинув босые ноги на стол, и играла с телефоном мистера Большого Придурка. Я посмотрела на ноги и пошевелила пальчиками, восхищаясь последним творением рук Тига — на подъеме стопы выгравированы два пера, свисающие с кожаного браслета вокруг лодыжки. В стиле Покахонтас. Так как краснота уже прошла, мне нужно зайти в их мастерскую, чтобы он сделал снимок для своей стены.

Я почти исчерпала свой трафик на этот месяц, поэтому набрала в поисковике «Грэхем Морган» с его телефона. Я была удивлена, получив в ответ больше тысячи результатов. Первым был веб-сайт его компании Morgan Financial Holdings. Я нажала на ссылку. Это был обычный корпоративный сайт, все очень чистенько и в бизнес-стиле. Лист учреждений был длинной в страницу, в нем было все — от недвижимости до финансовых инвестиций. От сайта попахивало папочкиными деньгами. Общей темой сайта, суммируя все направления, было управление крупным частным капиталом. *Богатые становятся еще богаче.* Кто управлял

моими активами? О, подождите. Точно. У меня их нет. Если не считать мои большие сиськи. И ими, определенно, никто не управляет.

Я нажала на раздел «*О компании*», и у меня отвисла челюсть. Первое фото было самого Адониса, Грэхема Дж. Моргана. Этот парень был, на самом деле, прекрасен. Прямой нос, волевой подбородок, глаза цвета растопленного молочного шоколада. Что-то мне подсказывало, что у него могли быть греческие корни. Я облизала губы. Черт. Под фото я прочитала его биографию. Двадцать девять лет, диплом с отличием в Уортоне (*Примеч. Уортонская школа бизнеса при Пенсильванском университете — американская бизнес-школа.*), холост, bla-bla-bla. Единственное, что меня удивило, это последнее предложение: «Мистер Морган основал Morgan Financial Holdings только восемь лет назад, хотя за место в его портфолио соперничают древнейшие и самые престижные инвестирующие компании Нью-Йорка». *Кажется, я ошиблась насчет папочкиных вложений.*

Стерев слюни с клавиатуры, я перешла к разделу «*Команда*». Здесь были указаны тридцать различных директоров и менеджеров, в лицах которых чувствовалось что-то общее. Все чересчур образованные и нахмуренные. Кроме одного бунтаря — он посмел улыбнуться в камеру на своем корпоративном фото. Бен Шиллинг занимал должность менеджера по маркетингу. Утомленная корпоративной жизнью, но еще не готовая вернуться к списку дел, я прокрутила список контактов Грэхема еще раз. Я прошла мимо имени Эйвери и задумалась, являлась ли эта женщина единственной, кого достал мистер Большой Придурок. Через несколько имен от Эйвери я нашла мужское имя Бен. Хм-м-м. Не раздумывая, я набрала сообщение:

Грэхем: Как дела?

Я была в предвкушении, когда увидела три прыгающие точки, означающие, что он пишет ответ.

Бен: Работаю над презентацией. Будет готова завтра, как и планировалось.

Грэхем: Отлично. Скажи Линде обозначить встречу в моем календаре.

По крайне мере, я правильно запомнила ее имя. Я смотрела, как три точки запрыгали и остановились. Потом снова продолжили прыгать.

Бен: Я не думаю, что Линда вернется. После того, что случилось на собрании вчера.

Итак, у нас кое-что получается. Я села в кресле.

Грэхем: На собрании вчера много чего случилось. О чем конкретно ты говоришь?

Бен: М-м-м-м... Я имею в виду тот момент, когда ты прокричал «ты уволена, убирайся из моего офиса».

Этот парень был полнейшим придурком. Кому-то нужно проучить его. Я открыла браузер и восстановила последнюю открытую страницу. Прокрутив до середины, я нашла то, что искала: Мередит Клайн, руководитель отдела кадров.

Грэхем: Может, я был слишком груб. Я на заседаниях весь день. Можешь зайти к Мередит в ОК и убедиться, что Линда получит месячное выходное пособие?

Бен: Конечно. Я думаю, она будет рада.

Это было слишком мягко, он может что-то заподозрить.

Грэхем: Предпочитаю не судиться с ней. Чему она будет рада — не мое дело.

Похоже, я зашла достаточно далеко, поэтому бросила телефон в сумочку, пока не успела еще как-нибудь навредить. Завтра я верну его. Жду не дождусь встречи с этим придурком лицом к лицу.

Глава 3

Сорайя

Morgan Financial Holdings занимал весь двадцатый этаж здания, согласно вывеске в лобби. Мой желудок заурчал, пока я ждала лифт. Учитывая, что я только что позавтракала, было понятно — это шалят нервы.

Почему от мысли о том, чтобы встретиться лицом к лицу с этим засранцем, я так нервничала?

Его внешность.

На самом деле, я понимала, что это из-за его внешности, и это нелепо. Я не была поверхностным человеком, но часть меня все равно замирала при виде этого кретина. Эту часть необходимо было отключить прямо сейчас.

Лифт издал звонок и открылся, впуская меня и бизнесмена в возрасте. Нас было только двое, когда двери закрылись. Когда мужчина почесал свои яйца, я посмотрела вниз на свою татуировку с перьями, чтобы отвлечься от этого. Почему я притягиваю мужиков, чешущих свое хозяйство? Слава Богу, лифт быстро добрался до двадцатого этажа. Я вышла, оставляя мужика одного, чтобы он мог без свидетелей ублажить себя.

Черная вывеска с золотыми буквами «*Morgan Financial Holdings*» висела над двойной стеклянной дверью. Сделав глубокий вдох и поправив свое маленькое красное платье, я прошла внутрь. Да, я принарядилась. Не судите.

Молодая рыжеволосая девушка на ресепшнене улыбнулась мне.

— Чем я могу вам помочь?

— Я здесь, чтобы увидеть Грэхема Моргана.

Казалось, она сейчас рассмеется.

— Вам назначено?

— Нет.

— Мистер Морган никого не принимает без предварительной записи.

— Вообще-то, у меня есть кое-что важное для него, поэтому мне действительно нужно его увидеть.

— Как вас зовут?

— Сорайя Венедетта.

— Вы можете сказать по буквам свою фамилию? Вендетта? Как месть кому-то?
(Примеч.: vendetta — месть).

— Нет, Вен-Е-детта. В середине Е. В-Е-Н-Е-Д-Е-Т-Т-А. — Если бы мне давали монетку каждый раз, когда кто-нибудь ошибался с моей фамилией... я была бы богаче Грэхема Дж. Моргана.

— Хорошо, мисс Венедетта. Итак, если хотите, можете присесть. Когда мистер Морган подойдет, я спрошу, примет ли он вас.

— Спасибо.

Расправив платье, я села на плюшевый диван из микрофибры, расположенный по диагонали от ресепшена. Меня не должно было удивить, что мистер Большой Придурок еще не на работе, так как этим утром его не было, как обычно, в поезде. Меня волновало, сколько придется прождать — я отпросилась только на полдня и должна была вернуться к Иде после обеда.

Бестолково пролистывая финансовые журналы, я почти не подняла голову, когда открылись двери. Мое сердце забилось быстрее, когда я увидела Грэхема — он выглядел злым, как обычно. Он был одет в черные брюки и белоснежную рубашку с закатанными рукавами. На запястье были те же блестящие часы. В одной руке он держал бордовую галстук, в другой — ноутбук. Когда он прошел мимо, опьяняющий запах его одеколона ударил прямо мне в нос. Глядя прямо перед собой, он не замечал ни меня, ни кого бы то ни было вокруг.

Администратор улыбнулась, когда он подошел к ней.

— Доброе утро, мистер Морган.

Грэхем не ответил. Он просто едва различимо прорычал что-то в ответ и прошел мимо нас, исчезая дальше по коридору.

Серьезно?

Я посмотрела на девушку.

— Почему вы не сказали, что я пришла к нему?

Она рассмеялась.

— Мистеру Моргану нужно время расслабиться утром. Я не могу бросить ему новость о незапланированном посетителе прямо с порога.

— Итак, сколько мне придется ждать?

— Я уточню у его секретаря через тридцать минут.

— Вы издеваетесь?

— Никак нет.

— Это чертовски нелепо. Мне потребуется только две минуты, чтобы сделать то, ради чего я пришла. Я не могу ждать все утро. Я опаздываю на работу.

— Мисс Вендетта…

— Вен-Е-дегта…

— Венедетта, извините. Есть четкие правила. Правило номер один гласит: если у мистера Моргана на утро запланировано важное собрание, его нельзя беспокоить до этого.

— И что он сделает, если вы его побеспокоите?

— Мне не хочется выяснять.

— А мне хочется. — Встав со своего места, я направилась по коридору, а рыжеволосая последовала за мной по пятам.

— Мисс Венедетта. Вы не знаете, что делаете. Вернитесь сейчас же! Я серьезно.

Я остановилась перед темной дверью вишневого дерева с именем Грэхема Дж. Моргана, выгравированным на табличке. Жалюзи на стеклянных окнах вокруг двери были полностью задернуты.

— Где его секретарь?

Она указала на пустой стол рядом с его кабинетом.

— Обычно она сидит здесь, но утром так и не появилась. Поэтому я точно не могу его сейчас побеспокоить, так как он, вероятно, очень зол из-за этого.

Администратор посмотрела на другую женщину-сотрудника, которая работала в соседней кабинке.

— Ты знаешь, почему Ребекка до сих пор не пришла?

— Ребекка уволилась. Агентство ищет замену.

— Прекрасно, — фыркнула администратор. — И она продержалась… два дня?

Женщина рассмеялась.

— Неплохо, учтивая…

Что же он за человек такой, этот Грэхем Морган?

Что он о себе возомнил?

Внезапно меня накрыло волной адреналина. Я подошла к пустому столу секретаря и нажала кнопку интеркома, на которой значилось «ГДМ».

— Кто ты, черт возьми, по-твоему, такой? Волшебник страны Оз? Я вполне уверена, что будет проще встретиться с Королевой Елизаветой.

Страх в глазах администратора был ощутим почти физически, но она знала, что было слишком поздно, поэтому просто стояла в сторонке и наблюдала.

Ответа не было почти минуту. Затем раздался его проникновенный голос:

— Кто это?

— Меня зовут Сорайя Венедетта.

— Венедетта, — он правильно повторил мое имя. От меня не укрылось, что он произнес его точно, в отличие от многих других.

Когда он больше ничего не сказал, я нажала на кнопку снова.

— Я терпеливо ждала, чтобы встретиться с тобой. Но, очевидно, ты там дрочишь или что-то еще. Все здесь напуганы до полусмерти, поэтому никто не хочет говорить тебе, что я здесь. У меня есть то, что, мне кажется, ты ищешь.

Его голос раздался снова:

— О, неужели?

— Да. И я не собираюсь отдавать его тебе, пока ты не откроешь эту дверь.

— Дайте, я кое-что спрошу у вас, мисс Венедетта.

— Хорошо...

— Та вешь, что, как вы утверждаете, я ищу. Это лекарство от рака?

— Нет.

— Это оригинальная «Шелби Кобра»? (*Примеч.: марка гоночного автомобиля*).

Что?

— Эм... нет.

— Тогда вы ошибаетесь. У вас нет ничего, что я могу искать и что заставит меня открыть дверь и иметь дело с вами. А сейчас, пожалуйста, покиньте этаж, или я вызову охрану.

К черту. Я не собиралась мириться с этим бредом. С этого момента я не хотела больше иметь с ним ничего общего. Поэтому я решила оставить его тупой телефон. Я вытащила его из сумки, и тут меня осенило. Прощальный подарок. Я сделала три фотографии: одну — моего декольте со средним пальцем посередине, другую — моих ног и третью — моей задницы. Затем я записала свой номер в его телефон, назвав себя *«Всегда Пожалуйста, Козел»*. Я специально не показала своего лица, потому что не хотела, чтобы он узнал меня в поезде.

Я отправила ему все три фотографии и добавила сообщение.

Твоей матери должно быть стыдно за тебя.

Я вручила администратору телефон и сказала:

— Убедитесь, что он получит свой телефон.

Плавной походкой я вышла оттуда, несмотря на небольшое чувство поражения и огромное раздражение.

Мое настроение еще больше испортилось, когда я пришла на работу. Единственным хорошим событием стало то, что у Иды возникло неожиданное собрание в другом месте, поэтому мне не пришлось иметь с ней дела. Я воспользовалась преимуществом и ушла на час раньше.

После работы я заглянула к Тигу и его жене Делии. Мы с ними были лучшими друзьями с детства, росли по соседству, у Тига и Делии был свой салон *«Тату и Пирсинг»* на Восьмой авеню.

Я слышала жужжание машинки Тига в углу, он был занят с клиентом. Тиг заведовал чернильными делами, Делия отвечала за пирсинг. Всякий раз, когда у меня было такое нестабильное состояние, я становилась очень импульсивной. Я уже решила, что сегодня дома покрашу концы волос в красный, но этого оказалось недостаточно, чтобы успокоиться.

— Дел, я хочу проколоть язык.

— Убирайся. — Она пренебрежительно махнула рукой, прекрасно зная колебания моего настроения.

— Я серьезно.

— Ты говорила, что никогда не сделаешь пирсинг. Я не хочу, чтобы ты потом вернулась и обвиняла меня, когда настроение вернется в норму.

— Ну, я передумала. Я хочу.

Тиг услышал и на секунду обратил свое внимание на нас.

— Я тебя знаю. Сегодня наверняка случилось что-то неприятное, иначе ты бы не захотела проколоть язык ни с того, ни с сего.

Я шумно выдохнула.

— Да, кое-что неприятное, ладно.

Я рассказала им всю историю: с того момента, когда нашла телефон Грэхема и до его грубости через интерком сегодня.

Тиг заговорил сквозь жужжание иглы.

— Забей. Тебе больше не придется иметь с ним дело. Ты позволяешь ему достать тебя. Просто сотри его из памяти.

Я знала, Тиг был прав. Просто не могла понять, почему отказ Грэхема так на меня повлиял. Я не хотела заниматься самоанализом сегодня или связывать это с проблемами с моим отцом. Может быть, я надеялась, что приятно удивлюсь сегодня, а вместо этого получила полное разочарование. Что-то не давало мне просто отпустить все. Я надеялась узнать о Грэхеме больше, но уже не узнаю. Я не понимала, почему это имело для меня такое значение. И пока я этого не выясню, я буду разбираться с этим, как умею.

— Я все еще хочу, чтобы ты проколола мне язык.

Делия закатила глаза.

— Сорайя…

— Ну же, Дел. Просто сделай это!

Мой язык болел, когда я ехала на поезде домой. Читая инструкцию по уходу, я не могла не фыркать про себя.

«Воздержитесь от поцелуев и другой оральной активности, пока полностью не заживет».

Ага… это не будет проблемой, учитывая то, что мне не с кем принимать участие в указанных активностях. Все указания казались простыми, пока я не дошла до последней.

«Не пейте кислые или алкогольные напитки, пока рана не зажила».

Вот же черт. Я бы прострелила себе ногу из-за того, что решила проколоть язык, тогда как просто могла утопить свои печали в выпивке.

Приехав домой, я сняла одежду и начала красить концы волос красным, означающим худшее из моих возможных состояний. И когда я уже думала, что знаю, как пройдет эта ночь, случилось то, чего я точно не ожидала.

Глава 4

Грэхем

Мой день был полностью захвачен безликой парой сисек и татуировкой с пером. Что еще хуже — это следующее за фото сообщение.

Из всех возможных подписей, которые могла добавить, она выбрала именно эти слова. Ей потребовалось отправить лишь одно сообщение, чтобы разрушить весь мой день. Может, даже неделю.

Твоей матери должно быть стыдно за тебя.

Пошла к черту, Сорайя Венедетта.

Пошла к черту, потому что права.

Это странная женщина не давала мне покоя.

Она лишь раз назвала свое имя через интерком, и оно засело у меня в голове. Обычно, имена влетают в одно ухо и вылетают из другого.

Сорайя Венедетта.

Технически, ее полное имя *Сорайя «Всегда Пожалуйста, Козел» Венедетта.*

Как у нее оказался мой телефон?

Сообщение не давало мне покоя, и я перечитывал его снова и снова.

Твоей матери должно быть стыдно за тебя.

С каждым следующим прочтением я становился все злее, потому что глубоко внутри я знал, что вернее слов быть не может. Мой матери *было бы* стыдно за меня, за то, как я обращаюсь с людьми каждый день. Каждый переживает трагедию по-своему. После смерти матери я предпочел закрыться от людей, сфокусировать всю энергию на обучении и карьере. Я не хотел больше ничего чувствовать, с кем-то связываться. Лучший способ в этом преуспеть — отпугивать людей. Если бы была такая форма искусства — быть козлом, я бы был мастером. Чем более успешным я становился, тем легче это было.

Поразительным было то, что человеку с моим положением и внешним видом может сойти с рук. Почти никто не бросал мне вызов. Они просто принимали это. За все эти годы никто не разговаривал со мной в моей фирме так, как это сделала Сорайя Венедетта сегодня. Никто.

Несмотря на то, что ее наглое поведение через интерком впечатлило меня, я почти забыл о ней, пока Ава, администратор, не постучала в мой кабинет и не вручила мне телефон.

И сейчас, спустя несколько часов, я все еще сижу, размышляя над словами Сорайи. И полностью одержим прекрасной грудью, округлости которой хорошо видны в вырезе платья цвета дьявола.

Ей подходит.

Сорайя Венедетта была маленьким дьяволом.

Она оставила меня неспособным сконцентрироваться на работе, поэтому я отменил единственную встречу после обеда и ушел из офиса.

Вернувшись домой, я сидел на диване и попивал коньяк, продолжая размышлять. Чувствуя, что со мной что-то не так, мой вестхайлендский терьер Блэки просто сел у моих ног, даже не требуя поиграть с ним.

Из окон моего кондоминиума в верхнем Вест-Сайде открывался вид на очертания Манхэттена. Было темно, городские огни освещали вечернее небо. Чем больше я пил, чем ярче казались огни, тем больше смывались мои внутренние ограничения. Где-то в этом

огромном городе Сорайя чувствовала удовлетворение от своего маленьского действия, не зная, что разрушила меня в процессе.

Я снова уставился на фото татуировки на ее ноге. До меня дошло, что она не показала лицо на фото, потому что она, возможно, страшная, как смерть. При этой мысли мой смех прокатился эхом по пустому и холодному пространству гостиной. Мне хотелось знать, как она выглядит. Я жалел, что не открыл дверь своего кабинета, чтобы закрыть потом перед ее носом.

Мой палец завис над ее именем «*Всегда Пожалуйста, Козел*». Я хотел заставить ее чувствовать себя так же ужасно. Поэтому я сделал то, что сделал. Я ответил на ее сообщение.

Грэхем: *Моя мама, вообще-то, умерла. Но да, ей было бы стыдно.*

Примерно через пять минут мой телефон прозвенел.

Сорайя: *Мне жаль*

Грэхем: *И не зря.*

Я должен был отпустить. Она должна была почувствовать себя дерзковато, это должен был быть конец. Но я был взбудоражен. Не говоря уже о том, что еще и чертовски возбужден. На мне сказалось то, что я весь день плялся на ее грудь, ноги и задницу.

Грэхем: *Что на тебе надето, Сорайя?*

Сорайя: *Ты серьезно?*

Грэхем: *Ты испортила мне день. Ты мне должна.*

Сорайя: *Я не должна тебе ничего, гребаный извращенец.*

Грэхем: *И это говорит женщина, приславшая мне снимок своего декольте. Классные сиськи, к слову. Они настолько большие, что мне показалось, что это фото задницы.*

Сорайя: *Задница — это ты.*

Грэхем: *Покажи свое лицо.*

Сорайя: *Зачем?*

Грэхем: *Потому что я хочу проверить, подходит ли оно твоему характеру.*

Сорайя: *И что бы это значило?*

Грэхем: *Это не сулит тебе ничего хорошего.*

Сорайя: *Ты никогда не увидишь мое лицо.*

Грэхем: *Наверное, это к лучшему. Итак, намекни мне, что на тебе надето...*

Сорайя: *Красный.*

Грэхем: *То есть, ты не переодела то платье?*

Сорайя: *Нет. Я голая, по всему моему телу течет краска и мой язык пульсирует благодаря тебе.*

Это было странно.

Грэхем: *Интересное зрелище.*

Сорайя: *Ты действительно чокнутый, чувак.*

Грэхем: *Я НЕМНОГО чокнутый, вообще-то. Мне, наверное, нужно проверить голову, потому что я весь день фантазирую о безголовой женщине.*

Сорайя: *Ну, голой фотки не будет.*

Грэхем: *А если я буду первым?*

Она, должно быть, испугалась, так как не ответила на это. Решив прекратить препираться с ней, я бросил телефон на диван и поднял Блэки к своей груди, где он и остался, когда я заснул.

На следующий день мне удалось выбросить Сорайю из головы. Но два дня спустя одержимость вернулась в полной мере.

Утренний поезд был практически переполнен, и мне негде было сесть. Держась за металлический поручень для равновесия, я осмотрелся вокруг. На самом деле, я практически никогда не уделял внимания людям в поезде, и сейчас вспомнил почему.

Чертовы фрики.

В какой-то момент я опустил взгляд в пол, к ноге женщины, сидящей через проход от меня. Мое сердце яростно забилось, когда я увидел такую же татуировку с пером, как и у Сорайи. Ногти на пальцах ног были окрашены тем же оттенком красного.

Черт возьми.

Это была она.

Она ездила на том же поезде! Вот как, скорее всего, у нее оказался мой телефон.

Я не мог посмотреть выше. Не хотел разочаровываться. Будет лучше продолжать фантазировать, но не видеть ее лица.

Но боже, я должен. Мне нужно знать, как она выглядит.

Мысленно досчитав до десяти, я позволил взгляду медленно подняться по длине ее скрещенных ног. Черная кожаная юбка, леопардовая сумочка сбоку, ярко-фиолетовая блузка с глубоким вырезом, демонстрирующая грудь, о которой я фантазировал. Затем я перевел взгляд выше шеи.

Черт.

Черт.

Черт.

Она смотрела перед собой. Шелковые прямые черные волосы, окрашенные красным на концах и затянутые в конский хвост, открывали длинную нежную шею. Идеальной формы бантика губы с ярко-красной помадой. Вздернутый носик. Большие, как блюдца, карие глаза. Чтоб вы знали, у дьявола было лицо ангела. В действительности, Сорайя Венедетта была секс-бомбой. Мой член дернулся от восхищения. Если раньше я пытался ее забыть, то сейчас это будет невозможно.

Когда она повернулась и заметила, что я смотрю на нее, наши взгляды встретились. Я не был уверен, знает ли она меня, но мое сердце ускорило темп. Потом, не впечатленная, она просто отвернулась к окну поезда.

Она не знала, как я выгляжу?

Я задумался. В телефоне была лишь пара моих фоток, на одной я был в повседневной одежде в гостях у бабушки. Может быть, она не смотрела фотки? Нет, Сорайя Венедетта определенно не промолчала бы, если бы узнала меня.

Она не знала.

Вздохнув с облегчением, я продолжил смотреть на ее красивое лицо, пребывая в восторге от того, что это оказалась та женщина, перевернувшая мою жизнь с ног на голову. Я увидел свободное место и сел туда. Вытащив телефон, я прокрутил список контактов до ее имени.

Это будет весело.

Грэхем: У тебя длинные или короткие волосы?

Это была самое безобидное, что я мог придумать. Я подумал, что если начну рассказывать ей, как фантазировал о ней в душе сегодня утром, мысленно намазывая маслом эту большую невероятную грудь и скользя членом внутрь нее и наружу, она может больше не ответить.

Сорайя: У тебя есть предпочтения?

Грэхем: Длинные. Я люблю женщин с длинными волосами.

Я не мог смотреть в ее сторону, но понял, что если посмотрю в окно, смогу увидеть ее отражение. Она подняла голову и глянула в мою сторону, затем снова уткнулась в телефон.

Сорайя: Короткие. Очень короткие волосы.

Лгунья.

После того, как она отправила сообщение, на ее губах появилась хитрая ухмылка. *Я это исправлю.*

Грэхем: Очень плохо. Весь день вчера я фантазировал о твоих волосах, достаточно длинных, чтобы обернуть их вокруг запястья.

Я наслаждался, наблюдая, как хитрая ухмылка исчезла. Она приоткрыла губы, и я был уверен, что если бы был ближе, услышал бы, как она резко вдохнула. Она поерзала в своем кресле, прежде чем ответить.

Сорайя: Извини. Не выйдет. У меня строгие предписания не заниматься оральной деятельностью некоторое время.

Какого черта?

Грэхем: Что?

Сорайя: От кого. От кого — правильная формулировка.

Грэхем: Этикет текстового общения от женщины, присылающей порно незнакомцам.

Сорайя: Я не посылаю порно незнакомцам. Ты просто меня выбесил. Я хотела показать, что ты упускаешь, отказавшись спуститься со своего трона и встретиться со мной.

Грэхем: Если таков результат, я планирую снова тебя побесить. И часто.

Некоторое время она смотрела в окно. Моя остановка приближалась. Эта женщина запросто выбивала почву у меня из-под ног. Я понимал, что не смогу сконцентрироваться на встрече в восемь утра из-за ее предписаний по оральной активности, зависших в воздухе. Поэтому я отступил.

Грэхем: От кого?

Сорайя: Делия.

Черт. Она лесбиянка? Эта мысль ни разу не возникала у меня в голове. Что за лесбиянка будет посыпать полу голые фотки мужчине?

Грэхем: Ты лесбиянка?

Поезд замедлился, мы подъезжали к моей остановке. Если бы у меня не было важной встречи, я бы остался только ради того, чтобы увидеть, где она выходит. Наперекор своему рассудку, я посмотрел на нее, перед тем как встать. Ее голова была наклонена, пока она писала сообщение, но на ее лице была улыбка. Прекрасная настоящая улыбка. Не одна из тех прилепленных, отрепетированных перед зеркалом улыбок, в которых преуспели мои бывшие

партнерши. Нет. Сорайя Венедетта по-настоящему улыбалась. Немного кривовато, но чертовски красиво.

Мой телефон завибрировал, извещая о новом сообщении. К счастью, это отвлекло мое внимание от нее, пока меня не поймали.

Сорайя: ХА. Нет, я не лесбиянка. Делия проколола мой язык два дня назад. Отсюда и жесткий запрет на оральную активность, пока не заживет.

Черт.

Я закрыл глаза, пытаясь успокоиться, но стало еще хуже. Я представил, как она опускает свое нежное маленькое лицико к моему члену, ее проколотый язык... и мгновенно распахнул глаза.

Полностью сбитый с толку, я с трудом вышел из поезда до того, как закрылись двери. Как, черт возьми, я собираюсь работать сегодня, зная эту новую информацию?

Глава 5

Сорайя

Это был прекрасный безоблачный день. Я смотрела в окно, пытаясь понять, какой черт в меня вселился. Вокруг меня были симпатичные мужчины, с некоторыми я даже встречалась. Так почему присутствие рядом Грэхема Дж. Моргана делало меня тринадцатилетней девочкой, нервничающей, когда красивый мальчик сел напротив в школьном кафетерии?

Я ненавидела реакцию своего тела на него. Это была химия, естественно появляющаяся, и которую невозможно усмирить. Я не могла бороться с тем, что со мной происходило, и не могла подавить химию, которая отсутствовала с Джейсоном, моим последним парнем.

Сев на более ранний поезд этим утром, я точно не была готова встретиться лицом к лицу с Грэхемом. Когда наши взгляды встретились, его зрачки расширились на мгновение. Я подумала: вдруг у него такая же реакция тела на меня, как и у меня на него. Но потом он отвернулся, полностью не впечатленный. То, что он едва признавал мое существование, было своего рода виртуальным отрицанием. Но мои руки все равно тряслись, когда пришло его первое сообщение. Хорошо было то, что шок от лицезрения его, казалось, не отразился на моем лице. Он не имел представления, кто я, и я планировала так все и оставить.

Ида прервала мои мысли. Она бросила на мой стол толстую пачку нераспечатанных писем. Кто в наши дни пишет письма от руки и отправляет их в колонку советов?

Эгей, электронная почта? Ты там? Это я, XXI век.

— Я подумала, ты можешь написать несколько ответов для интернет-колонки?

— Конечно. Сделаю.

— Может, в этот раз ты сможешь дать уместные советы.

Я чувствовала себя чертовские *не* уместно сегодня утром.

— Я попробую.

— Пробовать не достаточно. Сделай это как надо в этот раз. — Она хлопнула дверью своего кабинета, и я показала ей средний палец.

Я потратила почти час, разгребая эту кучу, пока не нашла несколько писем, на которые я смогла бы ответить в стиле Иды. Несколько первых набросков превратились в смятые шарики бумаги, летевшие мимо мусорки. Потом я поняла, что есть способ, как переделать плохие советы. Сначала я напишу набросок ответа, какой мне хотелось бы прочитать. Потом нужно поменять каждое слово в каждом предложении на полностью противоположное. Поразительно, но двухэтапный процесс помог сымитировать манеру Иды.

Дорогая Ида.

В прошлом году я застала своего парня за изменой. Он сказал, что это была чудовищная ошибка, и клялся, что это случилось только один раз. Пережив сильную душевную боль, я согласилась продолжить наши отношения. Но я просто не могу это преодолеть. На работе есть мужчина, который меня привлекает. Мне кажется, если я с ним пересплю, это может помочь. Могут ли два неправильных поступка спасти отношения?

Паула, Морнингсайд-Хайтс.

Этап 1.

Дорогая Паула.

ДА! Два неправильных поступка не дают одно правильное, но они дают чертовски хорошее оправдание. Действуй! Конечно, отношения требуют обязательств так же, как и безумие. Измена — не ошибка, это выбор. Будь реалисткой. Однажды изменил —

изменит снова. Отомсти, оседлай того красавчика. Затем брось своего парня, пока он не сделал это снова.

Этап 2.

Дорогая Паула.

Нет. Два неправильных поступка в сумме никогда не дадут правильный. Если ты действительно хочешь спасти ваши отношения, ты должна избегать соблазна любой ценой. Люди ошибаются, но они также учатся на своих ошибках и меняются. Ошибается человек, Бог прощает. Прости его. Верь ему, что он больше так не сделает. Перетерпи, если любишь его по-настоящему.

После того как освоила этот способ, я написала ответы за два дня и отдала Иде на проверку. Когда мой телефон завибрировал в середине дня, я была взволнована, надеясь, что это Грэхем. Как бы смешно это ни звучало, я с нетерпением ждала его злобных пошлых сообщений. Обнаружив сообщение от Аспена, я глубоко разочаровалась. Я полностью забыла о сегодняшнем свидании. Моеей немедленной реакцией было отменить все. Но вместо этого я соврала и ответила, что с нетерпением жду вечера. Он был другом друга, которого я встретила на вечеринке, и казался хорошим парнем. К тому же, сидеть дома и ждать сообщений от мужчины, который никогда не заинтересуется такой девушкой, как я, было просто только на словах.

После работы я приложила усилия, чтобы выглядеть хорошо, надеясь изменить настроение. Я влезла в обтягивающие джинсы и ярко-фиолетовую блузку, демонстрирующую мое впечатляющее декольте. Добавив пару черных сексуальных босоножек, я посмотрела в зеркало. Я выглядела чертовски хорошо. *Пошел ты*, Грэхем Морган, считающий, что я не стою второго взгляда.

Я жила в Бруклине и всегда встречалась с парнями там, куда мы шли. На общественном транспорте не заедешь за человеком. Но мне это нравилось, так как я не любила давать виртуальным незнакомцам свой адрес. Но Аспен планировал отвезти меня куда-то на Лонг-Айлэнд, поэтому он заехал за мной.

— Я надеюсь, ты не возражаешь. Мне нужно будет заехать в одно место.

— Конечно, без проблем.

В отличие от нашей первой встречи в клубе, в его машине разговор был неловким. Мне приходилось задавать вопросы, чтобы поддерживать длительный разговор.

— Итак, куда мы направляемся? Ты упоминал клуб.

— Это комедийный клуб. Я начинаю в девять.

— Ты выступаешь?

— Ага. — Он пожал плечами. — Решил убить двух зайцев одним выстрелом.

Что-то в его ответе меня насторожило. Он рассматривал наше свидание как задание. Но я пыталась извлечь из этого выгоду. Я давно не была в комедийном клубе, и, наверное, он хотел похвастаться. Когда мой телефон зажужжал в сумке, я достала его, чтобы посмотреть, кто это был. Мне ненавистно было признавать, но часть меня хотела, чтобы это был Грэхем.

Аспен завернулся на парковку.

— Я всего на пару минут.

Он оставлял меня в машине?

— Где мы? — Я оглянулась в темноте. Слева был супермаркет, а справа «Похоронное бюро Уайта».

— Мне пришлось заехать в «Уайт». Моя тетя умерла.

— Твоя тетя умерла?

— Ага. Это займет минут десять. — Он начал вылезать из машины. — Если только ты не хочешь пойти со мной?

— Эм-м... Я подожду здесь.

Какого черта?

Ошарашенная я сидела на парковке. Он действительно привез меня на похороны тети, а потом повезет на работу. Когда телефон снова завибрировал, я решила, что так смогу отвлечься.

Грэхем: Как твой язык?

Сорайя: Хорошо, уже не опухший.

Грэхем: Я волновался об этом целый день.

Сорайя: Серьезно?

Я улыбнулась. Мой разговор с прекрасным извращенцем может стать светлым пятном свидания с Аспеном.

Грэхем: Что ты делаешь сейчас, Сорайя?

Пока читала его сообщение, я буквально слышала его сексуальный хриплый голос, шепчущий этот вопрос мне в ухо. Волоски на руках встали дыбом. Мое тело хотело этого мужчину, несмотря на то, что говорил мозг.

Сорайя: Я на свидании, вообще-то.

Он долго не отвечал. Я начала думать, что все закончилось. Но потом телефон завибрировал снова.

Грэхем: Можно смело предположить, что оно проходит не очень хорошо, так как ты пишешь смс сейчас?

Сорайя: Это верное предположение.

Грэхем: Как его зовут?

Сорайя: Зачем тебе это знать?

Грэхем: Так я буду знать имя человека, который мне внезапно не понравится.

И снова я улыбалась чертовому телефону.

Сорайя: Аспен.

Грэхем: Он идиот.

Сорайя: Ты понял это только по имени?

Грэхем: Нет. Я понял это, так как ты пишешь другому мужчине во время свидания с ним.

Сорайя: Могу предположить, что если бы я была с тобой, я бы не писала смски.

Грэхем: Если бы ты была со мной, тебе было бы плевать, где твой телефон.

Сорайя: Это правда?

Грэхем: На самом деле так.

Странно, но я была согласна. Вздохнув, я решила поделиться деталями своего печального свидания.

Сорайя: Он привел меня на похороны.

Грэхем: На свидание?

Сорайя: Ага.

Грэхем: Я надеюсь, ты пишешь мне по пути к ближайшему поезду.

Сорайя: Похороны проходят на Лонг-Айленде. Я типа застряла здесь до конца свидания.

Грэхем: Будет что-то кроме похорон?

Сорайя: Да, он ведет меня на работу.

Грэхем: Повтори-ка?

Сорайя: ХАХА

Грэхем: Где ты? Я приеду за тобой.

Это было... мило со стороны мистера Большого Придурка?

Сорайя: Спасибо. Мне и так хорошо.

После этого он перестал писать. Хуже того, Аспен вернулся в машину и дела пошли еще хуже. По приезду в комедийный клуб, мой партнер выпил две порции водки с тоником. Когда я упомянула, что ему везти нас домой, он сказал, что знает свои пределы. Очевидно, он не знал моих. Через три минуты после того, как он поднялся на сцену и выдал первые плохие шутки, я отошла в дамскую комнату, а затем выскользнула через заднюю дверь. Заплатив по тарифу одиннадцать долларов таксисту, я ждала первого из трех поездов до дома. Может, стоит на время сделать перерыв в свиданиях?

Глава 6

Грэхем

Все утро у меня было чертовски ужасное настроение все утро. Если подумать, мой гнев начал копиться со вчерашнего вечера. Как раз тогда, когда женщина с телом дьявола и лицом ангела сказала мне, что лучше останется с каким-то придурком, который на свидании привел ее на похороны, чем позволит мне забрать ее.

Если бы рано утром у меня не было встречи, я бы запрыгнул в поезд и сказал бы ей, кто я. Снова глядя на фото ее роскошной груди на экране телефона, я понял, *кем я на самом деле был*... почти сталкером. И это выбесило меня еще больше. *К черту Сорайю и ее свидание*.

— Ребекка! — Я нажал на интерком и ждал ответа секретаря.

Ответа не последовало.

— Ребекка! — Во второй раз я прорычал так громко, что интерком был не нужен. Весь гребаный офис услышал меня.

Мне снова никто не ответил.

Бросив документы на стол, я гневно протопал к своему секретарю. На ее месте сидела рыжеволосая девушка.

— Ты кто?

— Я Линн. Ваш секретарь последние два дня. — Она нахмурила брови, будто я должен был знать, о чём, черт возьми, она говорила.

— Что случилось с Ребеккой?

— Я не знаю, мистер Морган. Вы хотите, чтобы я выяснила?

— Нет, я хочу, чтобы ты принесла мне ланч. Индейку на слегка прожаренном цельнозерновом хлебе с одним куском швейцарского сыра. Не двумя. Одним. Кофе. Черный.

— Хорошо.

— Администратор на ресепшене контролирует мелкие расходы. Поговори с ней.

Она улыбнулась мне, но не сдвинулась с места.

— Ну, так чего ты ждешь? Иди.

— Ох, вы хотите, чтобы я пошла сейчас?

Я заворчал и ушел обратно в кабинет.

Вскоре после полудня мой телефон завибрировал и показал новую фотографию ног Сорайи. Раньше она не начинала разговор.

Чтоб меня.

Эта женщина станет моей погибелью. Я должен заставить ее встретиться со мной.

Грэхем: Покажи мне больше.

Сорайя: Это все, что ты получишь.

Грэхем: Ты любительница подразнить. Открой их для меня.

Сорайя: Ни за что.

Грэхем: Внезапно у тебя появились моральные принципы?

Сорайя: У меня есть пределы, а показывать то, что у меня между ног, это, определенно, жесткий предел.

Грэхем: И, определенно, нет предела, насколько ЖЕСТКИМ ты меня сделаешь. На самом деле, даже мысль об этом сделала меня жестким прямо сейчас.

Сорайя: Изверженец. Ты на работе?

Грэхем: Ты знаешь, что я на работе. Иначе зачем бы ты прислала мне свои ноги? Ты хочешь меня достать.

Сорайя: Для этого много не требуется.

Грэхем: Ты не покажешь мне свою киску. Хотя бы дай услышать твой голос.

Сорайя: Ты уже слышал мой голос.

Грэхем: Да, но ты была агрессивной. Я хочу услышать твой голос, когда ты мокрая и возбужденная.

Сорайя: И как ты узнаешь, что я мокрая и возбужденная?

Грэхем: Я могу это почувствовать.

Сорайя: Серьезно...

Грэхем: Ага.

Телефон начал вибривать. *Сорайя.*

Мой голос намеренно стал низким и соблазнительным.

— Привет, детка.

— Не дяткой мне.

Моему телу хватило всего лишь звука ее голоса, чтобы завибрировать от волнения.

— Я хочу увидеть тебя. Мне нужно знать, как ты выглядишь.

Боже, мне нужно потрогать тебя.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему нет?

— Не думаю, что мы подходим друг другу. Я не в твоем вкусе.

Выгнув бровь, я спросил:

— А кто в моем вкусе?

— Я не знаю... надменная богатая сучка? Кто-то, кто поощряет такого самодовольного мистера Костюма, как ты.

Я громко засмеялся.

— Самодовольный мистер Костюм, да?

— Да. Ты напыщенный и думаешь, что можешь вытираять ноги о других людей.

— Ну, единственный человек, о которого я хочу потеряться сейчас, это ты, Сорайя. По всему. Твоему. Телу.

— Как ты можешь быть таким придурком?

— Почему люди такие, как есть? Мы не рождаемся такими. Этому учатся.

— То есть, быть кретином — это искусство, которым ты овладел?

— Я кретин, потому что... — Я задумался. — Потому что не хочу разбираться со всей этой хренью, которая обязательно происходит, когда я ослабляю бдительность.

— Что случилось с тобой, когда ты потерял бдительность?

— Что за серьезные вопросы, Сорайя? Я не открываюсь женщинам, которых еще даже не трахал.

— Если я позволю поиметь себя, ты раскроешь мне все свои секреты?

Мой член дернулся только от мысли быть внутри нее.

— Я скажу тебе все, что ты хочешь услышать, если на кону будет секс с тобой.

— В точку. Об этом я и говорю!

Несмотря на то, что мы немного спорили, я чувствовал улыбку в ее голосе. Непонятно каким образом, но я знал, что она улыбается и наслаждается нашим разговором.

Прочистив горло, я сказал:

— Итак... поменяемся местами. Как ты стала такой ехидной маленькой красоткой?

— Я всегда была такой.

Я хмыкнул про себя. Однако поверил ей. Казалось, она от природы была вспыльчивой, а не ради показухи. Такой она была на самом деле.

— Кем ты работаешь, Сорайя?

— А как ты думаешь?

— Вопрос с подвохом. — Я почесал подбородок и положил ноги на стол. — Основываясь на том минимуме, который я о тебе знаю... потрясный набор из груди и ног... Я бы сказал, что ты танцовщица гоу-гоу в каком-нибудь темном прокуренном клубе.

— Ну, часть про темное и прокуренное ты угадал. Мой офис мрачный, а босс любит облизывать попки.

— Надеюсь, не твою попку он облизывает?

Господи. Заткнись, пока она не подумала, что ты ревнивый безумец.

— Он — это она... и это попки сигарет она любит облизывать за закрытыми дверями своего кабинета. Я работаю в колонке советов. Это хреновая работа, но она позволяет оплачивать счета.

— Мне кажется, это звучит очень интригующе. Что за колонка?

— Не уверена, что должна тебе говорить. Вдруг ты выследишь меня на работе.

— Разве это не будет иронично? Не припоминаешь, как мы познакомились?

— «Спросите Иду».

— Что-то знакомое.

— Она существует уже много лет.

Точно. Мама читала ее.

— Моя мама читала эту колонку. И что ты там делаешь?

— Я просматриваю почту, отвечаю на некоторые заявки на веб-сайте и помогаю Иде. Я рассмеялся.

— Ты даешь людям советы?

— Почему тебе так сложно в это поверить?

— Мне нужен совет.

— Ладно...

— Как мне заставить человека встретиться со мной?

— Поверь мне. Иногда лучше, чтобы все осталось тайной. Мне кажется, что из вашей встречи вряд ли может выйти что-то хорошее.

— Это почему?

— Ты просто используешь меня для секса.

Мне пришлось задуматься, права ли она. Сексуальное влечение просто зашкаливало. Но глубоко внутри я знал, что эта связь с ней гораздо глубже. Я просто не мог определить, откуда это шло и что значило. Сораяя зажгла во мне какой-то огонь, который я не мог потушить. Заполучить ее в свою постель, определенно, было моей целью, но дело было не только в этом. Мне нужно было все выяснить.

— Не хочу показаться говнюком, но я могу получить попку, когда захочу и чью захочу. Дело не в этом.

— Тогда в чем?

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но хочу выяснить.

Она замолчала на несколько секунд, казавшихся вечностью.

— Мне нужно идти.

— Я что-то не то сказал?

— Мне просто нужно идти.

— Ладно. Когда мы снова поговорим?

— Я не знаю.

И просто повесила трубку.

Сораяя Венедетта просто, бросила трубку, черт возьми. Меня накрыло желанием отыскать ее.

Успокой свой член, Грэхем.

Мой желудок заурчал, и я осознал, что некомпетентная Линда так и не вернулась с моим сэндвичем и кофе.

Подойдя к ресепшену, я спросил:

— Где, черт возьми, мой секретарь? Она должна была принести мне ланч.

— Боюсь, она уведомила агентство, что больше не вернется.

Просто замечательно.

Моя голова раскалывалась от нехватки кофеина. Я вернулся в кабинет, схватил пиджак и направился в магазинчик, расположенный дальше по улице.

Вернувшись в кабинет, я открыл ноутбук на столе, и меня осенило. Я нашел сайт «*Спросите Иду*» решил отправить вопрос в надежде, что он дойдет до Сорайи, и начал печатать.

Дорогая Ида.

Одна женщина не выходит у меня из головы. Она прислала мне фотки своей груди, ног и задницы, но не хочет встретиться со мной лично. Единственная причина, которая приходит мне в голову, что она реально страшная и боится показать свое лицо. Как мне уговорить ее встретиться со мной и показать, что не все мужчины настолько поверхностны, как она думает?

Самодовольный мистер Костюм.

Я тихо посмеялся, закрыл ноутбук и доел свой пастрами на ржаном хлебе. Из-за этой женщины я даже ем такую гадость. Сделав несколько деловых звонков, я позвонил бабуле в дом престарелых, потом снова открыл ноутбук. В моем почтовом ящике было письмо от «*Спросите Иду*».

Дорогой Самодовольный мистер Костюм.

Вполне возможно, ты сделал неверный вывод. Нет никаких оснований считать, что эта женщина страшная. Может быть, ты просто ей не нравишься. Можешь взглянуть в зеркало и обдумать тот факт, что ужасная личность отпугивает гораздо больше, чем страшное лицо.

Закинув голову назад от смеха, я поразился уму этой женщины. А ее рот... не могу дождаться, когда смогу трахнуть его. Да, она была забавной, честной, красивой, сексуальной и непохожей ни на кого из тех, с кем я был. Но было в ней что-то уязвимое и скрытое ото всех. Я хотел узнать больше о том, почему она боялась меня. Такое любопытство было мне совсем не свойственно. Это тревожило меня, но необходимость узнать ее взяла верх над всем остальным.

Сидеть напротив нее в поезде, не пялясь в открытую, это настоящее искусство. Прямо как чревовещатель управляет куклой, не открывая рта, мне приходилось смотреть на нее без ее ведома.

Именно в это утро тайком смотреть на нее было ужасно сложно. Не только потому, что она выглядела чертовски сексуально, но и потому, что она была не одна. Покрытый татуировками мужчина, более подходящий ей по виду, чем я, сидел рядом с ней. Они разговаривали и смеялись, а мне хотелось сломать его тонкую шею.

Кровь во мне запульсировала, когда он потянулся к ней и поцеловал. Я не мог определить в лицо или в губы, так как мог смотреть только тайком. Затем он встал и вышел из поезда, оставив ее на месте.

Ревность, раньше копившаяся во мне, стала ослепляющей. Настолько, что я неосознанно написал ей сообщение.

Грэхем: Кто это, блядь, такой?

Казалось, на мгновение она застыла и лишь потом посмотрела на меня. Ее и так бледная кожа стала почти белой. Она подняла голову, и наши взгляды немедленно встретились. Она знала, что это был я.

Она всегда знала, что мы ездим на одном поезде?

Я обдумал это еще раз. Она без колебания посмотрела на меня, как будто точно знала, куда смотреть.

Она все это время притворялась, что не знает меня.

Скорее всего, она нашла мое фото в интернете. Не знаю, как еще она могла узнать, что это я. Но это больше не имело значения. Важнее всего было то, что я был лицом к лицу с женщиной, которая проникла в мой разум, тело и душу в тот самый момент, когда заговорила со мной через интерком.

Моя остановка была следующей, но я не собирался выходить. Честно говоря, меня заводило это напряженное противостояние взглядов. До меня дошло, что Сорайя тоже осмысливает тот факт, что я знаю ее.

Внезапно она встала. Должно быть, ее остановка будет следующей. Я последовал ее примеру, подошел к тому же выходу и встал позади нее. Она смотрела на мое отражение на стекле двери. Мои губы изогнулись в довольной улыбке. Я улыбался, словно Чеширский кот, наконец-то поймавший мышку. Сорайя тоже едва заметно улыбалась.

Когда двери открылись, я последовал за ней, тихо шагая рядом. Мы оба шли очень медленно, неуверенные, куда идти и что делать. Когда поток людей направился к эскалаторам на второй уровень, мы оказались практически одни на платформе. Внезапно я схватил ее за талию, заставляя развернуться и посмотреть на меня.

Грудь Сорайи тяжело вздыхала, и я чувствовал, как дрожит ее тело. Мое собственное сердце неслось галопом. Знать, что я произвожу на нее такой эффект, было удивительно и возбуждающе. Чертовски возбуждающе.

Запах ее мягкой кожи практически доводил до экстаза. В сочетании с близостью и теплом ее тела, это взбудоражило меня. Я был готов, как подросток, кончить в штаны костюма за три сотни баксов.

Когда я медленно двинулся к ней, она начала пятиться к большому бетонному столбу. Я прижал Сорайю к колонне, обхватил ладонями ее щеки и прижался губами к ее рту. Она открылась мне, и мой жадный язык бросился на поиски ее языка. Все вокруг меня исчезло. Звук капитуляции, который она издала мне в рот, заставил меня углубить поцелуй. Ее большая теплая грудь казалась электрическим одеялом на моей груди. Прохладный металл в ее проколотом языке посыпал спазмы сквозь мое тело. Если бы мы не были на людях, я бы не смог остановиться лишь на поцелуе. Больше ничего я так не хотел, как взять ее на этой платформе.

Она оттолкнула меня и прочистила горло.

— Как ты узнал, что это я?

Я погладил большим пальцем ее нижнюю губу.

— Я не стану отвечать, пока ты не скажешь мне, что за парень тебя целовал.

— Это был не поцелуй. А клевок в щеку. Это мой друг Тиг. Мы завтракали вместе.

— Друг, да?

— Он женат. Его жена также моя подруга.

— То есть, между вами ничего нет?

— Нет, но если бы и было, я не должна тебе ничего объяснять. — Она вытерла рот, который, скорее всего, побаливал после моей атаки. — А теперь, скажи, как ты узнал, что это я?

— Перо на твоей ноге, гений. Твои ноги были на фотографии. С помощью этой татуировки я тебя и узнал. Я смотрел на тебя несколько дней. Ты, определенно, делала то же самое.

Она не отрицала, что знала меня все это время.

Я приподнялся к ней ближе.

— Тебе понравилось то, что ты видела? Поэтому ты продолжала мне писать? Сначала, когда я понял, что это ты, я не мог поверить, как ты чертовски красива.

— То есть, все разговоры про то, что я могу быть страшной, были...

— Полной чушью. Меня невероятно тянет к тебе, Сорайя. И твоё тело прямо сейчас говорит мне, что ты чувствуешь то же самое.

— Не важно, насколько хорошо ты выглядишь. Ты опасный человек.

— Ты понятия не имеешь, каким опасным я могу быть, когда хочу что-то. Меня ничто не остановит. А прямо сейчас я чертовски хочу тебя. Но если ты сможешь честно сказать, что я тебе не интересен, я уйду, и ты никогда обо мне не услышишь. А если брать во внимание, что сейчас ты вся дрожишь, ты чувствуешь точно то же самое.

— Я не хочу чувствовать это к такому парню, как ты.

Слышать это от нее — полный облом. Почему она так плохо обо мне думает? Может, я и обращаюсь с людьми, как с дерьям, время от времени, но это же не чертово преступление, ради всего святого.

— Я кое-что скажу тебе, Сорайя. Я могу быть не самым милым парнем на планете и даже не самым подходящим для тебя. Правда в том, что я не такой. Но ты не можешь отрицать то, что между нами. У этого всего лишь один финал.

— И какой же?

— Я, глубоко в тебе.

— Этого не будет.

— Каждую гребаную ночь я мечтаю о том, как ты кружишь своим проколотым языком вокруг моего члена. В моих мыслях только ты. По правде говоря, я мог думать только о тебе еще до того, как увидел твоё прекрасное лицо. Когда это случилось, я понял, что мне конец.

— Я погладил ее щеку — Просто провели со мной время.

— Если я скажу, что не хочу спать с тобой, ты все еще будешь хотеть меня видеть?

На мгновение прикрыл глаза, я снова открыл их и сказал:

— Я буду уважать это.

— Мне делали больно столько раз в моей жизни, что я поклялась не отдавать себя никому, пока не буду уверена в намерениях. Поэтому, если ты хочешь быть со мной, значит, секса не будет. Ты хочешь поговорить со мной? Хочешь узнать меня? Отлично. Но на этом все. Ты действительно этого хочешь?

— Я хочу все это, но возьму то, что смогу... пока что.

— Итак, когда это случится?

— Сегодня. Я заеду за тобой и отведу на настоящее свидание, не включающее в себя чье-то разлагающееся тело в соседней комнате.

— Ты такой романтик.

— Я переживу эту фигню с отсутствием секса, но запомни мои слова. Когда придет время, не я буду умолять о нем.

До конца дня меня изводила перспектива встретиться с ней. Чтобы скрасить мучительное ожидание, я решил написать в «*Спросите Иду*».

Дорогая Ида.

Я встречаюсь с женщиной, которая ясно дала понять, что не хочет секса со мной. Дело в том, что она не знает, чего себя лишает. Как думаешь, есть ли что-нибудь, что заставит ее передумать?

Самодовольный мистер Костюм.

Примерно через час во входящих появился ответ.

Дорогой Самодовольный мистер Костюм.

У меня такое ощущение, что ты, возможно, предполагаешь, будто все женщины должны раздвигать свои ноги для тебя. Мне кажется, у этой женщины есть причина

чувствовать, что секс с тобой пагубно на нее повлияет. Попробуй пообщаться с ней какое-то время, дай ей повод доверять тебе. Докажи, что стоишь этого. В противном случае, прими холодный душ. Тебе он может понадобиться.

Глава 7

Сорайя

Сорайя: Куда мы пойдем?

Я ушла с работы на час пораньше, чтобы приготовиться. Больше половины моей одежды лежало кучей на кровати. Обычно я одевалась, как мне вздумается. Я не была привередливой. Для меня стиль — выражение собственной индивидуальности, а не следование за последними трендами с подиумов или кого-то из семейки Кардашьян. Поэтому меня выбешивало до чертиков то, что я примеряла уже десятый наряд.

Грэхем: В ресторан, к несчастью. Только если ты не передумала. Я более чем готов, если ты предпочитаешь, чтобы я насладился тобой у меня.

Если бы это был кто-то другой, все эти пошлые комментарии вывели бы меня из себя. Но, по какой-то причине, я улыбалась, получая их от Грэхема. Моим ответом на его приглашение потрахаться всегда было желание поизмыгаться над ним.

Сорайя: Вообще-то, может быть, я передумала.

Грэхем: Скажи свой адрес. Я все еще в офисе, но могу быть у тебя через 10 минут, где бы ты, черт возьми, ни жила.

Я фыркнула. Как я и думала, он был самовлюбленным, но было что-то милое в его честности, когда он говорил, что хочет меня. Обычно для таких парней, как он, показывать свое отчаяние было признаком слабости. Мне почти стало неприятно, что я играла с ним. *Почти.*

Сорайя: Я имела в виду наш ужин сегодня. Не уверена, что это хорошая идея.

Грэхем: Как же. Если ты не появишься, жди стука в дверь.

Сорайя: Ты даже не знаешь, где я живу.

Грэхем: Я очень находчивый.

Сорайя: Хорошо. Я приду. Но ты дал мне только адрес. Куда мы идем? Мне нужно знать, что надеть.

Грэхем: Иди в том, что на тебе сейчас.

Я посмотрела вниз.

Сорайя: В кружевном ярко-розовом бюстгальтере и трусиках танга?

Прошло, как минимум, пять минут, прежде чем он ответил.

Грэхем: Не говори мне такого.

Сорайя: Не нравится ярко-розовый?

Грэхем: О, нет, этот оттенок будет прекрасно смотреться в виде отпечатка руки на твоей заднице, если ты не перестанешь надо мной издеваться.

Мне никогда особо не нравилось шлепанье. *Не нравилось* — ключевое слово. Но когда я представила, как Грэхем шлепает меня, все тело начало гудеть. Я возбудилась от одного сообщения. *Господи. Этот мужчина опасен.* Нуждаясь в перерыве, я отбросила телефон на кровать и вернулась обратно к шкафу. И вдруг краем глаза увидела черное платье. Я купила его для похорон. Я расхохоталась при мысли, что должна была надеть его на то свидание с

Аспеном. Когда я стянула его с вешалки, мой телефон завибрировал, извещая о входящем сообщении.

Грэхем: Ты перестала отвечать. Буду считать, что ты занята, представляя мою руку, шлепающую эту прелестную задницу.

У него была изумительная способность превратить простой вопрос в нечто пошлое.

Сорайя: Я занята. Пытаюсь выбрать, что надеть. Что возвращает меня к изначальному вопросу: куда мы идем?

Грэхем: Я забронировал столик в Zenkichi.

Сорайя: В Бруклине?

Грэхем: Да, в Бруклине. Он только один такой. Ты сказала, что живешь там, и так как ты не разрешаешь мне заехать за тобой, я выбрал место недалеко от тебя.

Сорайя: Bay. Хорошо, круто. Я хотела туда сходить. Хотя для тебя путь туда из офиса будет той еще занозой в заднице.

Грэхем: Логично. Так как ты заноза в моей заднице. Увидимся в 7.

Станция метро находилась в полутора кварталах от ресторана. Когда я повернула за угол, на улицу въехал черный лимузин. По непонятной причине я нырнула в арку, чтобы посмотреть, кто это. Чутье подсказывало, что это Грэхем.

И чутье не ошиблось. Водитель в форме вышел, открыл заднюю дверь, и Грэхем ступил на тротуар. *Боже, этот мужчина источал власть.* Он был одет в другой дорогой костюм, не в тот, что утром. То, как костюмы сидели на нем, не оставляло сомнений, что они были изготовлены на заказ. Но не дорогой костюм придавал ему превосходства, а то, как именно он носил костюм. Он стоял перед рестораном, такой высокий и уверенный в себе. Грудь широкая, плечи отведены назад, ноги уверенно расставлены. Он смотрел прямо перед собой, не залипнув в телефоне или уставившись на ноги в попытке избежать зрительного контакта. Одна рука была в кармане брюк, большой палец торчал снаружи. *Мне нравился этот торчащий большой палец.*

Я подождала несколько минут, и когда он, в конце концов, посмотрел в другую сторону, выскоцила из арки. Когда он повернулся и заметил меня, я усомнилась в своей походке. От того, как он наблюдал за каждым моим шагом, часть меня хотела сбежать прочь, но другой части нравилась сила его взгляда. *Очень.* Поэтому я подавила свою нервозность, добавила бедрам немного покачивания и решила не быть мышкой для кошки. Я буду собакой.

— Грэхем. — Я кивнула и остановилась перед ним.

— Сорайя. — Он скопировал мой деловой тон и кивнул.

Мы стояли на тротуаре на безопасном расстоянии, глядя друг на друга в течение самых долгих минут в истории. Затем он прорычал «к черту» и, шагнув ко мне, намотал мои волосы на руку, подняв тем самым голову туда, куда ему было нужно, и набросился на мои губы.

Долю секунды я пыталась сопротивляться. Но я будто была кубиком льда, пытающимся бороться с жаром солнца. Это было невозможно. Вместо этого я растворилась в ослепляющем свете. Если бы рукой он не держал так крепко мою талию, с большой вероятностью я бы упала на асфальт. Мой разум хотел сражаться с ним на каждом повороте, но тело не могло ему сопротивляться. *Предательское тело.*

Наконец, отстранившись, он произнес, почти касаясь моих губ:

— Борись, сколько хочешь, но настанет день, когда ты будешь умолять. Запомни мои слова.

Его самоуверенность вернула меня в чувства.

— Ты переполнен самодовольствием.

— Я бы лучше наполнил тебя.

— Свинья.

— Что же это говорит о тебе? Ты уже мокрая для свиньи.

Я пыталась выбраться из его твердой хватки, но он только сильнее сжал меня.

— Я не мокрая.

Он выгнул бровь.

— Есть только один способ проверить.

— Отвали, Морган.

Грэхем отошел назад и поднял обе руки вверх. В его глазах был отражалось веселье.

Внутри ресторана было темно и не так, как я ожидала. Одетая в традиционную одежду японка вела нас по длинному коридору — складывалось ощущение, что наружу. Путь был выложен камнями и сланцем, будто мы шли по тропе через азиатский сад. По обе стороны рос высокий бамбук, висели фонари. Мы прошли к большой зоне со столиками, но хостесс вела нас дальше. В конце коридора она усадила нас в уединенной кабинке, которая закрывалась роскошными тяжелыми портьерами. Приняв наш заказ на напитки, она указала на звонок, встроенный в стол, и сказала, что нас не потревожат, пока мы сами не захотим. Затем она исчезла, закрыв портьеры. Казалось, что мы были одни на всем свете, но никак не посреди переполненного шикарного ресторана.

— Это прекрасно, но странно, — сказала я.

Грэхем снял пиджак и расположился на своей стороне стола, закинув одну руку на спинку дивана.

— Логично.

— Ты хочешь сказать, что я странная?

— Мы будем спорить об этом, если я скажу да?

— Возможно.

— Тогда да.

Я нахмурила брови.

— Ты хочешь со мной спорить?

Грэхем потянул за галстук, расслабляя его.

— Оказывается, это меня заводит.

Я рассмеялась.

— Мне кажется, тебе нужна консультация психолога.

— После последних нескольких дней, мне кажется, ты можешь быть права.

Официантка вернулась с нашими напитками. Она поставила высокий стакан перед ним и бокал с вином для меня.

Грэхем заказал «Хендрикс» с тоником. (*Примеч.* «Джин Хендрикс» — шотландский джин, производимый компанией *William Grant & Sons* в Гирване, Шотландия).

— Джин с тоником — напиток для стариков, — сказала я, сделав глоток вина.

Он поболтал льдом в стакане, затем поднес к губам и посмотрел на меня, перед тем как выпить.

— Вспомни, что со мной делают споры. Может, ты захочешь посмотреть под стол.

Я округлила глаза.

— Ты не можешь.

Он ухмыльнулся и выгнул бровь.

— Давай. Опусти голову под стол. Я знаю, ты до смерти хочешь взглянуть.

После того как мы оба допили свои напитки, а мои нервы немного успокоились, у нас, наконец-то, состоялся первый настоящий разговор. Не о сексе или проколотом языке.

— Сколько часов в день ты работаешь в этом большом модном офисе?

— Обычно я прихожу к восьми и ухожу около восьми.

— Двенадцать часов в день? Это шестьдесят часов в неделю.

— Не считая выходные.

— Ты и в выходные работаешь?

— По субботам.

— Так у тебя выходной только в воскресенье?

— Вообще-то, я иногда работаю вечером в воскресенье.

— Это сумасшествие. Как ты находишь время для удовольствий?

— Я получаю удовольствие от своей работы.

Я усмехнулась.

— Не очень было похоже на правду, когда я заходила в тот день. Казалось, все тебя боялись, а ты отказывался открыть дверь.

— Я был занят. — Он скрестил руки на груди.

Я сделала так же.

— Как и я. Ты знаешь, мне пришлось проехать на двух поездах, чтобы лично отдать тебе телефон. А ты даже не проявил уважение и не вышел, чтобы поблагодарить меня.

— Я не знал, что ждало меня за дверью, иначе я бы вышел.

— Человек. За дверью был человек. Прошедший целый путь к тебе. Даже если бы я была шестидесятилетней замужней женщиной с синими волосами, ты должен был выйти и поблагодарить меня.

Он вздохнул.

— Я занятой человек, Сорайя.

— Но все-таки ты здесь в будний вечер в семь часов. Разве ты не должен работать до восьми часов, если ты так занят?

— Я делаю исключения, когда это необходимо.

— Какое великое благородство.

Грэхем выгнулся бровь.

— Ты хочешь заглянуть под стол, не так ли?

Я не могла не рассмеяться.

— Расскажи о себе что-нибудь еще. Кроме того, что ты трудоголик с комплексом превосходства, пьющий модные напитки. Обо всем этом я могла догадаться, основываясь на наблюдениях за тобой в поезде.

— Что бы ты хотела узнать?

— У тебя есть братья или сестры?

— Нет, я единственный ребенок.

— Боже, я бы никогда не догадалась, — пробормотала я себе под нос.

— Что ты сказала?

— Ничего.

— А у тебя?

— Одна сестра. Но я не разговариваю с ней сейчас.

— Почему?

— Плохое свидание вслепую.

— Она организовала его для тебя?

— Ага.

— С парнем, который взял тебя на похороны? Как его звали... Даллас?

— Аспен. Нет, не с ним. Эту катастрофу я подобрала сама. Она свела меня с парнем с ее работы. Митчем.

— И все прошло плохо, я полагаю?

Я посмотрела на него.

— Я назвала его Звонкий Почесун Митч.

Он фыркнул.

— Звучит не очень хорошо.

— Так и было.

Грэхем прищурился.

— А у меня завтра появится прозвище?

— А ты бы хотел?

— Нет, если оно будет похоже на Звонкого Почесуна Митча.

— Какое бы ты хотел?

Колесики крутились в его голове около тридцати секунд.

— Морган с Большим Органом?

Я закатила глаза.

— Ты всегда можешь удостовериться, заглянув под стол, — подмигнул он.

Я продолжила попытки узнать его получше, даже несмотря на то, что все дороги вели в место у него между ног.

— Домашние животные?

— У меня есть собака.

Вспоминая маленькую собачку, которую увидела, рассматривая фотки в его телефоне, я сказала:

— Какая собака? Ты похож на тот тип, у которого большая и страшная. Немецкий дог или Неаполитанский мастиф. Что-то настолько представительное, что побудит меня заглянуть под стол. Ты знаешь, большая собака, большой ч...

— Размер собаки не является фаллическим символом, — прервал меня он.

Значит, это была его миленькая собачка на фото.

— Серьезно? Мне кажется, я читала об одном исследовании, и там говорилось, что мужчины неосознанно покупают таких собак, чтобы представить настоящие размеры своих пенисов.

— Собака досталась мне от мамы. А мама умерла, когда та была еще щенком, двенадцать лет назад.

— Мне жаль.

Он кивнул.

— Спасибо. Блэки — вестхайлэндский терьер.

— Блэки? Он черный? — собачка на фото была белой.

— На самом деле, он белый.

— Так почему Блэки? Типа в шутку? Или есть другая причина для такого имени?

Его ответ был резким.

— Нет другой причины.

И затем официантка принесла наш ужин. Я заказала запеченного тунца на первое только потому, что в меню говорилось, что оно для смелых едоков. А Грэхем заказал сашими. Оба наши блюда были больше похожи на произведение искусства.

— Мне жаль есть это, оно такое красивое.

— У меня наоборот. Оно такое красивое, что не могу дождаться, чтобы съесть его. — Его ухмылка говорила мне, что комментарий никак не относился к ужину.

Я поерзала на месте.

Мы оба занялись своей едой. Моя была невероятной. Рыба буквально таяла во рту.

— М-м-м-м... так вкусно.

Грэхем удивил меня тем, что потянулся через стол и стащил кусок с моей тарелки. Он не похож на человека, который любит делиться едой. Я наблюдала, как он глотнул, а затем слегка кивнул в подтверждении. Затем я потянулась к его тарелке и взяла кусочек его блюда. Он улыбнулся.

— Итак. Ты рассказала мне о Почесуне Митче и Похоронном мальчике. Ты часто ходишь на свидания?

— Я бы не сказала, что часто. Но свою порцию кретинов я уже повстречала.

— Они все были кретинами?

— Не все. Некоторые были милыми парнями, но мне не подходили.

— Не подходили тебе? Это как?

Я пожала плечами.

— Я просто нечувствовала *то самое* к ним. Ну, знаешь, не больше, чем друг.

— В твоем ближайшем расписании много свиданий?

— В моем ближайшем расписании? — Я женственно фыркнула. — Ты достаточно быстро перешел от пошлых разговоров к манере профессора из колледжа.

— Тебя это раздражает?

Я думала над своим ответом пару секунд.

— Я бы не сказала, что раздражает. Больше забавляет.

— Ты считаешь меня забавным?

— Да. Да, считаю.

— Вполне уверен, меня раньше не называли забавным

— Готова поспорить, это потому, что люди видят лишь придурка, которого ты всем показываешь.

— Это означает, что внутри я больше, чем просто придурок.

Наши взгляды встретились, когда я ответила.

— По какой-то причине, я верю, что это так. Ты не просто придурок сексуальным внешним видом.

— Ты считаешь меня сексуальным. — Он самодовольно заулыбался.

— Конечно. То есть, посмотри на себя. У тебя есть зеркало. Мне кажется, ты уже сам в этом убедился. И тебе не составит труда заполнить вечера в своем *ближайшем расписании*.

— Ты всегда такая умная?

— Практически.

Грэхем покачал головой и что-то пробормотал.

— Насчет ближайших расписаний. Я бы хотел, чтобы в твоем не было больше свиданий. Как и у меня, конечно.

— Мы лишь на первом свидании, а ты уже говоришь мне не встречаться с другими мужчинами?

Он выпрямился.

— Ты сказала, что не собираешься со мной спать. Что мы будем встречаться и узнавать друг друга. Это все еще в силе?

— Да.

— Тогда, если я не трахаю тебя, то и никто не должен.

— Как романтично.

— Это мое условие.

— И это равносильно в обе стороны? Ты не будешь встречаться с другими женщинами?

— Конечно.

— Дай мне подумать.

Он удивленно приподнял брови.

— Тебе нужно подумать?

— Да. Я сообщу тебе. — Вне всяких сомнений, это был первый раз, когда Грэхем Дж. Морган не добился своего с женщиной.

Несколько часов спустя мой телефон завибрировал в сумке. Делия проверяла меня, так как знала, что я на первом свидании. Я отправила быстрое сообщение, давая ей знать, что со мной все хорошо, и посмотрела на время на телефоне. Мы сидели в ресторане больше трех часов. От меня не скрылся тот факт, что я впервые полностью забыла о своем телефоне.

— Итак, ты был прав в одном.

— Тебе придется уточнить. Я прав во многих вещах.

Я покачала головой.

— И только я собиралась сделать тебе комплимент, как ты взял и разрушил все своим самодовольством.

— Полагаю, самодовольство — это когда у тебя чрезмерное чувство своих возможностей. Я не преувеличиваю. Я больше реалист.

— Самодовольный мистер Костюм — очень подходящее прозвище для тебя, не так ли? Игнорируя меня, Грэхем спросил:

— Так что за комплимент?

— Когда мы переписывались во время моего «похоронного свидания», ты сказал, что, если бы я была с тобой, мне было бы наплевать, где мой телефон. Пока он не завибрировал сейчас, я даже не поняла, что забыла про него.

Ему это понравилось. Немного позже Грэхем оплатил счет, а я забежала в дамскую комнату. Освежившись, я внезапно поняла, что не хочу, чтобы наше свидание заканчивалось. Эта мысль вызвала некое уныние, удивившее меня.

Снаружи на обочине уже стояла черная машина Грэхема. Он, наверное, позвонил водителю и сказал ждать, пока я была в туалете.

— Если ты не собираешься поехать ко мне домой, я настаиваю, по крайней мере, отвезти тебя домой к тебе.

— Метро прямо за углом. Все в порядке.

Он стрельнул в меня раздраженным взглядом.

— Я прошу о немногом, Сорайя. Это поездка домой, не поездка на моем члене. И, полагаю, ты уже поняла, что я не серийный убийца.

— Ты такой грубый.

Грэхем положил ладонь мне на поясницу и повел к открытой двери машины. Я не собиралась спорить. Он был прав: я была упрямой, в то время как он согласился на все, что я требовала. Что-то мне подсказывало, это был редкий случай, когда этот мужчина был покладистым.

Когда мы приехали к моему дому, Грэхем открыл мне дверь.

— Когда я снова тебя увижу?

— Ну, завтра суббота, поэтому, полагаю, в понедельник в поезде.

— Поужинай со мной завтра?

— У меня планы.

Он сжал челюсть.

— С кем?

Между нами начались длительные переглядывания. Его взгляд был тяжелым. Когда никто из нас не сдался, он прорычал «*Боже*» себе под нос. Прежде чем я поняла, что происходит, моя спина была прижата к двери, а его губы терзали мои.

Он целовал меня так, будто хотел съесть живьем. Прежде чем отстраниться, он схватил мою нижнюю губу зубами и потянул. Сильно. Касаясь своими губами моих, он произнес:

— Не доводи меня до предела, Сорайя.

— Почему? Что случится?

— Я буду давить в ответ. А я стараюсь этого не делать.

Грэхем был честным, и я поняла, что должна ценить это.

— К моей сестре. У моей племянницы день рождения. Вот куда я собираюсь завтра вечером.

Он кивнул.

— Спасибо.

Мне потребовалась каждая капля силы воли, чтобы зайти внутрь и закрыть дверь. Я прислонилась спиной к двери и не смогла вспомнить, когда в последний раз была такой возбужденной и взволнованной. Возможно, никогда. Его рот был греховным, одна мысль о том, что он может делать этим порочным языком на *других* частях моего тела, держала меня в состоянии возбуждения, граничащего с яростью. Но здесь было нечто большее. То, каким доминирующим и контролирующим он был, хоть и пытался сдерживаться, чтобы уважать мои желания, было самымексуальным из всего, что я когда-либо видела. Этот мужчина будоражил во мне что-то, что спало внутри меня. Мне срочно нужен бокал вина и оргазм. В любом порядке. Если собираюсь отстаивать свою точку зрения, что мы должны узнать друг друга без секса, тогда мне просто необходимо взять все в свои руки.

В комнате я сняла одежду. Обычно я не сплю голой, но сегодня, определенно, был голый вечер. Только я скользнула в кровать, как зазвонил телефон.

— Секс по телефону присутствует на повестке дня? — Голос Грэхема был хриплым и нуждающимся. Как бы мое тело ни охладилось с момента, когда я скрылась за дверью, оно тут же снова загорелось. Его голос словно ускорял процессы во мне. Но...

— Секс отсутствует. И это включает все виды секса. Половой акт, оральный секс, секс по телефону.

Он застонал.

— *Оральный*. Боже, я хочу попробовать тебя. И почувствовать этот металлический шарик в твоем языке на своем члене. Ты не представляешь, как трудно мне было контролировать себя сегодня каждый раз, когда я замечал проблеск металла, когда ты говорила. Будто ты дразнила меня каждым словом. Что на тебе надето, Сорайя?

Этот голос. Мне нужно было записать, как он произносит «*Что на тебе надето, Сорайя?*» так, чтобы я могла проигрывать это снова и снова по кругу, когда мне нужно будет удовлетворить свои нужды.

— Вообще-то, на мне нет ничего. Я только что разделась и забралась в кровать.

— Ты спишь голой?

— Иногда.

Он действительно зарычал.

— Потрогай себя.

— Планировала. Я думаю, сегодня мне понадобятся обе мои руки. Поэтому я кладу трубку первой.

— Как долго ты будешь сводить меня с ума, Сорайя?

— Спокойной ночи, Грэхем. — Я повесила трубку, не ожидая от него ответа.

Пусть мое тело и болело физически из-за этого мужчины, я не была готова открыть для него эту дверь. Скользнув рукой вниз по телу, я лежала в одиночестве в своей кровати и все, о чем я могла думать, было: «*Боже, лучше бы это была его рука*».

Глава 8

Грэхем

От Сорайи я не слышал ничего весь субботний день. Не то чтобы я этого ждал. Сорайя Венедетта старалась свести меня с ума, черт возьми. Со мной никогда такого не было. Я неустанно добивался желаемых коммерческих предприятий, пока они не сдавались, когда я подслащал пилюлю и делал предложение, от которого они не могли отказаться. Но погоня за женщиной была для меня в новинку. Конечно, было несколько женщин, заставлявших меня добиваться первого свидания. К концу вечера я был вполне уверен, как с ними обращаться. Они хотели, чтобы их напоили и угостили, лести, деловых связей и определенного образа жизни. Это было несложно вычислить. *До сих пор.*

Что же движет тобой, Сорайя Венедетта?

Чем больше эта женщина выводила меня из себя, тем больше я ее хотел. К десяти вечера я больше не мог терпеть.

Грэхем: Как прошла вечеринка?

Она ответила через несколько минут. Это немного успокоило меня, что она не была настолько восторжена кем-нибудь, чтобы перестать проверять телефон.

Сорайя: Еду на поезде домой. Я упоминала, что не люблю клоунов?

Грэхем: Нет. Но мне кажется, это распространенная фобия.

Сорайя: Маленький монстр — моя племянница — не была напугана. Не удивительно. Что ты делал сегодня?

Я сидел один в своей гостиной с кучей документов, разбросанных по всему стеклянному кофейному столику, и с коньяком в руке. Сегодня у меня был четырнадцатичасовой рабочий день. Каждый раз, когда я хотел ей написать, я заставлял себя уткнуться в работу. Мои глаза сдались раньше, чем мое желание.

Грэхем: Я работал допоздна.

Сорайя: Знаешь, как говорят... от одной работы, без развлечений...

Грэхем: Грэхем будет богатым мальчиком.

Сорайя: Возможно. Но какая радость от богатства, если нет времени им наслаждаться?

Я выпил остатки напитка из бокала. Я слышал точно такие же слова слишком много раз. *От моей бабушки.*

Грэхем: Ты подумала, о чем я просил?

Сорайя: Ты о будущем расписании?

Умная. Меня сводило с ума то, что она была сегодня не дома и отказывалась принять мое предложение не встречаться с другими. Вчера я сказал ей, что это мое главное условие. В тот момент я пытался подвести ее к решению «все или ничего» в мою пользу. Но после последних двадцати четырех часов, я был уверен, что ни за что на свете не вступлю в открытые отношения с этой женщиной. Обычно это я не связываю себя обязательствами. Я, кажется, попробовал свое собственное лекарство.

Грэхем: Да.

Сорайя: Как насчет такого предложения: ты пойдешь со мной на одно общественное мероприятие, выбранное мной, а я посещу одно по своему выбору. Если после этого ты все еще будешь меня хотеть, тогда я в деле.

О чём она думала? Что если я проведу время с её друзьями, то пойму, что мы настолько разные и у нас ничего не выйдет? Или все наоборот? Она не впишется в мой стиль жизни. Очевидно, она недооценивает степень моего пофигизма на мнение других людей о моей жизни.

Грэхем: Это совершенно необязательно, но если это сделает тебя счастливой, я готов. Когда я смогу посетить твоё мероприятие?

Сорайя: В четверг вечером. Тиг и Делия устраивают вечеринку в своем тату-салоне. Прошел год со дня открытия.

Грэхем: В пятницу вечером. Торжество Розовой ленты в музее «Метрополитен». Это ежегодный сбор средств, который я поддерживаю. (Примеч. Розовая лента — международный символ организаций и частных лиц, поддерживающих программу борьбы против рака молочной железы).

Сорайя: Торжество, да? Придется покрасить кончики волос, чтобы подошли к платью.

Грэхем: Это свидание?

Сорайя: Два свидания. И да.

Той ночью я спал лучше, чем всю прошлую неделю. Как обычно, днем в воскресенье я навестил бабушку. Она заставила меня сходить с ней по магазинам и сделала одно из моих любимых блюд. Единственная домашняя еда каждую неделю.

В понедельник утром я встал рано и пробежал одиннадцать километров вместо обычных шести. Когда я направился на железнодорожную станцию, осознал, как сильно ждал встречи с Сорайей. Когда её остановка подошла и прошла, а она не появилась, я расстроился, затем позвонил секретарю и продиктовал ей список дел, которые нужно сделать к моему приезду. Я знал, что будет нереально выполнить их все, но это давало мне повод выплеснуть свое раздражение на кого-то другого.

В этот день я был особенно злым. К пяти часам я обнаружил, что пишу в «Спросите Иду».

Дорогая Ида.

Есть женщина, встречи с которой я с нетерпением жду в поезде каждый день. Этим утром ее там не было. Быть может, она специально избегает меня, так как не может больше бороться сексуальным притяжением и боится, что сдастся, и я сделаю все по-своему. Как мне убедиться?

Целибат из Манхэттена.

Двадцать минут спустя во входящих появился ответ.

Дорогой Целибат.

Вопреки тому, как это представляется, можешь поверить, что мир не крутится вокруг тебя. Может быть, у этой женщины был ранний прием у доктора, чтобы пополнить запас противозачаточных таблеток. Этот факт мог бы оценить воздерживающийся мужчина воде тебя, если ты допускаешь возможность нарушить клятву целибата. Может быть, ты пока должен ездить на другом поезде какое-то время. Более того, можешь съездить к своему доктору для некоторых анализов. На всякий случай, вдруг появится возможность с этой загадочной женщиной с поезда, ты захочешь быть готовым.

Мой день и так был монополизирован мыслями о том, почему ее не было в поезде этим утром. *Чертовски замечательно*. Теперь всю ночь я буду думать лишь о том, как кончить внутри нее, и ни о чем больше.

Сорайя так и не появлялась в поезде следующие два дня. У меня было чувство, что она специально предпочла избегать меня до нашего свидания. Слава Богу, сегодня будет вечеринка в тату-салоне. Иначе я просто утрачу свой чертов разум.

Я был готов взорваться во многих смыслах. Мои эмоции вышли из-под контроля, а держать все в себе, казалось, не очень полезно для здоровья. Только одному человеку я мог доверить детали своей личной жизни. Обычно я не звоню бабушке в течение недели, но, по какой-то причине, мне нужно, чтобы она меня приструнила, прежде чем я выставлю себя на посмешище сегодня. Отложив кучу бумаг на край стола, я взял в руки телефон. После трех гудков она ответила.

— Грэхем? Все в порядке?

— Все хорошо, бабуля.

— Ты обычно не звонишь мне по четвергам.

— Я знаю.

— Что происходит? Ты выглядел озабоченным в прошлую воскресенье. Что-то случилось?

— Ничего не случилось.

— Тогда что такое?

Выдохнув, я перешел к сути.

— Я плохой человек?

— Что за вопросы?

— Есть... женщина, с которой я вижусь. Она, кажется, мне не доверяет. И я задумался, есть ли для этого обоснованная причина. Может, я не подхожу ей. Может, я не подхожу никому.

Будучи человеком, который не ходит вокруг да около, бабуля рассмеялась и сказала:

— У тебя есть склонность вести себя как козел, дорогой. Но из того, что ты мне рассказываешь, это твой обычный способ вести дела на работе. С другой стороны, поведение с *женщиной* — это совершенно другой разговор. И в этом ты, определенно, должен чувствовать себя свободно.

— В том-то и дело. Только здесь по-другому. Чувствуется по-другому. Я даже не знаю, как это объяснить. Это какая-то бессмыслица. Мы совсем не похожи. Она из Бруклина... Итальянка, темпераментная, непредсказуемая и с разноцветными волосами. Она во всем бросает мне вызов. Даже иногда бывает совсем неприятной. Но... Я не могу ею насытиться. И могу сказать, что она мне не доверяет. Я не знаю, как до нее достучаться.

Бабуля фыркнула.

— Полагаю, что под «*достучаться до нее*» ты также подразумеваешь, что она не позволила тебе все делать по-своему?

— Она не позволила случиться ничему в этой области.

— Ты просто не привык к женщинам, которые не раздвигают ноги. Знаешь, есть такие женщины — леди с самоуважением. Мне уже нравится эта девушка.

Я вздохнул в трубку, когда она продолжила:

— Чтобы понять, кто человек на самом деле, требуется время. Ты должен быть собой и быть терпеливым, и, со временем, она увидит тебя настоящего.

— Но что, если «настоящий я» ей не подходит? Что, если я отравлен?

— Кто это сказал?

— Я не знаю, способен ли еще любить кого-то...

— Даже тот факт, что тебе не все равно, Грэхем, это хороший знак. Если это правильный человек, мы все способны. Ты же влюбился в ту Женевьеву, не так ли?

Даже одно упоминание ее имени вызывает у меня несварение.

— Посмотри, куда меня это привело.

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, ты так сильно пытаешься контролировать все, умышленно выбирая не тех людей, чтобы тебе не причинили боль. А сейчас ты начинаешь думать, что не способен на что-то большее. Ты начинаешь верить в свою же собственную ложь.

— Возможно.

— Мне кажется, эта девушка... как ее зовут?

— Сорайя...

— Сорайя... хэх... мило.

Я закрыл глаза и покрутил часы вокруг запястья.

— Она такая.

— В любом случае, эта девушка для тебя как сигнал к пробуждению, что мы не всегда можем все контролировать. Дай всему идти своим ходом. Отпусти контроль. Но что более важно, ради бога, не будь придурком.

Я не смог не рассмеяться вслух.

— Я буду помнить об этом, бабуля.

И тут я понял, что Сорайя, определенно, была не первой женщиной в моей жизни, которая говорила со мной в подобной манере.

Глава 9

Сорайя

Избегать Грэхема последние несколько дней было действительно сложно, но мне казалось, что для моего же блага нужно было сделать шаг назад. Правда в том, что я не могла доверять себе. Любой малейший контакт с ним мог толкнуть меня за грань. Не очень хорошо, что я думала о нем весь день и удовлетворяла себя ночью, представляя его. Но я знала наверняка — в ту секунду, когда я сдамся, он исчезнет. А я не хотела, чтобы это заканчивалось. Мне нравилось воодушевление от гадания, что он скажет или сделает, что случится дальше. Я не могла рисковать и сдаться так рано, чтобы потерять это ощущение... или потерять его. Я ненавидела ту часть себя, которая все еще думала, что он испарится сразу после секса.

Тем не менее, я была готова к тому, что это может произойти, так как совсем не доверяла себе рядом с ним. Даже несмотря на то, что поклялась пока не спать с ним, я убедилась, что мои ноги выбриты, и на мне надето самое лучшее кружевное белье. Также проверила, что мои противозачаточные не просрочены.

Я налила апельсиновый сок и ром в чашу для пунша и поставила на фуршетный стол, который мы выставили в тату-салоне. Делия повесила праздничные рождественские огни и декорации, хотя до праздников еще далеко. Боб Марли играл на заднем плане, пока она выставляла закуски. Тиг работал над последним клиентом в задней части салона. Самодельный бар был установлен в углу нашим другом Лероем — он был сегодня барменом и диджеем.

В моем животе начинали роиться бабочки при мысли, что Грэхем встретится с моими друзьями. Я не могла себе представить, как он зайдет сюда в своем костюме за миллион долларов. Это будет забавно. Я надеялась, что Тиг и Делия не примут меня за сумасшедшую из-за того, что я привела его сюда. Они уже переживали, основываясь на моих первоначальных описаниях его яркой личности. Было трудно отступиться и объяснить им, почему я вдруг стала очарована мистером Большшим Придурком. Они все еще называли его так.

Постоянно проверяя телефон, я заметила, что Грэхем опаздывал на пять минут. Люди начали прибывать, но я могла думать лишь о нем. Я решила отвлечься, выкладывая конфеты. И тогда услышала голос Делии:

— Пожалуйста, скажи мне, что этот только что вошедший секси Кларк Кент есть мистер Большой Придурок. Потому что я могу с тобой подрасти за него. (*Примеч. Кларк Кент — главный герой сериала «Тайны Смолвиля». Является адаптированной версией супергероя Супермена*).

Мое сердце стало неконтролируемо биться, когда я увидела Грэхема в дверном проеме.
О. Мой. Бог.

Он был одет так, как я никогда его не видела. Без костюма. Вместо него на нем было черное поло, обтягивающее грудь, как перчатка, и пара темных джинсов. Его волосы были зачесаны назад и на сторону, из-за этого он выглядел младше. И на нем были очки. Боже, ему действительно шел респектабельный вид. Он срабатывал на *мене*. Даже немного чересчур.

С каждым его шагом навстречу мне мое тело все сильнее реагировало, присущий лишь ему аромат вышибал из меня весь воздух. Пока я пыталась прийти в себя, Грэхем притянул меня в легкое объятие и прижался губами к моей шее.

— Я чертовски по тебе скучал, Сорайя.

То, как напряженно он произнес это, и ощущение его губ у моей кожи практически выбило почву из-под моих ног. Вечер еще не начался, а мои трусики уже промокли. Я уже была готова затащить его в кладовку.

Боже мой. Возьми себя в руки.

Карие глаза Грэхема обжигали меня. Взглядом он проследовал вниз к моему декольте и снова вверх. Я покрасила концы волос в фиолетовый и надела платье того же цвета. Он сжал в кулак пряди и слегка потянул, соблазнительно шепча мне на ухо:

— Фиолетовый, да?

Я прочистила горло.

— Да.

— Ты говорила, что красный означает гнев. А что означает фиолетовый?

— Зачем эти очки?

— Ответь первой.

— Фиолетовый означает замешательство и дилемму.

Он усмехнулся.

— Понятно.

— Так, почему ты в очках?

— Честно, я плохо спал. Я думал о тебе, но пытался дать тебе больше свободы. Когда я не высыпаюсь, глаза начинают болеть. Очки гораздо удобнее, чем контактные линзы.

Мы стояли и смотрели друг другу в глаза несколько долгих минут, прежде чем Делия прервала нас.

— Итак, если это не мистер Большой Придурок...

Черт.

Удивленно распахнув глаза, Грэхем пожал ее руку, а затем повернулся ко мне.

— Кажется, моя репутация меня опережает. Мне нравится думать, что Сорайя придумала мне прозвище, основываясь на буквальном значении этого слова, а не фигулярном. (*Примеч.: «prick» — буквально укол, фигулярно член.*)

— Я так называла тебя до того, как мы встретились... в то время, когда у меня был твой телефон.

— И что заставило тебя выбрать именно это прозвище?

— Ты напомнил мне придурковатого мистера Бига из сериала «Секс в Большом Городе». Отсюда, мистер Большой Придурок.

Грэхем скользнул рукой вокруг моей талии.

— А ты тогда кто... развратная Саманта?

Я удивленно прищурилась.

— Ты смотрел этот сериал?

— Моя мама смотрела.

— Забавно, — улыбнулась я.

— Теперь, когда ты узнала меня лучше, я все еще напоминаю тебе того парня?

— Ну, у тебя есть водитель. Поэтому, полагаю, есть некоторые сходства.

Он наморщил лоб.

— Хотя, секса в нашем городе нет, не так ли?

Когда я посмотрела на него, он игриво поцеловал меня в щеку, затем провел рукой вниз по моей спине, заставив меня дрожать. Это будет долгая ночь.

Представив Грэхема Лерою и некоторым другим гостям, я подвела его к Тигу. У моего друга изо рта свисала сигарета, когда он пожал руку Грэхему.

— Мистер Большой Придурок... че, как?

Грэхем закатил глаза.

— Отлично. Ты, наверное, Тиг.

— Короче, не знаю, говорила ли тебе Сорайя, но она мне как младшая сестра. Пусть у нее нет родного брата или же отца, который не был бы куском дерма, это не дает тебе права ее обижать. Если это случится, я надеру тебе зад. Просто хотел прояснить этот момент.

Грэхем медленно кивнул.

— Я ценю, что ты так о ней заботишься.

— Рад, что мы это выяснили, — ухмыльнулся Тиг. — Я бы предложил тебе сделать тату, пока ты здесь... но что-то подсказывает мне, что ты не любитель чернил.

— Я *ее* любитель. — Грэхем подмигнул мне, потом потер подбородок, будто раздумывая над чем-то. — Вообще-то, это может быть интересно. Ты исправляешь татуировки?

— Ага. О чём конкретно ты говоришь?

— У меня есть татуировка, которая мне больше не нужна. Это было ошибкой, и я хочу, чтобы ты набил поверх нее и вокруг что-нибудь.

У него есть тату? Нихрена себе.

— Давай взглянем. — Тиг махнул рукой, приглашая нас следовать за ним.

Я не отводила взгляда от задницы Грэхема, которая выглядела потрясающе в этих джинсах. Руки так и чесались сжать ее. Мне стало интересно, как он на это отреагирует.

Приглушенные голоса гостей растворились на заднем плане, когда мы зашли в тихую заднюю комнату. Мое дыхание ускорилось, когда Грэхем медленно снял свою футболку через голову, взъерошив волосы. Я впервые увидела его рифленую грудь во плоти. Его телосложение было прекрасным, за гранью воображения. Было очевидно, что он упорно тренировался. Я не могла отвести глаз от шести кубиков на его прессе. Его кожа была очень гладкой и загорелой. Это было всем, о чём я мечтала, и даже больше. Мои руки покалывали от отчаянного желания потрогать его кожу. Взглядом я проследила тонкую дорожку волос, ведущую под его джинсы, затем посмотрела выше, и наткнулась на это: татуировку на левой стороне торса. Я прищурилась. Это было имя, написанное прописью. «Женевьев». Мое сердце екнуло. Проглотив ревность, я специально решила не задавать вопрос, который до смерти хотелось задать.

Кто, черт возьми, эта Женевьев?

Сначала я волновалась о том, что Грэхем может быть отъявленным бабником. Теперь еще хуже — была вероятность того, что где-то есть кто-то, значивший для него так много, что он оставил на своем теле постоянный след в виде ее имени.

Тиг посмотрел на меня, чувствуя мой дискомфорт, и спросил у Грэхема:

— Кто такая Женевьев?

Грэхем смотрел на меня, когда отвечал.

— Бывшая девушка. Как я и сказал, татуировка была ошибкой, — Он говорил серьезно, и мне стало еще более любопытно, что могло случиться между ним и этой женщиной.

Тиг достал книгу и показал все виды дизайна, которые смогут скрыть буквы имени. Грэхем выбрал замысловатый племенной узор.

Я зачарованно стояла и слушала звук, издаваемый машинкой. Напряжение в комнате было ощутимым, когда Грэхем смотрел на меня время от времени. Тиг смог так закрасить и оттенить имя, что, в итоге, складывалось ощущение, будто его там и не было. Новая татуировка выглядела супер сексуально на оливковой коже Грэхема. Если быть честной, я хотела провести по ней языком.

Тиг приложил чистую повязку к узору и выдал инструкции по уходу, затем Грэхем надел футболку обратно.

— Спасибо, приятель. Сколько я должен?

Тиг вытянул руки.

— Не за что. За счет заведения.

— Я настаиваю.

— Просто позаботься о моей девочке. Это все, что мне от тебя нужно. Ничего более.

Грэхем посмотрел на меня.

— Это я могу сделать.

Положив руку мне на поясницу, он провел меня через дверь обратно в главную комнату.

— Могу я принести выпить? — спросил он.

— Ага. Я буду немного пунша.

Грэхем вернулся с двумя стаканами пунша, и мы оба быстро их выпили. Капля красного напитка упала мне в вырез, попав на грудь. Прежде чем успела убрать ее, я почувствовала, как пальцем Грэхем провел линию по ложбинке моей груди.

— Неряха, — сказал он, слизнув пунш с указательного пальца.

Лишь одно это касание практически убило меня. Меня так неимоверно тянуло к нему, и я никогда его так не хотела, как сегодня. Обычная одежда, очки, как он смотрел на меня, он без футболки... это слишком. Но больше всего меня сводила с ума затяжная ревность к «Женевьеве». Чуждое и неконтролируемое чувство собственности нахлынуло на меня. Моя реакция стала тревожным звоночком, что я погрязла слишком глубоко, и мне суждено страдать. Возьмите это откровение, добавьте немного ромового пунша и получите одну чертову заморочку.

— Ты глубоко в своих мыслях, Сорайя. Скажи мне, что у тебя на уме?

Подобие жаркой вспышки начало пронизывать мое тело. Никогда в своей жизни я так не реагировала на мужчину. Никогда я не чувствовала столько страха и желания в одно и то же время. И, конечно, никогда чудище-ревность не поднимало свою уродливую голову. Я не хотела, чтобы он это почувствовал. Мне необходимо было охладиться.

— Я скоро вернусь, — сказала я, направившись к задней части салона.

До того как смогла уйти далеко, я почувствовала крепкую хватку на талии. Затем, он затащил меня в кабинет Тига и закрыл дверь, прижимая меня к ней и уперев руки по бокам от меня.

— Ты думаешь, что единственная, кого накрывает все происходящее? — простонал он.

Я молча стояла, пытаясь восстановить дыхание.

В комнате не было света, и он не пытался найти выключатель. В темноте кабинета я практически ничего не видела. Я могла только чувствовать его грудь напротив моей и его дыхание на моих губах, когда он произнес:

— Ты сводишь меня с ума. Мне нужно к тебе прикоснуться. Пожалуйста, дай мне попробовать тебя... лишь один раз.

Отклонив голову назад, я прижала его голову к своей груди. Он медленно провел языком по моему вырезу, издавая стон над моей кожей. Опустив верх моего платья вниз, он открыл мою грудь и взял сосок в рот, сильно посасывая и заставляя меня громко стонать. Мышцы у меня между ног пульсировали от нужды. Несмотря на то, что я хотела его внутри себя, я была в ужасе. Внезапно я отодвинулась от него и начала прикрываться.

Тяжело дыша, он уткнулся носом в мою шею и приложил ладонь к моей груди, где билось сердце.

— Боже, послушай это сердцебиение. Ты хочешь меня. Я это чувствую. Но ты чертовски меня боишься. Почему?

— Я не знаю, — прошептала я.

Он отклонился назад и обхватил ладонями мои щеки.

— Поговори со мной. Что такое случилось с тобой, что ты не можешь доверять?

— Я боюсь, что мне сделают больно.

— Кто обидел тебя?

Даже мне было тяжело понять, откуда все это идет. У меня не было парня, который разрушил мое доверие или разбил мне сердце. Не было никакого смысла. На самом деле, я раньше никогда не влюблялась. Мои чувства к Грэхему были для меня в новинку, но я не хотела говорить это ему. Одно я знала наверняка — отец был причиной моей паранойи. Поэтому я решила рассказать Грэхему историю, которая может объяснить мой страх и отрицание, хотя, не могу сказать, что сама в этом полностью разобралась. Все, что угодно, было лучше, чем признаваться ему, что я никогда и ни к кому такого не чувствовала.

— Когда мне было около десяти лет, мои родители развелись. Отец вскоре женился на женщине из нашего района. Тереза была вдовой. У нее было три дочери, одна из них — Брианна, моя ровесница, ходила в ту же школу. Мой отец стал их отцом и проводил со мной и сестрой все меньше и меньше времени. Должно было состояться мероприятие —

церемония роз для отца и дочери, а после танцы в школе для всех девочек моего возраста. Каждый отец должен был купить своей дочери дюжину роз и сфотографироваться вместе на танцах. Моя мама просила отца, если он сможет, пойти со мной. Он так и не ответил. В итоге, я пришла на танцы, разодетая и с надеждой, что он придет. И он пришел... с Брианной. Она держала большой букет розовых роз в одной руке и руку моего отца в другой. Я убежала домой в слезах, а когда мама высказала ему, он сказал, что подумал, будто для меня это не так важно. Он сказал, что, раз отец Брианны умер, было важно, чтобы он пошел с ней. Он думал, что я пойму. В любом случае, он не имеет к тебе отношения, Грэхем. Ты спросил, почему у меня проблемы с доверием. Мой отец, на самом деле, единственная причина, как я думаю.

Он снова обхватил ладонями мое лицо и прижался к моим губам в страстном поцелуе. Мое тело расслабилось, и когда мы отсталились, мне хотелось, чтобы он продолжал меня целовать.

— Мне жаль, что это случилось. Невероятно дерзово. И это многое объясняет.

— Да... спасибо.

— Я был единственным ребенком, — сказал он. — Моего отца никогда не было и в помине. Это, наверное, было лучше, чем если бы он нас бросил потом. Я не знаю.

— Вас было двое, ты и твоя мама?

— Да.

— Как она умерла?

— Рак легких, когда я был подростком.

— Мне так жаль.

— Спасибо. — Он помолчал и продолжил: — Это было тяжело. После этого я поклялся никогда не позволять себе к кому-нибудь привязаться. Я не хотел снова страдать от такой потери. Смерть матери — главная причина, почему я такой... закрытый и холодный. В то же время, это мотивировало меня быть лучшим в других областях, чтобы она мной гордилась. Так что из этого вышло что-то хорошее и что-то плохое.

Мое сердце замерло, когда я подготовилась задать необходимый мне вопрос.

— Ты привязался к Женевьеве?

— Да, — просто сказал он.

Мое сердце затрепетало.

— Как долго вы были вместе?

— Два с половиной года.

— Ясно.

Когда я посмотрела вниз, Грэхем приподнял мое лицо, чтобы наши взгляды встретились в темноте.

— Что ты хочешь знать, Сорайя? Спроси меня.

— Что между вами произошло?

— Женевьеве работала со мной в качестве брокера еще со школы. У нас все было серьезно... или я так думал. Короче говоря, я начал создавать свою компанию вместе с другом Лиамом Гейнсвортом. Лиам, Женевьеве и я очень тесно работали вместе. Случайно я обнаружил, что у них интрижка за моей спиной. Лиам ушел, чтобы открыть свою компанию, которая сейчас является одним из моих конкурентов, и забрал Женевьеве с собой.

Bay.

— Это ужасно. Я даже не знаю, что сказать. Мне жаль.

— Не стоит. Этому не суждено было случиться.

— Но я могу сказать, что это ранило тебя.

— Я здесь с тобой, не так ли?

— А как это связано?

— Я не хочу быть нигде, только здесь. Если бы в моей жизни что-то пошло по-другому, меня могло бы тут не быть. Я также не понимаю это, Сорайя. *Это.* Что происходит между

нами. Я не могу дать тебе никаких обещаний. Я просто знаю, что не хочу, чтобы это закончилось.

Я тоже.

— Нам лучше вернуться обратно, пока они не подумали, что мы ...

— Трахаемся?

— Ага.

Грэхем уткнулся лицом мне в шею и усмехнулся.

— Не дай Бог.

— Спасибо за то, что так терпелив со мной.

Он прорычал:

— Терпение — не подходящее слово ...

— Может быть, и нет.

Когда я взяла его руку и потянула из комнаты, на мгновение он притянул меня обратно.

— Эй... — Когда я повернулась к нему лицом, он прислонился лбом к моему.

— Я буду ждать столько, сколько ты захочешь. Я никуда не денусь.

— Спасибо.

После разговора мы оба сильно расслабились. Мы провели вечер, спокойно слушая разговоры на вечеринке. Я прислонилась спиной к Грэхему, а он обернулся руку вокруг моей талии — тепло от его тела вызывало мурашки на коже.

Я не знала, к чему это все приведет, и впервые в жизни решила не анализировать.

Глава 10

Сорайя

На следующий день в офисе они продолжали прибывать без остановки. Дюжины роз. Розовых, красных, желтых. Каждый час по дюжине. Я не сразу поняла, зачем он это делает. А потом меня осенило: это было из-за истории, которую я рассказала ему о своем отце и церемонии роз. Позже я нашла карточку, выпавшую из первой дюжины роз: «*C огромным опозданием*». На сердце стало тяжелее, и в то же время оно наполнилось чем-то неопределимым.

Сегодня состоится торжество, на которое я должна пойти вместе с Грэхемом. Это будет выход из моей зоны комфорта, поэтому весь день меня сопровождала нервная дрожь. Я выбрала два разных вечерних платья в «Бергдорф» во время обеденного перерыва. (Примеч. *Bergdorf Goodman* («Бергдорф») — универсальный магазин, расположенный на Пятой Авеню в Манхэттене, Нью-Йорк).

Когда я пришла в офис, на моем столе была тарелка с индийской едой. От запаха карри меня затошило.

— Ида? Как эта еда здесь оказала?

— Разносчик оставил, сказал для тебя. Я думала, это ты ее заказала.

— Я беру индийскую еду только для тебя. Ты же знаешь, я ее ненавижу.

Затем, в голове возникла мысль, и я достала телефон.

Сорайя: Это же не ты заказал мне индийскую еду?

Грэхем: Я.

Сорайя: Зачем?

Грэхем: Я думал, тебе нравится? Я видел, как ты ее покупала.

Сорайя: Эм... как это? Ты за мной следил?

Грэхем: Это было лишь один раз днем. Я скучал и хотел увидеть тебя. Хочел появиться перед тобой, как мистер Биг, удивить тебя и отвезти на обед. Затем я увидел, как ты выбегаешь из *Massala Madness*, и понял, что у тебя уже были планы.

Сорайя: ЛОЛ. Я забирала ланч для Иды. От индийской еды у меня изжога.

Грэхем: Мне нужно поработать над своими стalkerскими навыками.

Сорайя: Это было очень мило с твоей стороны.

Позже Грэхем прислал другое сообщение.

Грэхем: Эй, я слышал, они поменяли название торжества в мою честь.

Сорайя: Серьезно?

Грэхем: Оно называется *Big Blue Ball*. (Примеч. *Big Blue Ball* — «большое синее яйцо»).

Сорайя: AXAXA.

Грэхем: Они выдают подарочные наборы с пакетами со льдом и обезболивающим.

Сорайя: Ты чокнутый.

Грэхем: Из-за тебя.

Сорайя: Во сколько ты меня заберешь?

Грэхем: Черт возьми. Меня допустили до двери?

Сорайя: Да.

Грэхем: Тогда в 19:30.

Сорайя: Мне понадобится твое мнение о моем наряде. У меня отложено два платья в «Бергдорф», и я все еще не могу решить.

Грэхем: Знаешь, я собираюсь забраковать, что бы там ни было, просто чтобы увидеть, как ты переодеваешься.

Сорайя: Как твоя татуировка?

Грэхем: Хорошо. Позже мы можем поиграть в «Я покажу свою/Ты покажешь свою», если ты захочешь.

Сорайя: У меня есть несколько, которых ты не видел.

Грэхем: До боли хочу знать.

Сорайя: Если будешь хорошим мальчиком сегодня, я, может быть, позволю тебе увидеть одну.

Грэхем: А если ты будешь вести себя хорошо, я позволю тебе заглянуть под стол.

Сорайя: ЛОЛ.

Грэхем: Злая ты, Сорайя Венедетта. Дразнишь меня своими татуировками. Как, черт возьми, я должен сейчас работать?

Сорайя: ;-)

После работы я пришла в «Бергдорф», чтобы выкупить платье. У меня было отложено два, а я никак не могла выбрать, какое мне нравилось больше. Я сказала свое имя в примерочной и ждала, пока продавец вернется с моими платьями.

— Вот они, дорогая.

— Спасибо. Но это не мое. — Я указала на великолепное зеленое платье. На самом деле, сегодня днем я сперва положила глаз на это платье, но оно было дизайнерским, и я не могла его себе позволить. Цена была почти в десять раз больше, чем за оба мои платья вместе взятые.

— Это платье выбрал ваш муж сегодня днем.

— Мой муж?

— Я предположила, что это ваш муж. Простите, я не спросила его имени. Может быть, бойфренд? Не каждый мужчина, который выглядит *так*, пойдет в салон женской одежды. Или оплатит счет, если уж на то пошло.

— Оплатит счет?

— Джентльмен, добавивший это платье к отобранным вами. Он также оплатил зеленое. Еще он дал указания менеджеру, чтобы любое выбранное вами платье было занесено на его счет. К тому же, он попросил подобрать туфли к зеленому платью и оплатил их.

Она повесила платья в примерочной и исчезла. Вернувшись, она открыла коробку, чтобы показать мне пару потрясных «Лабутенов», которые я никогда не смогла бы себе позволить.

Раздеваясь, я отправила ему сообщение.

Сорайя: Ты часто закупаешься в женских отделах?

Грэхем: Это был первый раз. Ты должна взглянуть на те вещи, что я забрал с собой.

Сорайя: Ты что-то еще купил?

*Грэхем: Да. Женщина в отделе белья посмотрела на меня *так*, будто думала, что я люблю игры с переодеванием.*

Сорайя: Ха! Ты даже ходил в отдел белья? Что ты купил?

Грэхем: То, что я купил, ты еще не скоро увидишь. Так же, как и я не увижу их на ком-либо. Только если ты не передумала...

Мысль о том, что Грэхем делал покупки в отделе нижнего белья, и забавляла меня, и возбуждала. Я представляла, как в раздражении он проводит руками по волосам, полностью ненавидя то, что делает, но будучи не способным остановиться.

Сорайя: Зеленое платье прекрасно, но я не могу принять его. Это слишком.

Грэхем: Это окончательный выбор. Пожертвуй его, если не нравится.

Серьезно? Это платье стоило почти три тысячи долларов.

Сорайя: Ты чокнутый, ты знаешь это?

Грэхем: Оно подошло?

Сорайя: Я еще не примеряла.

Наш скоростной обмен сообщениями завис на пару минут.

Сорайя: Ты еще тут?

Грэхем: Ты в примерочной?

Сорайя: Да.

Грэхем: У меня только что была маленькая фантазия о тебе в примерочной, как ты смотришь на свое прекрасное обнаженное тело в зеркало.

Сорайя: И...

Грэхем: Ты хочешь услышать дальше?

Сорайя: Возможно...

Грэхем: Я бы хотел присоединиться к тебе там. Наклонить тебя, чтобы ты уперлась руками в зеркало, широко расставив пальцы. И взять тебя сзади, пока ты смотришь на нас. На тебе будут лишь туфли, которые я выбрал.

В этот раз зависла я. Я посмотрела в зеркало и представила, что Грэхем стоит сзади меня. Если уж иллюзия была такой сексуальной, тогда есть огромный шанс, что я растаю, когда это реально произойдет. *Когда*. Я больше не собиралась обманывать себя, повторяя *если*. Внезапно мой телефон завибрировал.

Грэхем: Я знаю, что ты делаешь.

Сорайя: Увидимся вечером, мистер Большой Придурок.

Когда я приехала домой с чехлом для одежды, то заметила черный лимузин, припаркованный снаружи. Когда я приблизилась, вышел водитель в форме. *Водитель Грэхема*.

— Мисс Венедетта, Мистер Морган приказал, чтобы это доставили вам. — Он вручил мне два запечатанных пакета из манильской бумаги.

— Что это?

— Я не знаю, мадам. Мне было велено доставить их, и вот я здесь. — Он вежливо кивнул и открыл дверь машины. — Приятного вам дня.

Мои руки были заняты, поэтому я поднялась наверх и только потом открыла пакеты. Повесив платье, я села на кровать и открыла первую посылку. В ней была зеленая краска для волос *La Riche Alpine Green*. Цвет точно подходил к цвету платья.

У Грэхема Дж. Моргана была очень милая сторона.

С любопытством я открыла следующий пакет. Это была коробка зеленой *Betty Down There Hair Color* (краска для лобковых волос) с прилепленной запиской «*Я не был уверен, но на всякий случай*».

Улыбаясь от уха до уха, я подумала: «Если ты продолжишь в таком же духе, сам скоро все узнаешь».

Звонок раздался ровно в 19:30. Перед тем как нажать кнопку, чтобы открыть главную дверь внизу, я спросила:

— Это Целибат из Манхэттена?

— К несчастью, да.

Я впустила его и открыла дверь.

Передвигаясь по коридору от лифта к моей квартире, он делал быстрые уверенные шаги. С каждым шагом мой пульс бился еще быстрее. На нем был черный смокинг, и он был, возможно, самым прекрасным мужчиной, на которого я когда-либо могла положить глаз. У меня не было никаких сомнений, что он может вызвать пробку, всего лишь если пройдет по улицам Манхэттена в таком виде. Я буквально облизала свои губы.

Пока я стояла там, пуская слюни, Грэхем обхватил ладонью мое лицо и легонько сжал.

— Ты доведешь меня до смерти, если будешь смотреть на меня так. — Затем он поцеловал меня, пока не осталось никаких сомнений, что мое чувство было взаимным.

Я вернулась обратно в реальность, когда он отпустил меня.

— Мне надо одеться. Проходи внутрь.

— Я постоянно думаю о том, что хочу кончить внутри тебя — с тех самых пор, как ты сказала мне о сеансе у доктора для пополнения запаса противозачаточных. (*Примеч.: герой имеет в виду игру слов «come in side» — «проходи внутрь» и «кончить внутри»*).

Я закатила глаза от того, что он такой извращенец, хотя мне понравилось каждое его пошлое слово.

— Мне нужна минута, чтобы надеть платье.

— Тебе нужна помочь в этом?

Я указала на стул в кухне.

— Сиди. Не двигайся.

— Я похож на пса? Я не постесняюсь умолять.

Я исчезла в спальне и надела зеленое платье. Это была моя самая дорогая вещь. Грэхем был прав, когда сказал, что это окончательный выбор. Иначе я бы не стала его надевать. Но мне пришлось признать, что остальные платья не смогли сравниться по красоте с этим.

В отличие от Грэхема, который самоуверенно шел ко мне, осознавая свое место на вершине пищевой цепи, я была сплошным комком нервов, когда выходила из спальни. Платье было потрясающим, оно обтягивало каждый мой изгиб и показывало идеальное количество кожи, чтобы выглядеть сексуально, но не развратно. Но это все равно было вне моей зоны комфорта. Я посмотрела в зеркало: отражение было красивым, но то, что я видела, не было... мной.

Все сомнения, какие у меня были, полностью исчезли, когда я увидела лицо Грэхема. Он сидел на стуле на кухне, играя с телефоном, но встал, когда увидел меня.

— Ты выглядишь чертовски изумительно.

— Платье изумительное. Я до сих пор не могу поверить, что ты столько за него заплатил.

— Это не платье, Сорайя. Это женщина в нем.

— Это мило. Спасибо.

— Зеленый — определенно твой цвет. — Он дотянулся и провел пальцами по волосам.

— Из-за этой прически я не вижу, чтобы кончики волос подходили к платью.

Я собрала волосы во французский узел, подоткнув окрашенные концы вовнутрь.

Я улыбнулась.

— Они подходят. Но я не хочу быть белой вороной. Я никогда не была на подобных мероприятиях раньше, но что-то мне подсказывает, что я буду единственной с зелеными волосами.

— Тебе не нравится, когда твои волосы заколоты?

— Мне больше нравятся распущенные.

— Повернись. Дай мне посмотреть.

Когда я подчинилась, Грэхем достал шпильки, удерживающие мои тяжелые пряди, и мои длинные волосы упали вниз волнами. Он развернул меня.

— Ты будешь выделяться с заколотыми волосами или с распущенными, и это не имеет никакого отношения к цвету твоих волос.

— Ты не против?

— Против? Я надменный козел. Мне нравится, когда мне завидуют.

— Просто дай мне секунду привести их в порядок. — Я пошла в ванную и разгладила волосы. Мне действительно нравилось, когда мои волосы распущены. Когда я вернулась, Грэхем взял обе мои руки.

— Ну, они подходят?

— Да. Цвет почти такой же, тебе не кажется? — Я приподняла концы к верху платья. Цвета были почти одного оттенка зеленого.

— Я говорил не о платье.

— Ох, нет. Спасибо за *Betty Down There*, но я не воспользовалась.

— Какая жалость.

Я ухмыльнулась.

— Серьезно? Я думала, тебе понравится моя прическа там внизу.

— Твоя прическа?

Я нежно поцеловала его губы и прошептала напротив них:

— Там нечего красить. Я абсолютно гладкая там.

Грэхем был прав относительно одного момента — мы, определенно, привлекали внимание. Хотя я сомневалась, что хотя бы одна из женщин, трахающих глазами мужчину рядом со мной, вообще заметила мои волосы. Грэхем не обращал на них никакого внимания, пока вел меня к бару.

— У тебя, кажется, есть фан-клуб.

— Это скорее анти фан-клуб. В моей сфере много конкурентов.

Я смерила взглядом одну женщину, которая нагло пялилась на нас, когда мы шли. На ней было красное платье, она поворачивала голову и следила за каждым нашим шагом.

— Больше похоже на похоть.

Грэхем проследил за моим взглядом и притянул меня ближе к себе.

— Держись подальше от этой.

Этот комментарий только заставил меня дольше смотреть на нее.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы она испортила твоё мнение обо мне еще больше, чем уже сделал я.

У бара Грэхем заказал свой модный напиток и вино, которое я пила за нашим ужином. Он получил очко, запомнив, что я люблю. Пока мы ждали, я осмотрела помещение. «Метрополитен» был потрясающим местом. Я была внутри раньше — на выставках, но никогда в этой части зала. Куполообразные потолки были произведением искусства сами по себе. Было невозможно впитать все это. Люди. Место. Мужчина, стоящий рядом со мной.

Грэхем вручил мне напиток.

— Сколько денег собирают такие мероприятия?

— Кажется, в прошлом году собрали пять миллионов.

Я почти захлебнулась вином. Женщина в красном, смотревшая на нас, двинулась к бару.

— Привет, Грэхем.

Он кивнул. Его ответ был коротким, и я почувствовала, как напряглось его тело.

— Эйвери.

Ох, черт. Женщина, которой я звонила.

— Ты не представишь меня своей подруге?

Грэхем прижал меня еще ближе.

— Вообще-то, нет. Мы как раз собирались пойти потанцевать. Извини нас.

Грэхем неожиданно повел меня прочь от бара и женщины. Мне стало легче, когда мы ушли от нее, но меня заинтересовали их отношения. В одном конце зала был большой, практически пустой танцпол. По пути мы остановились около столика №4, и Грэхем поставил наши напитки.

Уже на танцполе Грэхем притянул меня к себе. Я была не удивлена, что он умел танцевать. Его манера вести сильной рукой определенно подходила его доминирующей личности.

— Итак... красное платье. Полагаю, у вас есть история?

— Да. Но это не то, что ты думаешь.

— То есть? Ты ее не трахнул?

Он выгнул бровь.

— Ревнуешь?

Я посмотрела в сторону. Мысль о нем с кем-то еще шевелила что-то нерациональное во мне. Грэхем наклонился и провел носом по моей шее.

— Мне нравится, что ты ревнуешь. Это значит, что ты одержима мной. Я чувствую к тебе то же самое.

Наши взгляды встретились. Мы долго смотрели друг на друга, пока он снова не заговорил:

— Нет. Я не спал с Эйвери. Даже пальцем к ней не прикасался. Ей не нравится то, как я сейчас нахожу новые контракты.

— О.

Он прижался ближе, хрипло шепча мне на ухо:

— Кстати о сексе. Я все еще твердый, с тех пор, как ты сказала мне, что ты там голая.

Своей рукой на моей пояснице он прижал меня еще ближе к себе. Я могла чувствовать эрекцию, упирающуюся в мое бедро. Этот мужчина атаковал все мои чувства разом: звук его нуждающегося голоса, запах, настолько мужской и присущий только ему, прикосновение его рук к моей голой коже. *Боже, я хотела попробовать его.* Не помогало и то, как его тело контролировало мое, пока мы легко скользили по танцполу. Это напоминало мне, каким властным он может быть в постели. Где-то неподалеку есть незакрытая подсобка, я уверена. Было бы так легко сдаться ему прямо сейчас. Но вместо этого сквозь завесу желания, угрожавшего поглотить меня, мне пришлось призвать на помощь всю свою сущность.

— Может, тебе стоит сходить с этим к доктору? Похоже у тебя постоянная эрекция. Быть может, слишком много «Виагры»?

— Могу тебя заверить, моему члену, чтобы встать, не нужна никакая искусственная помощь, когда я рядом с тобой, Сорайя. И я недавно посещал врача. Точнее, пару дней назад. Я принял совет одной колонки, которую я читаю, и подготовился к тому, что мне разрешат нарушить клятву воздержания. Я чист, и у меня есть документы, чтобы доказать это.

— Похоже, тебе не терпится. Они сейчас при тебе? — пошутила я, но Грэхем отстранился и похлопал пиджак в том месте, где должен быть потайной карман. Я ухмыльнулась. — Ты серьезно? У тебя же их нет сейчас при себе?

— Конечно, я серьезен. Больше всего на свете я хочу кончить внутри тебя. Ни за что не упущу эту возможность, будучи не подготовленным, когда представится случай. Я ношу результаты анализов с собой уже три дня.

Его признание было до странности милым. Началась другая песня, и мы танцевали некоторое время в тишине, наши тела покачивались в унисон.

Я положила голову ему на грудь и вздохнула.

— Мне нравится. Неожиданно, честно говоря.

Он уткнулся носом мне в волосы.

— Мне тоже. Обычно я ненавижу подобное.

Мои защитные стены рушились перед этим человеком. Но мне очень быстро напомнили поднять их обратно и защитить себя.

Мы сидели за большим круглым столом, за которым расположилась, по меньшей мере, дюжина гостей. Грэхем представил меня паре гостей, окружающих нас, несколько стульев еще пустовало.

— Так чем вы занимаетесь, Сорайя? Сорайя, правильно? — Брэкстон Харлоу сидел слева от меня. Это был джентльмен постарше, хотя еще прекрасно выглядел, с сединой в

волосах, контрастирующей с его загорелой кожей. Грэхем говорил о делах с мужчиной по другую сторону.

— Я работаю в колонке советов «*Спросите Иду*».

— Вы писатель. Как замечательно.

— Не совсем. Я выполняю паршивые поручение для писателя, и иногда она позволяет мне написать короткие ответы на некоторые письма.

— Понятно.

— А чем вы занимаетесь?

— У меня своя фармацевтическая компания.

— Вы легальный наркодилер?

Он улыбнулся.

— Наверное, да.

— Это значит, вы — доктор?

— Да.

— Тогда, возможно, вы можете поговорить с Грэхемом, у него проблема по медицинской части.

И тут Грэхем присоединился к разговору.

— Я услышал свое имя. Вы говорили обо мне?

Брэкстон ответил.

— Сорайя просто собиралась сказать о твоей проблеме по медицинской части. Я могу как-то тебе помочь, Грэхем?

Грэхем прищурился и выпил залпом остатки напитка.

— Я не знаю, вы лечите посиневшие яйца?

Сначала мужчина выглядел смущенным, но потом расхохотался. После этого мы втроем завели простой разговор. Рука Грэхема всегда была на спинке моего стула, пальцами он рисовал восемерку на коже обнаженного плеча. Я уже начала расслабляться и наслаждаться, пока не увидела вспышку красного через стол. Эйвери сидела прямо напротив нас. Грэхем и мужчина, который был с ней, молча кивнули друг другу в обычной мужской манере.

— Похоже, мы делим еду с твоей подругой. — Я прислонилась к Грэхему.

— Игнорируй ее.

Легко сказать. Я чувствовала ее взгляд, даже когда не смотрела на нее. По какой-то причине, этой женщине доставляло удовольствие заставлять меня чувствовать себя некомфортно. Она не пыталась заговорить ни с кем за столом.

После ужина я извинилась и отошла в дамскую комнату. Я закрылась в кабинке и пыталась придумать лучший способ пописать, не окунув дорогое платье в унитаз, или не трогая сиденье, или не уронив сумочку, или не упав с этих двенадцатисантиметровых каблуков. Мне казалось, что все это будет гораздо проще.

Дамская комната была пуста, когда я пришла. Я услышала, как открылась и закрылась дверь. Стук каблуков остановился в районе моей кабинки. Интуиция подсказывала мне, кто стоит за дверью. Сделав глубокий вдох, я вышла, и меня тут же встретила вспышка красного. Эйвери подводила губы, глядя в зеркало, но ее взгляд был прикован ко мне, пока я выходила.

— Неужели это последняя игрушка Грэхема Моргана.

— Ты от этого кайфуешь? Преследуешь женщин в туалете и говоришь гадости об их партнерах?

Она накрасила губы еще более ярким красным цветом, промокнула салфеткой и закрыла помаду.

— Я оказываю услугу всем женщинам мира, предупреждая их об этом мужчине.

— В чем причина? Тебе не нравится, как он ведет свой бизнес, поэтому ты хочешь меня отпугнуть?

Она злобно улыбнулась.

— Это он тебе так сказал? Что мне просто не нравится, как он ведет дела?

Я ненавидела чувство, что она знает что-то, чего не знаю я, и я промолчала. Вместо этого я вымыла руки и достала свою помаду. Когда я была готова, она все еще стояла там. Я скрестила руки на груди.

— Ну, давай. Расскажи мне то, в чем ты так жаждешь меня просветить.

Она подошла на несколько шагов, остановившись позади меня и изучая мое отражение в зеркале. Затем сказала мне прямо в глаза:

— Я тут подумала, ты не стоишь моего времени. В конце концов, ты все выяснишь сама. Или можешь спросить у Грэхема, почему он пытается уничтожить компанию мужа моей лучшей подруги.

Мне потребовалась минута, чтобы собраться после ухода Эйвери. Она была большой сучкой, когда я позвонила ей в тот день, когда нашла телефон Грэхема в поезде. Я хотела списать ее предупреждение на яростное соперничество между компаниями, но мне так не казалось. Для этой женщины это было личным делом.

Грэхем ждал меня снаружи.

— Все в порядке? Я видел, как Эйвери пошла за тобой.

— В порядке. — Я выдавила улыбку. Сделав несколько шагов, я решила, что хочу знать больше. — Могу я спросить кое-что?

— Конечно.

— Кто лучшая подруга Эйвери?

Грэхем провел рукой по зачесанным черным волосам.

— Ее лучшая подруга — моя бывшая, Женевьевы.

Глава 11

Грэхем

Что-то изменилось после того, как Сорайя сходила в дамскую комнату вчера. До этого она вела себя в обычной саркастичной манере — очаровывала шестидесятилетнего исследователя в области фармацевтики, просто будучи самой собой. Но после она стала тихой и замкнутой. Когда мы приехали к ее квартире, она не пригласила меня зайти, а в ее поцелуе не было привычного огня. Опасаясь давить на нее, я ждал, чтобы увидеть, что может случиться на следующий день. *Ничего не произошло*. И вот я сижу в офисе в субботу днем, уставившись на стопку проспектов. Моя концентрация свелась к нулю, когда эта женщина ворвалась в мою жизнь.

Я взял телефон, но затем отбросил его на стол. К трем часам я повторил это действие двадцать чертовых раз. В итоге, наворчав на себя за то, каким нытиком я стал, я написал сообщение.

Грэхем: Мы пережили два мероприятия. Уговор в силе?

Я таращился на телефон, пока не появились три прыгающие точки. Уровень моего беспокойства вырос, когда точки запрыгали, потом остановились, потом снова запрыгали. Наш договор об эксклюзивности был в силе, даже думать не о чем. *О чём ты думаешь, Сорайя Венедетта?*

Сорайя: Ты уверен, что ты этого хочешь?

Без промедления я написал свой ответ.

Грэхем: Я хотел этого с самого первого дня. Эти маленькие испытания были твоей идеей.

Сорайя: Я нервничаю.

Я нажал на вызов — это лучше, чем играть в игру «угадай, о чём ты на самом деле думаешь». Она ответила после первого гудка.

— Что она тебе сказала?

— Эйвери?

— А кто еще?

— Я уже сказала тебе.

— Скажи еще раз. Я что-то не понимаю.

— Я не помню точных слов.

— Скажи, что помнишь.

— Ну. Она дождалась, пока я схожу в туалет. Потом сказала, что оказывает услугу всем женщинам мира, предупреждая меня насчет тебя.

— Дальше.

— Дальше было не так много. Она сказала, что я не стою ее времени и что когда-нибудь я выясню все сама. Затем она сказала мне спросить у тебя, почему ты намереваешься уничтожить компанию мужа ее лучшей подруги.

— Я уже рассказал тебе о Лиаме и Женевьеве. Он мой конкурент.

Она помолчала минуту.

— Я загуглила тебя и Лиама утром.

Громко выдохнув, я откинулся на спинку кресла.

— И...

— Там было несколько статей о том, как ты пытаешься силой поглотить его компанию.

— Это правда.

— В статье говорилось, что ты переплачиваешь рыночную стоимость почти вдвое. Я не так много понимаю в бизнесе, но зачем тебе это делать? Если это не для того, чтобы уничтожить мужчину, потому что у тебя еще есть чувства к женщине, которую он у тебя украл? Женщине, чье имя было выгравировано на твоем теле?

— Так в этом все дело?

— Я боюсь, Грэхем. Я чувствую, ты можешь целиком меня поглотить.

— Я стараюсь.

— Да, и это тоже. Но ты знаешь, о чем я.

— Ты боишься, что я причиню тебе боль?

Она вздохнула.

— Да.

— Компания Лиама владеет 23% акций Pembroke Industries. В прошлом году я выкупил 28% от имени корпорации, в которой являюсь единственным держателем акций. Если я приобрету компанию Лиама, ко мне перейдет его доля в Pembroke. Это даст мне 51% акций — контрольный пакет. Это стоит того, чтобы удваивать стоимость компании Лиама. Мне нужен Pembroke, а не Лиам. Аналитики считают, что это из-за обиды, так как он был моим работником.

— Значит, ты не любишь Женевьеву до сих пор?

— Нет. И если у тебя появились сомнения, ты могла бы прийти с этим ко мне, Сорайя.

— Прости. Наверное, я просто испугалась того, что между нами происходит.

— Так же, как и я. Но знаешь, что я понял?

— Что?

— Боишься ты или нет, но это происходит. Это *произойдет*. Никто из нас не может это остановить. Так почему бы тебе не притащить свою задницу ко мне в офис и не рассказать, как тебе жаль, что ты сделала такие выводы.

— Это шифр, означающий, что я должна запрыгнуть на твой стол, и мы будем играть в босса и секретаршу?

Я застонал.

— Тащи свой зад сюда.

Она рассмеялась. Я был рад, что мои постоянные страдания могли, по крайней мере, казаться ей забавными.

— Не могу, Морган.

— Хватит издеваться надо мной, Сорайя.

— Я не издеваюсь. Я на самом деле не могу приехать. Я не дома.

— Где ты?

— Помогаю Делии на торговой выставке. Мы за городом, в нескольких часах езды.

Я пробормотал что-то нечленораздельное себе под нос.

— Когда ты вернешься?

— Утром. Выставка закончится поздно ночью, а Делия и при свете дня опасно водит. Вдобавок, она сделает пирсинг сотне посетителей, к концу вечера она окосеет. Поэтому мы завалимся в отель через дорогу.

— Что ты будешь делать весь день?

— Ассистировать. Я протираю кожу, перед тем как она делает прокол, и держу за руку трусливых.

Я не был уверен, хочу ли знать ответ, но все равно спросил:

— Что ты будешь протирать?

— Как обычно. Уши, носы, пупки, языки, соски, пару пенисов.

— Повтори-ка?

— Все беспристрастно.

— Ага, я чувствую себя лучше при мысли о том, как ты натираешь мужской член. Я уверен, у Делии есть степень по медицине.

— Расслабься, это не такое уж и большое дело.

— Да, ты права.

— Да?

— Конечно. — Я частично прикрыл телефон и заорал секретарю, которой сегодня не было. — Элизабет? Можешь подойти на минуту?

— Элизабет? Это твоя новая секретарь?

— Да. Я собираюсь помыть ей сиськи.

Сорайя фыркнула. Эта женщина посмеялась надо мной. Снова.

— Что смешного?

— Я лично видела, как ты обращаешься с секретарями. И вполне уверена, она не позволит тебе помыть даже ее ноги, не говоря уже о сиськах.

Печально, но, наверное, она права.

— Когда я тебя увижу?

— Завтра вечером.

— Хорошо. Я заберу тебя в шесть.

— Согласна. Сейчас мне надо идти. Большой парень в татуировках только что зашел в кабинку Делии. Обычно такие больше всего нуждаются в том, чтобы держать их за руку.

— Прекрасно. Теперь я буду представлять, как ты натираешь член какого-то качка, пока он таращится на твою грудь и возбуждается.

— У тебя очень живое воображение.

— Завтра, Сорайя.

— Позже, мистер Костюм.

Через несколько минут после того, как мы попрощались, мой телефон просигналил о входящем сообщении.

Сорайя: Уговор в силе.

Мне нужно было заставить Сорайю забыть ту хрень, что сказала ей Эйвери, показать, что ей нечего бояться, когда дело касается меня. Я не мог сконцентрироваться ни на чем, кроме того, что увижу ее сегодня, поэтому ушел из офиса пораньше — это уже становилось нормой. Если бы не я управлял компанией, меня бы давно уже уволили.

Вернувшись домой, я начал готовить овощи для пасты «Примавера», которую хотел приготовить. Я не умел готовить изысканные блюда, но мог приготовить чертовски вкусную пасту аль дэнте. (*Примеч.: главный секрет итальянской пасты в том, что макаронные изделия отвариваются al dente (или, в переводе с итальянского, «на зубок»). Это емкое понятие описывает такое состояние макарон, когда они уже почти готовы, но еще не успели полностью развариться*). Раньше я написал Сорайе, чтобы дать ей знать об изменении в наших планах. Я готовил ей ужин у себя. Мне казалось, это будет правильной сменой темпа после фиаско на торжестве. Мне нужно привести ее к себе и показать больше обыденной жизни.

Я только включил телевизор, встроенный в стену на кухне, и выбрал сериал из перечня, когда зазвонил телефон. *Сорайя звонила.* Я схватил полотенце, чтобы вытереть руки, перед тем как ответить.

— Привет, красотка.

— Привет... — Она замешкалась. — Что это за музыка на заднем плане?

— Телевизор.

Черт.

Нервно пытаясь уменьшить звук, я вскоре понял, что кнопка регулирования звука не работала. Уровень моей крутизны скоро упадет.

— Это была заставка из «Главного госпиталя»?

— Нет, — соврал я.
— Да, это она.
Черт. Пойман с поличным.
Я виновато рассмеялся.

— Ладно, да, это она. Ты меня поймала.
— Ты смотришь мыльные оперы?
— Только эту.
— И только я подумала, что у нас нет ничего общего...
Я прочистил горло, поддавшись смущению.

— Ты тоже его смотришь?
— Вообще-то, смотрела раньше... сейчас почти не смотрю.

— Мне он никогда особо не нравился, пока мама не заболела, когда я был в старшей школе. Она была одержима этим сериалом. Когда была прикована к постели, я укладывался рядом с ней в три часа дня и составлял ей компанию, пока он шел. В итоге, мне понравились некоторые сюжетные линии, и я продолжил смотреть его после ее смерти. Он напоминает мне о ней.

Сорайя замолчала и потом сказала:

— Грэхем... это... вау... это на самом деле прекрасно.
Почувствовав внезапные эмоции, я быстро сменил тему.

— И чему я обязан этим звонком?
— Я хотела узнать, могу ли я принести что-нибудь.
— Ничего, кроме своей прекрасной задницы, детка.
— Серьезно. Я хочу что-нибудь принести.
— У меня все готово.

— Ладно. Тогда, вино.

Упрямая.

— Мой водитель заедет за тобой через час.

— Хорошо.

Я замолчал на мгновение, а затем прошептал ее имя:

— Сорайя.
— Да?
— Не могу дождаться, когда увижу тебя.

Погрузившись в сервировку стола, я забыл предупредить портье, чтобы он отправил Сорайю наверх. Когда он позвонил мне, сообщая о посетителе, я решил поиздеваться над ней немного.

— Пожалуйста, дайте трубку мисс Венедетте, — сказал я ему.
Она подошла к телефону.

— Да?
Мой член дернулся при звуке ее голоса. Сорайя даже не находилась передо мной, но тот факт, что она была внизу, делал меня твердым.

— Чем могу помочь, мисс?
Она захихикала.

— Это «Главный госпиталь»?

Маленькая выскочка.

— Если ты сыграешь шаловливую медсестру, тогда *может быть*. Передай ему трубку обратно и поднимай свою задницу сюда.

Когда портье вернулся к телефону, я попросил его показать Сорайе лифт. Ее стук был ритмичным и громким. Блэки тут же начал лаять.

Пока шел к двери, я обратился к собаке:

— Да, да. Просто подожди и увидишь ее.

Мое сердце стало биться быстрее, когда я открыл дверь и увидел, как потрясающе красива она была. Ее волосы были распущены, лежали волнами и выглядели так, будто их разметал ветер. На концах они были зелеными и подходили по цвету изумрудной блузке без рукавов, закрывавшей всю шею. На вороте блузки был завязан бант. Гладкие черные штаны выглядели так, будто были нарисованы на ее ногах. Все вместе это было дразнящее консервативным, по сравнению с ее обычным видом. Ее обычно красные губы были также не накрашены, будто она знала, что я буду поглощать их позже.

С трудом сдерживаясь, чтобы не приставать к ней, я нехотя прижал руки по бокам. Я пообещал себе не трогать и не целовать ее пока, так как боялся, что не смогу остановиться. Поэтому я собирался сдерживаться так долго, как мог. Этот вечер должен показать ей, что она может доверять мне. Если я наброшу ее на нее прямо у входа, это все испортит.

— Заходи. — Я вдохнул ее цветочный аромат, когда она заходила в комнату.

Собака сразу начала прыгать вокруг нее.

— Отвяжись, Блэки.

Она выглядела удивленной, когда вручила мне бутылку вина, которую принесла с собой. Затем наклонилась и взяла пса на руки. Блэки начал лизать ее лицо.

Черт, я хотел в этом поучаствовать.

Забрав у нее собаку, я выдал:

— А ты думала, что это я к тебе пристану.

— Ты ведешь себя очень хорошо, мистер Морган.

— Я пытаюсь, — честно ответил я.

Она прикрыла рот.

— О, боже. Блэки. Я только поняла. Из «Главного госпиталя»! Он назван в честь *того* Блэки! (Примеч. Блэки Пэрриши — персонаж сериала «Главный госпиталь»).

— Да, это так.

— Ты же не стесняешься?

— Нет.

— Просто у тебя уши краснеют.

Черт.

— Мне кажется, это мило, Грэхем, особенно то, что этот сериал напоминает тебе о матери. Спасибо, что поделился этим со мной.

— Не думаю, что вообще говорил это кому-нибудь. Ты превращаешь меня в размазню, Венедетта.

— Хорошо, — улыбнулась она.

Медленно потирая руки, я сказал:

— Раз уж мы заговорили об этом. Давай посмотрим, как хорошо ты знаешь «Главный госпиталь».

Она блеснула милейшей улыбкой и приняла мой вызов.

— Выкладывай.

— Есть еще кое-что относительно меня — один из главных идентификаторов — связанное с «Главным госпиталем».

— Что я получу, если угадаю?

— Особенный поцелуй позже вечером.

— О, да? Особенный, да?

— Я дам тебе подсказку.

— Давай.

— Это рифмуется с органом.

— Ох, снова об этом. Ладно... Морган... твоя фамилия, — понимание внезапно озарило ее. — Точно! О, Боже. Это имя тоже из «Главного госпиталя»!

— Совпадение фамилии просто случайно, но «Дж.» в моем среднем имени — Джейсон. Она понимающее кивнула.

— Джейсон Морган... как персонаж!

— Моя мать думала, что это гениально.

— Твоя мама, похоже, была очень умной женщиной.

— Она была... умной, забавной, яркой, жизнерадостной... очень похожей на тебя, на самом деле. — Я подошел к гранитной столешнице и открыл бутылку «Совиньон блан», которую она принесла. Вручив ей бокал вина, я спросил: — Могу я показать тебе квартиру?

Попивая вино, мы пошли по комнатам. Сорайя практически влюбилась в электрический камин в моей спальне. Не могу дождаться, как однажды смогу трахнуть ее перед ним.

Наконец, мы вернулись обратно в гостиную и остановились перед окном от пола до потолка с видом на Манхэттен.

Она смотрела на захватывающие огни города.

— Я всегда мечтала иметь такой вид.

В это время я смотрел только на нее.

— Этот вид твой. Ты можешь приходить сюда, когда захочешь.

— Я могу здесь *кончать*, да?

— Я не это имел в виду.

— О, я знаю. Ты сегодня необычно вежливый и политкорректный. Что на тебя нашло, Грэхем Джейсон Морган?

— Тебе не нравится, что я вежливый? Я пытаюсь не облажаться сегодня. После того, что случилось на торжестве...

— Ты прекрасен. Ты хороший, какой есть. Мне нравится, какой ты всегда честный со мной в своих мыслях и чувствах. — Она прислонилась ко мне и схватила мой свитер, заставляя член дернуться. Я чувствовал, как буквально разваливался, когда она продолжила:

— По правде говоря, я предпочитаю грубую честность всему остальному. Я хочу, чтобы ты всегда говорил мне правду, даже если боишься, что можешь меня обидеть. Не думаю, что ты понимаешь, как сильно мне нужна правда.

— Не думаю, что ты понимаешь, как сильно *ты* мне нужна. — Сейчас, когда она прикасалась ко мне, я полностью пропал. — Я дам тебе все, что тебе нужно. Хочешь абсолютную правду?

— Да. Скажи, чего ты хочешь.

— Насчет чего? Жизни? Прямо сейчас? Конкретнее.

— Что ты хочешь прямо сейчас?

— Ты не будешь винить меня за мой ответ?

— До тех пор, пока это то, о чем ты на самом деле думаешь... нет.

Мой голос был хриплым, когда я произнес:

— Я хочу твой язык на своем члене.

Ага, я это сказал.

Ее ресницы соблазнительно затрепетали.

— Что еще?

— После того, как ты возьмешь меня в рот, я хочу раздеть тебя догола и попробовать твою киску, а сразу после трахнуть тебя сзади, пока твои руки будут прижаты к окну.

— Потом что?

— Я хочу кончить внутри тебя.

— Потом?

— Потом... мы будем есть пасту голыми в кровати.

Мы оба слегка рассмеялись, прежде чем тон снова стал серьезным.

Она оглядела гостиную.

— Когда вдруг так потемнело?

— Я не знаю. Я практически ничего не замечал вокруг с тех пор, как ты вошла. Вот и вся правда.

— Спасибо, что был честен со мной, Грэхем.

Это были ее последние слова, перед тем как она подняла руки к банту у шеи, медленно его развязывая. Ну, черт. Это, очевидно, было наградой за честность. Она расстегнула пуговицы, и ее шелковая блузка упала на пол. Когда она расстегнула спереди свой черный кружевной лифчик, ее грудь буквально выпрыгнула оттуда. Даже несмотря на то, что снаружи было темно, огни города создавали достаточное освещение, чтобы я мог увидеть, как ее соски напряглись от холодного воздуха.

Хрипло выдохнув, я сказал:

— Давай, я тебя согрею.

Я наклонился и безжалостно всосал ее сосок в рот. Она застонала в ту же секунду, когда мои губы коснулись ее кожи.

Сорайя впилась пальцами в мой свитер, потянув его, и я стянул его через голову. Прижимаясь своей голой грудью к ее, я втянул ее язык в рот и начал его медленно посасывать. Мой член, сейчас полностью затвердевший, прорывался сквозь джинсы напротив ее живота. Затем ощущение ее маленькой ручки, скользящей по моему телу к паху, стерло последние частицы контроля, которые у меня оставались.

Внезапно она опустилась на колени.

И я пропал.

Когда она расстегнула молнию и вытащила член, мое сердце, казалось, начало биться быстрее, чем могло вынести. Время будто остановилось. Она посмотрела на меня и обвела языком с пирсингом головку, уже мокрую и готовую для ее рта. Моя голова невольно откинулась назад от ощущения, которое можно было описать только как абсолютное блаженство.

Это.

Это был рай.

Когда она неожиданно опустила голову и взяла меня полностью, мои яйца сжались в отчаянной попытке не кончить тут же в ее прекрасный рот. Я понял, что у меня проблемы гораздо серьезнее, чем я себе представлял, так как не было ни единого шанса, что я отпущу ее теперь, когда знаю, на что это похоже.

Все, о чем я мог думать, — как оказаться внутри нее, как я хотел заявить права на каждый миллиметр ее тела, каждое отверстие. Я хотел владеть ею, но, по правде говоря... она уже владела мной. И это была правда.

— Помедленнее, детка.

Мой телефон начал звонить. *Черт.* Ни за что на свете я не возьму трубку. Когда сразу после этого начал звонить домашний телефон, внутри меня все сжалось, так как я знал, что это моя бабушка. Бабуля единственная знала мой домашний номер. Сработал автоответчик.

— Мистер Морган? Это Камбрия Линч, социальный работник вашей бабушки. Она сегодня достаточно сильно упала и теперь она в «Вестчестерском госпитале». Я звоню, чтобы вы знали. — Оставшуюся часть сообщения я уже не слышал.

Сорайя выпустила мой член изо рта и подпрыгнула, когда осознала, что говорилось в сообщении на автоответчике. Я побежал к телефону и поднял трубку, но Камбрия уже отключилась.

Заправляя штаны, я видел перед глазами лишь туман. Я посмотрел на Сорайю.

— Мне нужно ехать в больницу.

Она начала быстро одеваться.

— Я еду с тобой.

Я практически споткнулся о Блэки, который, кажется, разозлился, потому что в этот момент трахал на полу свою игрушку. Я молился, чтобы одна из лучших ночей в моей жизни не превратилась в одну из худших.

Глава 12

Сорайя

У меня крутило живот всю дорогу до госпиталя.

Бедный Грэхем.

Тревога в его глазах была очевидна, пока он решительно смотрел вперед. Его водитель взял отгул на ночь, поэтому Грэхем вез нас в своем «БМВ» в Вестчестер.

Я положила руку на его ногу.

— С ней все будет в порядке.

— Да, — сказал он, продолжая смотреть на дорогу.

Час спустя мы подъехали к госпиталю. Грэхем взял мою руку, когда мы бежали ко входу.

— Моя бабушка здесь. Лил Морган. Где я могу ее найти? — спросил Грэхем у женщины в регистратуре.

— Палата №257, — сказала она.

Поездка на лифте была настоящей нервотрепкой. Запах больничного антисептика вызывал тошноту. Когда мы добрались до палаты, рядом с кроватью Лил стоял врач с медсестрой.

Я сразу узнала ее — пожилую женщину с фотографии в телефоне Грэхема. В моем сердце потеплело, когда я увидела, как ее глаза засветились, едва она его увидела.

— Грэхем. Кто тебе сказал, что я здесь?

— Камбрия звонила. Ты в порядке?

— Я не хотела, чтобы она тебя беспокоила.

— Она правильно сделала. Что случилось?

— Я не помню. Я поскользнулась и упала, но я не знаю, как это случилось. Они говорят, я сломала бедро.

Доктор протянул руку.

— Мистер Морган, я доктор Спорк.

— Доктор, можем мы поговорить снаружи?

— Конечно.

Грэхем вышел из палаты вместе с доктором, медсестра последовала за ними. Они оставили меня наедине с Лил.

Я все еще смотрела на дверь, когда звук ее голоса напугал меня.

— Ты, наверное, Сорайя.

Меня смущило, что она знала мое имя. Что Грэхем говорил ей обо мне?

— Да, это я. Приятно познакомиться, Лил, — я улыбнулась и села в кресло рядом с ее кроватью.

— Теперь я вижу, почему он так тобой увлечен. У тебя естественная красота, которую редко можно встретить.

— Большое спасибо.

Ее голос звучал устало и слабо.

— Грэхем очень скрытный. Он мог никогда не дать мне шанса познакомиться с тобой, поэтому прости, что сейчас я много на тебя взвалю...

Я сглотнула, не ожидая допроса.

— Ладно.

— Я знаю, временами мой внук может быть абсолютным придурком.

Я выпустила воздух, который задержала в легких, и рассмеялась.

— Да. Я узнала об этом довольно быстро.

— И я слышала, ты приструнила его с этой ерундой.

— Да.

— Хорошо. Но знаешь, в глубине души он не такой.

— Я начинаю понимать это.

— Когда его мать умерла, он переосмыслил все. У него заняло много времени вернуться к нормальной жизни. И в тот раз, когда попробовал это сделать, он обжегся.

— Женевьева?

Лил выглядела шокированной.

— Значит, он рассказал тебе о ней...

— Ну, я знаю не так много. Знаю, что она сейчас с его бывшим другом Лиамом.

— Да, это была плохая ситуация. Во многих отношениях это разрушило весь прогресс, возникший после смерти моей дочери Селии. Честно, я не была уверена, что Грэхем снова откроет свое сердце кому-нибудь. Но я чувствую, что это может произойти с тобой.

Когда я услышала это от нее, мое сердце, казалось, готово было разорваться.

— Я не знаю, что сказать.

— Тебе не нужно ничего говорить. Я просто хотела убедиться, что ты знаешь: за его внешним видом скрывается гораздо больше. Кажется, ты знаешь больше, чем я думала, и это хорошо. Только не дай ему убедить тебя, что его не разрушить.

— Я больше боюсь, что *он* разрушит меня, если быть честной.

— Не бойся пораниться. Это гораздо лучше, чем никогда не испытать ничего сногшибательного. Каждая времененная радость лучше, чем ничего вообще. Ты боишься, что тебе причинят боль, как я боюсь смерти. Но это не значит, что я не буду жить каждый день на полную катушку.

Я взяла ее за руки и сжала.

— Спасибо за ваш совет.

Грэхем вошел именно в этот момент.

— Ой-ой, чувствую назревающую проблему.

И снова лицо Лил озарилось, когда она посмотрела на него.

— Хоть я и не хотела, чтобы ты проделал такой путь сюда, я рада, что познакомилась с Сорайей. Надеюсь, я не испортила вам вечер.

— Неа, мы просто... ели пасту. — Он коротко посмотрел на меня, и мы обменялись понимающими взглядами.

— Что сказал доктор? — спросила Лил.

— Он считает, тебе нужна операция на бедре. Они продержат тебя здесь пару дней, перед тем как перевести в центр реабилитации. Я поговорю с Камбрией, чтобы убедиться, чтобы они поместили тебя в самый высококлассный центр.

— Я не хочу, чтобы ты переживал обо мне.

— Ты могла удариться головой. Ты даже не помнишь, как это случилось. Конечно, я буду волноваться. Я просто рад, что не произошло худшее, бабуль.

— Я тоже, — сказала я.

Мы посидели с Лил еще час, перед тем как уехать обратно в город. Грэхем включил классическую музыку и оставался очень тихим во время всей поездки. Когда мы, наконец, заехали на Манхэттен, я заговорила первой.

— Ты в порядке?

— Да... я в порядке. Просто...

— Что?

— Просто, меня сегодня осенило, как никогда раньше, что она — единственная семья, которая у меня есть. Моя мать была единственным ребенком. Бабушка буквально... *одна*. Когда она уйдет, у меня никого не останется. Это, вроде как, отрезвляет.

— Однажды у тебя появится своя семья.

Он застал меня врасплох вопросом, который я не предвидела.

— Ты хочешь детей, Сорайя?

Я могла только честно ему ответить.

— Я не уверена.

— Ты не уверена?

— Не могу сказать, что уверена на сто процентов. Надеюсь, буду уверена к тому моменту, когда придется решать.

— У тебя такие сомнения из-за ситуации с отцом?

— Частично. На самом деле, я еще не анализировала это. Я просто не чувствую абсолютной уверенности, что материнство — это мое.

Он выглядел опечаленным моим ответом. Может быть, он не это хотел услышать, но я не хотела лгать ему. Так я всегда чувствовала.

Посмотрев на него, я спросила:

— Ты везешь меня домой?

— Я не планировал. — На его лице промелькнуло разочарование. — Почему... ты хочешь поехать домой?

— Я просто думала, после всего, что произошло с Лил...

— Ты думала, я захочу побывать один? Нет. Я не хочу быть один, Сорайя. Я устал быть один. Я хочу тебя в своей гребаной кровати сегодня. Нам даже не нужно ничего делать. Я... просто хочу держать тебя, пока засыпаю. Этого я хочу, если ты не против.

Даже несмотря на то, что это пугало меня, я не хотела другого.

— Хорошо, да.

У Грэхема так и не выдалось возможности приготовить свою пасти. Так как было уже поздно, мы взяли еду на вынос в Szechuan и поднялись наверх в его квартиру. Мы передавали бумажные коробки друг другу, пока сидели, скрестив ноги, на полу его гостиной и смотрели «Главный госпиталь».

— Я мог бы к этому привыкнуть, — сказал он, засасывая лапшу в рот. В этот момент на его лице появилось нетипичное мальчишеское очарование.

Мое сердце сжалось. Сегодня меня в первый раз осенило, что между нами все становилось серьезнее. Его вопрос о том, хочу ли я детей, напугал меня, и я поняла, что пути назад нет. Мне нужно было знать, куда принесет нас течение. Как сказала Лил, будет лучше пораниться, чем никогда не узнать.

После уборки Грэхем тихо повел меня в свою спальню. Я смотрела, как он стягивал свитер через голову. Восхищаясь татуировкой, сделанной Тигром на боку Грэхема, я облизала губы, отчаянно желая попробовать его кожу.

Он вышел в ванную и вернулся в черных пижамных штанах, бросив мне синюю футболку.

— Я хочу, чтобы ты спала в моей футболке.

Он внимательно смотрел, как я расстегивала блузку. Казалось, его рот наполнился слюной, а глаза были приkleены к моей груди, пока я натягивала его футболку через голову.

Я забралась в огромную кровать, моментально утонув в мягком ортопедическом матрасе с эффектом памяти. Эта кровать подходила королю — или Моргану.

Он лег сзади меня и обнял. Его дыхание замедлилось, и я поняла, что он заснул. Вскоре я последовала за ним.

На часах было четыре часа утра, когда что-то меня разбудило. Грэхем лежал лицом ко мне с открытыми глазами.

— Мне нравится смотреть, как ты спишь.

Мой голос был сонным.

— Если бы я знала, что ты наблюдаешь за мной, я бы не смогла уснуть.

Он усмехнулся.

— Что тебя разбудило?

— Не знаю. Может, просто моя интуиция.

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, ты хотела заглянуть под одеяло.

— И только я подумала, что пошлый ублюдок в тебе взял выходной...

— Никогда. Он всегда здесь, даже когда молчит. — Грэхем рассмеялся, и его улыбка практически растопила мое сердце. Он переплел наши пальцы. — Впрочем, серьезно, мне кажется, на тебя что-то давит.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу по твоим глазам.

— Твоя бабушка сказала, что я не должна бояться пораниться.

— Она мудрая женщина. Ты должна ее послушать. Но хочешь, расскажу секрет?

— Да.

— Ты меня пугаешь, Сорайя.

— Аналогично.

— Но именно по этой причине я точно знаю...

— Знаешь что?

— Это может быть чем-то настоящим.

Чем-то настоящим.

— Мне нужно научиться прекращать беспокоиться о завтрашнем дне и наслаждаться сегодняшним, — прошептала я.

Грэхем поднес мою руку к губам и поцеловал ее.

— Никто не знает, что случится завтра. Но если бы завтра наступил конец света, нет такого места, где я хотел бы быть, кроме как здесь, с тобой. Это о многом мне говорит.

Когда он прижался своими губами к моим, это чувствовалось по-другому, по сравнению с прошлыми нашими поцелуями. Более страстно, более отчаянно. Будто он выпускал все сдерживаемое в теле напряжение на меня. То, что началось медленно и нежно, вскоре обернулось диким и яростным. Неспособная больше сдерживать свою нужду в нем, я сделала сознательное решение отпустить все свои беспокойства, хотя бы на этот момент. Здесь, в его кровати, я чувствовала себя в безопасности. Это единственное, что имело значение.

Как будто мог читать мои мысли, Грэхем лег на меня, прижимая к кровати. Он навис надо мной на долгое время, просто глядя мне в глаза. Казалось, он сдерживался, ждал разрешения. Поэтому я молча кивнула, давая понять, что я в игре, что бы он там ни подготовил. Он на секунду закрыл глаза и снова их открыл.

Грэхем не отводил от меня взгляда, пока снимал своей большой рукой мое нижнее белье. Обхватил ладонью у меня между ног, и я задрожала, мокрая и готовая для него.

Он стиснул зубы.

— Черт, Сорайя. Я должен быть внутри тебя. Сейчас же. — Он прижался своим членом ко мне сквозь ткань боксеров, и я сжала его задницу, прижимая к своему клитору. Я была невероятно возбуждена.

Он снял свое белье и прижался членом к моему животу. Больше не в состоянии ждать, я расставила ноги так широко, как смогла. Взяла его твердый член и направила его в свое жаждущее лоно. Я была не готова для его размера, поэтому резко втянула воздух, медленно впуская его в себя.

— Ох... блядь... ты ощущаешься... черт... — бормотал он у моего рта, медленно двигаясь внутрь и наружу. Грэхем поднял голову, чтобы посмотреть на меня. Его зрачки расширились, пока он почти гипнотически смотрел на меня с каждым толчком. Ни один мужчина так не смотрел на меня во время секса. Он трахал меня, тело и душу, и я знала, что это разрушит меня навсегда.

В комнате стояла тишина. Я слышала лишь влажные шлепки нашего возбуждения, пока он трахал меня так глубоко, как только мог. Он тянул мои волосы все сильнее, а когда его дыхание стало сбивчивым, я знала, что он потерял контроль.

— Я собираюсь кончить так сильно, Сорайя. — Он сжал зубы. — Так... чертовски... сильно.

Этих слов хватило, чтобы меня накрыло нереальное удовольствие. Он почувствовал мой оргазм и, наконец, отпустил себя. Резко двигая бедрами, он жестко трахал меня, громко застонав, прежде чем кончить внутри меня.

Упав на меня, Грэхем нежно целовал мою шею снова и снова, оставаясь внутри меня долгое время. Когда он, наконец, вышел из меня, я могла чувствовать его теплую сперму, стекающую по внутренней части моих бедер. Я никогда не ощущала подобного, потому что до этого не позволяла мужчине кончить внутри меня. Я не была девственницей, но почему-то казалось, будто это мой первый раз, более интимный и напряженный, чем все, что я когда-либо испытывала. По идее, я должна была хотеть убежать в душ, но все было наоборот. Я хотела, чтобы эта часть его осталась во мне.

Он мягко меня целовал, пока я не уснула, гадая, сможет ли когда-нибудь фантазия во сне превзойти то, что я только что пережила.

Весь следующий день на работе я была в абсолютном тумане. Ничего из того, что говорила Ида, не откладывалось у меня в голове. Мой мозг продолжал проигрывать картинки прошлой ночи. Несколько часов до новой встречи с ним казались вечностью. Будто наркозависимость, черт подери.

Я думала, что он молчал весь день, пока не проверила почту «*Спросите Иду*».

Дорогая Ида.

Раньше я был Целибатом из Манхэттена. Ты можешь меня помнить еще как Самодовольного мистера Костюма. Мне показалось, будет вежливо, если я расскажу об изменениях в моей ситуации, так как ты была так полезна до сих пор. Хорошие новости: я счастлив заявить, что больше не воздерживаюсь. Плохие новости: получив ее, я хочу быть в ней каждую секунду дня. Не могу перестать думать о том, чтобы трахнуть ее всеми известными способами. Но я беспокоюсь, вдруг она устанет от моего ненасытного аппетита. Итак, мой вопрос такой: есть ли такая штука, как чрезмерный секс?

Потрахавшийся в Манхэттене.

Дорогой Потрахавшийся в Манхэттене.

Поздравляю с окончанием воздержания. Мне кажется, ответ на твой вопрос будет зависеть от того, насколько ты хороши в постели. Предполагая, что твое выступление прошло «на ура» (как я подозреваю), не думаю, что у тебя будут проблемы. Ты также можешь свернуть с пути самонадеянности, предполагая, что твоя дама посчитает изобилие секса неблагоприятным. Не стоит недооценивать ненасытность женского либидо.

Позже вечером Грэхем должен был позвонить и сказать, во сколько его водитель за мной заедет, чтобы отвези к нему в кондоминиум. На него было не похоже так опаздывать со звонком. Моя параноидальная часть взяла верх, когда я схватила телефон и набрала его номер.

Он ответил:

— Сорайя... — Его голос звучал мрачно.

Какого черта?

— Я ждала твоего звонка. Все в порядке?

Он громко выдохнул в трубку.

— Нет, боюсь, что не в порядке.

Мое сердце начало биться быстрее.

— Что происходит?

— Просто недавно я узнал кое-какую новость.

— Новость?

— О Лиаме.

— Твоем бывшем друге? Муже Женевьевы. Что с ним?

Грэхем надолго замолчал, а потом сказал:

— Он умер.

Глава 13

Сорайя

Чувство беспокойства от разговора с Грэхемом прошлым вечером перешло в мой сон. Я металась и ворочалась всю ночь, никак не могла устроиться, из-за чего к утру стала совершенно дерганой. Грэхем сказал вчера вечером, что собирается в офис поработать над какими-то делами. Он планировал получить компанию Лиама с помощью продуманных деловых маневров, но никак не хотел извлечь выгоду из его смерти, чтобы достичь желаемого. Хотя это не остановит остальных. Стервятники, как он их называл, будут ковыряться во всем этом утром, когда обнародуют новость. Грэхем собирался как-нибудь придержать остальных от получения выгоды и отложить свой собственный захват.

Я была разочарована, не увидев Грэхема в нашем обычном поезде, хотя, на самом деле, не ожидала его там встретить.

Сорайя: Как ты этим утром?

Грэхем: Устал. Все еще в офисе.

Сорайя: То есть, ты был там всю ночь?

Грэхем: Да.

Сорайя: Мне жаль. Тебе, должно быть, тяжело. Я могу что-нибудь сделать?

Грэхем: Просто поторпи ради меня, пожалуйста. Я буду загружен работой несколько дней.

Если до этого момента я не была уверена, как сильно повлияли на Грэхема эти новости, его ответ доказывал, что он не в себе. Он не предложил мне залезть под стол или раздвинуть ноги, когда я спросила, могу ли чем-нибудь помочь.

Сорайя: Конечно.

Доехав до своей остановки, я вышла из поезда и начала ежедневный маршрут с остановки у Анила. После того как я сделала заказ, меня осенило.

— Вы можете сделать два кофе, два рогалика с маслом и два апельсиновых сока? — Это не было деликатесом, но поможет мне чувствовать себя лучше и позволит хотя бы представить, что я чем-нибудь ему помогу. Этот мужчина проследил за мной и прислал индийскую еду, потому что думал, что она мне нравится. Рогалик с кофе — самое меньшее, что я могу сделать.

Вернувшись обратно на станцию, я позвонила Иде и оставила сообщение, что немного задержусь, и запрыгнула в поезд. Двадцать минут спустя я приехала к Morgan Financial Holdings. Когда я вышла из лифта на двадцатом этаже, неожиданно занервничала, увидев золотые буквы над стеклянными дверями. Я начала привыкать к бабочкам, которые начинали порхать у меня в животе, когда Грэхем был рядом, но его территория — арена, на которой, как я знала, он правил железной рукой — вселяла в меня страх. И я ненавидела это.

Расправив плечи, я подошла к администрации. Это была та же молодая рыжеволосая девушка, что была в тот день, когда я принесла телефон.

— Могу я вам помочь?

— Да, я бы хотела увидеть Грэхема.

Она осмотрела меня с ног до головы.

— Грэхема? Вы имеете в виду мистера Моргана?

— Да, Грэхема Дж. Моргана.

— Вам назначено?

Только не снова.

— Нет. Но он захочет меня увидеть. Если вы только скажете ему, что Сорайя здесь.

— Мистер Морган не любит, когда его беспокоят.

— Послушайте. Я знаю, что это ваша работа. И судя по тому, как мы с вами ведем беседу, вы, возможно, даже хороши в ней. У вас, кажется, отлично получается посыпать людей. Но, поверьте мне, у вас не будет неприятностей, если вы побеспокоите его и скажете, что я здесь.

— Мне жаль... он был очень конкретен...

Да ради Бога.

— Я с ним трахаюсь, понятно? Просто скажите Грэхему, что я здесь, или я просто пройду сама.

Женщина дважды моргнула.

— Простите?

Я наклонилась.

— Я с ним трахаюсь. Знаете, вставляете...

— Сорайя? — Голос Грэхема не дал мне продолжить урок анатомии. Он шел ко мне по коридору длинными шагами. Я не двинулась ему навстречу, а повернулась и ждала. *Черт.* На нем снова были очки.

— Какой приятный сюрприз.

— Твой администратор так не думает.

Грэхем выгнул бровь, его губы дернулись в усмешке, затем он повернулся к своему работнику с деловым выражением на лице.

— Мисс Венедетта не должна записываться заранее. — Он посмотрел на меня, потом снова на администратора. — Никогда.

Он взял меня за локоть и повел по коридору, из которого только что вышел. Женщина, сидящая за столом возле его кабинета, встала, когда мы подошли.

— Отмени звонок на девять утра, Ребекка.

— Я Элиза.

— Неважно.

Грэхем закрыл за нами дверь, и как только он это сделал, я оказалась прижатой к ней, а губы Грэхема захватили мои. Коричневый пакет с рогаликами упал на пол — моим пальцам необходимо было запутаться в его волосах. Он целовал меня долго и сильно, его язык исполнял агрессивный танец с моим, пока телом он прижимал меня к двери. Отчаянность его желания мгновенно меня завела. Потянувшись вниз, он поднял мою ногу, прижимаясь ближе ко мне в нужном месте. *O, Боже.*

— Грэхем.

Он застонал.

— Грэхем.

Рука, которой я держала кофе, начала дрожать.

— Я сейчас уроню кофе.

— Так брось его, — пробормотал он у моих губ, а затем вернулся к исследованию языком моего рта.

— Грэхем. — Я усмехнулась в наши соединенные губы.

Он раздраженно вздохнул.

— Ты мне нужна.

— Может, ты позволишь мне поставить кофе и покажешь свой кабинет, прежде чем растерзаешь меня?

Грэхем прислонился своим лбом к моему.

— Ты у меня спрашиваешь или указываешь мне?

— Учитывая то, как это звучит, ответом будет «нет», если это вопрос. Я говорю тебе.

Он застонал, но отстранился.

— Мне нравятся очки, кстати. Не уверена, говорила ли я тебе в тот вечер, когда ты надевал их у Тига.

— Я выброшу контактные линзы.

Я подошла к его столу и огляделась. Две стены кабинета представляли собой окна от пола до потолка с видом на Манхэттен. Большой стол из красного дерева был расположен под углом, лицом к стеклянной стене. Не один, а два плоских монитора компьютера были расположены рядом друг с другом на столе. Еще на поверхности стола были разбросаны различные папки с делами и кучи неподшитых документов.

— У тебя прекрасный кабинет. Но, по-видимому, ты очень занят. Я ненадолго. Просто принесла тебе рогалик и кофе.

— Спасибо. Не стоило.

— Я хотела. — Впервые я внимательно посмотрела на него. Он все еще был красивым, но выглядел нервным и уставшим. — Ты выглядишь измотанным.

— Переживу. — Он указал на зону отдыха. — Пойдем, присядем. Позавтракай со мной. На самом деле, я ничего не ел с прошлого вечера.

С другой стороны кабинета был длинный кожаный диван с двумя креслами напротив и стеклянным кофейным столиком между ними. Грэхем сел, и я достала рогалики и развернула их.

— Я принесла тебе то, что нравится мне, так как не знала, что тебе нравится.

— Я съем все, чем ты меня накормишь.

— В таком случае...

Развратная улыбка появилась на его лице.

— Не думай, что я не разложу тебя на этом диване и не буду наслаждаться тобой, пока весь персонал не узнает, какая ты религиозная девушка.

Я откусила кусочек рогалика, чтобы прекратить пялиться на него. Минуты, потраченной на пережевывание и проглатывание, хватило, чтобы кое-как взять под контроль свое либидо.

— Итак... тебе удалось отогнать плохих парней?

— Я один из плохих парней, Сорайя.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Помешать им извлечь выгоду.

— И да, и нет. Это сложно. В нашем бизнесе есть много уровней собственности. Сейчас я работаю над этими уровнями. Но, кажется, Лиам подготовил ядовитую пиллюлю, чтобы предотвратить поглощение нежелательной стороной. Это позволяет существующим держателям акций выкупить дополнительные пакеты по сниженной цене, что приведет к размытию стоимости доли и сделает поглощение менее привлекательным для потенциальных захватчиков.

— Значит, у него был запасной план.

— Точно. И это сработало бы, если бы он предоставил эти права компании, которая заслуживает доверия.

— Я так понимаю, он этого не сделал.

Грэхем покачал головой.

— Нет.

— Звучит сложно и запутанно.

— Так и есть.

— Как ты справляешься с не деловой частью?

— Не деловой частью?

— Ты потерял друга.

— Бывшего друга.

Я кивнула.

— Бывшего. Но ты заботился о нем в определенный период твоей жизни, ведь вы вместе начали бизнес.

— С одной стороны, да. Но, как ты знаешь, все изменилось.

— Я видела в утренних новостях, что это был сердечный приступ.

— Это случилось в машине. Он свернулся с дороги и врезался в дерево. Был уже мертв, когда приехала полиция. К счастью, больше никого в машине не было. Женевьевея сказала,

что в машине должна была быть их дочь, но она плохо себя чувствовала, поэтому осталась дома. В противном случае...

Он увидел мое лицо.

— Я разговаривал с ней утром. Она позвонила, чтобы попросить помочь с деловыми проблемами, но я уже над этим работал.

— Я не знала, что вы общаетесь.

— Мы не общаемся. Это был деловой звонок. Она знала, что я смогу помочь, и для нас обоих будет выгодно помешать другим обесценить компанию.

Я кивнула. Это имело смысл. Было нелепо чувствовать ревность к женщине, которая вчера потеряла мужа.

— Как твоя бабушка?

— Она сказала Камбрии передать мне, что вычеркнет меня из завещания, если я не вытащу ее из госпиталя.

— О, нет.

— На самом деле, это хорошо. Это значит, что она снова становится собой. Когда она милая и уступчивая, меня это пугает.

Его отношения с бабушкой мне очень нравились. Можно много сказать о человеке по тому, как он ведет себя со старшим поколением.

— Она все еще в «Вестчестерском госпитале»?

— Я перевел ее в «Больницу экстренной хирургии».

— Это на 70-ой улице?

— Да.

— Это всего в нескольких кварталах от моего офиса. Может, мне зайти к ней на ланч?

Ты, очевидно, здесь очень занят.

Грэхем обвел взглядом мое лицо.

— Это было бы замечательно. Спасибо.

— Без проблем.

— Ты останешься со мной сегодня ночью?

— У тебя дома?

— Да. Мой водитель заберет тебя после работы, отвезет в Бруклин, чтобы ты собрала вещи, и привезет ко мне. Я встречусь с тобой там, после того как закончу здесь. Портве пропустит тебя внутрь.

— Хорошо.

Мы поболтали еще немного, пока ели. После того как мы доели рогалики, я собрала мусор.

— Мне нужно вернуться на работу, иначе Ида приготовит мне список необходимых дел, которые ей на самом деле не нужны, но это продержит меня в офисе до девяти часов.

Грэхем поцеловал меня на прощанье, и я остановила его, пока мы не потеряли контроль.

— Значит, ты поедешь на поезде, ведь я заберу твоего водителя?

— Да.

— Простолюдин.

— Давай не будем забывать, как мы встретились. Теперь я езжу на поезде каждое утро.

— Теперь? То есть, раньше не ездил?

Он широко улыбнулся.

— В тот день, когда потерял телефон, я первый раз за многие годы поехал на поезде. У моего водителя был отпуск на той неделе.

— Но ты все еще на нем ездишь?

— Теперь у меня есть на это причина.

Опасение, которое я почувствовала после вчерашнего разговора по телефону, наконец, немного утихло после того, как я вышла из кабинета Грэхема. Больше всего мне хотелось доверять тому чувству, что растет между нами, хотя часть меня все еще боялась. Он был

таким уверенным и бесстрашным, и я пыталась использовать это, чтобы успокоить себя. Я ненавидела эту слабую и трусливую часть себя. Пришло время узнать, как от нее избавиться.

— Миссис Морган? — Я открыла дверь и заглянула в ее палату. Она сидела в кровати и смотрела телевизор.

— Входи, входи, дорогая. И зови меня Лил.

Я написала Грэхему сообщение, чтобы узнать, что она любит из еды, и принесла ей сэндвич с рыбным филе из «Макдональдса», которое Грэхем назвал «гадостью», а также ее любимым фастфудом.

— Я подумала, вам не помешает компания сегодня. Грэхем застрял в офисе со вчерашнего дня. Я работаю недалеко.

— Скажи мне, что запах, который я чувствую, это рыбный сэндвич?

Я улыбнулась.

— Конечно.

— Грэхем думает, что если сэндвич не из шикарного ресторана с ценами в шестьдесят долларов за еду размером с четвертак, то это плохая еда. Я люблю мальчика, но иногда он может быть полнейшим снобом, его голова просто застrevает в его же заднице.

Я рассмеялась, вспомнив прозвище, которое ему дала — *Самодовольный мистер Костюм*. (Примеч.: *stickup* — в пер. с англ. «застрять» и «самодовольный»).

— Временами у него проявляется высокомерная сторона.

В углу стоял столик на колесиках, поэтому я пододвинула его ближе и выложила на поверхность ее ланч, а затем свой.

— Вы смотрите телесериал?

— «Дни нашей жизни». Дочь подсадила меня на него.

— Она и сына подсадила, — усмехнулась я.

— Ты знаешь про это?

— Да. Это немного не в его характере.

— В то время было совсем наоборот. Можешь мне не верить, но этот мужчина был тюфяком. Он всегда был с моей Селией. Мальчик боготворил мать. Ему трудно было, когда она умерла. Возможно, из-за этого он такой сейчас. Не привязывается ни к одной женщине, если ты меня понимаешь. Единственные женщины, к которым он привязывался, рядом не задержались. Конечно, это не вина моей Селии.

Я знаю, что она имела в виду Женевьеву. Первая женщина, которой он открылся после смерти матери, его подвела. Я еще даже не встречала эту женщину, но уже презираю ее.

— Как вы себя чувствуете? Грэхем сказал, у вас операция в пятницу.

— Я чувствую себя хорошо. Они пытаются пичкать меня обезболивающими таблетками, но мне они не нужны, от них спать хочется. Мне кажется, им нравится усыплять пожилых людей все время, так мы не капризничаем.

Я оглядела палату. Это была самая хорошая палата, какую я видела. В ней могло разместиться полдюжины пациентов, хотя здесь располагалась только одна кровать. Угол украшала цветочная композиция. Лил проследила за моим взглядом.

— Это от Грэхема. Присыпает мне свежие цветы каждую неделю по вторникам, как по часам. Раньше у меня был большой сад, но мне стало тяжело им заниматься.

— Он может быть очень заботливым, когда захочет.

— В нем есть две стороны. Вдумчивый и бездумный. Не уверена, что в Грэхеме есть что-то среднее.

— Но вы, определенно, можете его приструнить.

— Кому-то же нужно видеть его настоящего и высказывать ему за его косяки.

Я усмехнулась.

— Согласна.

— Хотя, что-то подсказывает мне, что ты делаешь то же самое. Могу сказать... ты подходишь ему.

— Вы так думаете? Во многом мы практически полные противоположности.

— Не важно. Главное только то, что вы чувствуете.

— Спасибо, миссис М... Лил.

Я осталась дольше, чем длился мой ланч, наслаждаясь рассказами Лил о персонажах мыльной оперы. Сюжетные линии были такие надуманные, и я не могла перестать думать о том, как Грэхем их смотрит — ведь он такой суровый и практичный. Когда я собралась уходить, Лил взяла меня за руку.

— Грэхем хороший человек. Горячо предан и любит свою семью. Сильно оберегает свое сердце. Но если он его отдаст, обратно не заберет.

— Спасибо.

— С остальным ты справишься. Вытащи палку из его задницы и тресни ему по голове несколько раз. Он умный. Он очень быстро все поймет.

— А вот *это* я могу сделать.

Грэхема не было дома, когда я приехала в его кондоминиум. Блэки встретил меня у двери, прыгая вверх и вниз как маленькая сумасшедшая собачка.

— Привет, дружок. — Я подняла его, и он начал лизать мне лицо. Я все еще не могла свыкнуться с тем фактом, что у мистера Большого Придурка была маленькая пушистая белая собака. — Похоже, здесь только ты и я.

Я оглядела большое открытое пространство. Кроме тяжелого дыхания Блэки, вокруг было жутко тихо. Последние два раза, что я здесь была, обзор ограничивался содержимым штанов Грэхема, поэтому я решила использовать это время, чтобы немного пошпионить.

Квартира была потрясающей. Без сомнений, обставлена профиционалом — холодный серый и серебряный цвета придавали месту холостяцкий вид. Фото этого места с хозяином, стоящим посередине со скрещенными на груди руками, можно было поместить в *GQ*. Несмотря на всю красоту, чего-то все равно не хватило. Не было ни одного намека на человека, живущего здесь.

Преисполненная любопытством, я отправилась в гостиную. На стене висел огромный плоский телевизор, а под ним разместился гладкий черный шкаф. У меня заняло несколько минут, чтобы выяснить, как он открывается без ручек. Внутри была коллекция DVD. «Гольф-клуб», «Счастливчик Гилмор», «Телеведущий».

Хэх.

Я продолжила смотреть, передвигаясь к следующей полке. «Слава», «Геттисберг», «Банды Нью-Йорка».

Хм-м-м.

Определись уже, Морган.

Затем я прошла на кухню. Холодильник был огромным шведским столом из контейнеров на вынос. И ... три пакета клубничного молока «Несквики».

Хэх.

В спальне я посмотрела на прикроватную тумбочку. Проверить коллекцию DVD и содержимое холодильника это одно, но тумбочка — это уже чересчур. Я оглядела комнату в поисках интересного для проверки места. Она была достаточно пустой — нет картин, на комоде отсутствовали вытащенные из штанов смятые клочки бумаги. Прищурившись, я уставилась на тумбочку.

— Нет, — сказала я себе вслух.

Я подняла Блэки повыше, чтобы поговорить с ним.

— Думаю, ничего страшного, если я загляну в гардеробную Грэхема, не так ли, приятель?

Он высунул язык и лизнул мне нос.

— Приму это за «да».

Я зашла в гардеробную, и вот она больше всего походила на Грэхема Дж. Моргана. Костюмы, развешенные в линию на одной стороне, в основном, темных цветов. Непристойное количество рубашек на другой стороне. Все было опрятным и организованным.

Скучно.

Я вернулась в спальню, и мой взгляд моментально упал на прикроватную тумбочку. Эта чертова вещь меня преследовала.

— Может, одним глазком. — Я погладила Блэки, сидящего на моих руках. Он замурлыкал. *Собаки умеют мурлыкать?* Мурлыканье считается человеческим эквивалентом слову «да», не так ли?

Только одним глазком... Я даже ничего не буду трогать.

Я подошла к тумбочке и открыла ящик указательным пальцем. Внутри была черная бархатная сумка, прозрачная бутылка с чем-то, похожим на смазку, хотя она лежала этикеткой вниз, и нетронутая упаковка презервативов.

Ладно... Может, мне стоит потрогать одну или две вещицы.

— Как думаешь, дружок, в этой сумке что-то хорошее? — Я снова разговаривала с собакой.

Но ответил не Блэки.

— Я знаю, что в сумке что-то хорошее. — Глубокий голос Грэхема напугал меня до смерти. Я подпрыгнула, мои руки дернулись вверх, посылая Блэки в полет по воздуху. К счастью, он приземлился на кровать.

— Ты меня до чертиков напугал. — Я прижала руку к груди.

Грэхем стоял в дверном проеме, расслаблено прислонившись к косяку.

— Ты была так поглощена шпионажем, что не услышала, как я пришел.

— Я не шпионила.

Он выгнул бровь.

— Я не шпионила.

— Значит, я, наверное, оставил ящик широко открытым сегодня утром?

Я скрестила руки на груди.

— Скорее всего.

Грэхем усмехнулся, подошел к тумбочке и закрыл ящик.

— Ну, если я оставил его открытым утром, а ты не шпионила, значит, ты не хочешь узнать, что в сумке.

— Ни в коей мере.

— Жаль.

— Почему? Что в сумке?

— Поцелуй меня.

— Тогда ты скажешь мне, что в сумке?

Он обнял меня за талию.

— Я покажу, что в сумке. А теперь поприветствуй меня как положено.

Я закатила глаза, как будто не мечтала сделать это каждый раз, когда смотрела на его прекрасное лицо. Затем я целомудренно поцеловала его в губы. Но прежде чем смогла отодвинуться, он запустил руку мне в волосы и не отпускал, пока не поцеловал меня как надо.

— Я бы не подумал, что ты любишь пошпионить, — пробормотал он напротив моих губ.

Я отклонила голову и посмотрела на него.

— Обычно нет. Но я не могу тебя разгадать.

— А что во мне разгадывать?

— Дешевые комедии или фильмы о гражданской войне? Такие, как ты, обычно не любят такие жанры.

— Мне нравятся оба.

— А что насчет трех упаковок «Несквица». К тому же, клубничного.

— Мне он нравится.

— Очевидно.

— И Блэки.

— Ты кормишь свою собаку «Несквиком»?

— Да.

— Ясно... вот в чем дело. У мистера Большого Придурка не может быть маленькой милой собачки и, определенно, он не делится с ней клубничным молоком.

— Может быть, я не мистер Большой Придурок, как ты думаешь. — Он провел моей рукой вниз по своему телу от груди к паху. — Может, у меня просто *есть* большой член, но я не придурок, которого ты представляла.

— Как зовут твоего секретаря?

— Элейн.

— Элиза. Она сказала тебе сегодня утром. Я там была.

— Я занятой человек. Трудно найти хорошего секретаря, который задержится надолго.

— Только если ты большой придурок.

— Значит, наверное, я большой придурок. Но не с тобой, да?

Я вздохнула.

— Так что в сумке?

— А если я скажу тебе, что там веревка, потому что мне захотелось связать тебя?

Секунду я раздумывала над этим, затем пожала плечами.

— Мне кажется, я бы попробовала.

Он расстроено выдохнул.

— Черт. Надо было купить веревку.

— Это повлечет за собой поход в строительный магазин. Не думаю, что ты относишься к любителям «Сделай Сам» или, хотя бы, знаешь, где найти такой магазин.

— А если это одна из тех сексуальных игрушек, шарик, который привязывается к лицу так, что ты не сможешь говорить. Что, если я скажу тебе, что это он в сумке, болтушка?

— Кляп-шарик?

— Ты быстро догадалась, о чем я говорил.

Я наклонилась к нему и прошептала:

— Мне тоже нравятся «Гольф-клуб», «Счастливчик Гилмор» и «Телеведущий». Но вместо фильмов о гражданской войне, я предпочту несколько фильмов другого жанра.

Грэхем застонал.

— Ты хочешь сказать, что у тебя есть тайник с порнушкой?

— Возможно.

— Ты не могла быть более идеальной, если бы я сделал тебя сам.

— Мне казалось, тебе не нравится мой всезнающий рот?

— От твоего всезнающего рта я становлюсь твердым, и позже я собираюсь трахнуть этот ротик. Ты права, я не знаю, где находится этот чертов строительный магазин, но я находчивый, поэтому уверен, что смогу найти что-нибудь, чтобы связать твои руки и ноги, пока я занят делом.

Он только дразнил, но, услышав эти слова про связывание, я возбудилась. И Грэхем увидел это на моем лице.

— Хочу тебя, Сорайя.

— Да, пожалуйста.

Грэхем только этого и ждал. Лишь несколько часов спустя я, наконец, узнала, что было внутри сумки — нижнее белье, которое он купил в «Бергдорф», когда расплачивался за платье для торжества. Мне не удалось надеть его этой ночью, но я получила обещание

Грэхема, что он заполнит ящик более интересными вещами для моей следующей шпионской вылазки.

Наутро я проснулась от того, как полностью одетый Грэхем гладил мою щеку. Я распахнула глаза.

— Эй, я что, проспала?

— Нет, это я рано. У меня загруженный день, и я хотел начать пораньше.

Я вытянула руки над головой, из-за чего простыня соскользнула, открыв мою обнаженную грудь. От утренней прохлады соски тут же затвердели.

— Не делай так. Я не смогу уйти. — Грэхем потер двумя пальцами одну из затвердевших вершин.

— М-м-м...

— Сорайя... — предупредил он.

— Что? Так приятно. Не трогай его, если не нравится моя реакция.

Он покачал головой.

— Ты сегодня снова останешься со мной на ночь? Я задержусь на работе, но я бы с удовольствием вернулся домой к этому прекрасному виду на моей кровати.

— Тебе придется работать допоздна? — Я посмотрела в окно спальни. — На улице даже не рассвело еще, а ты уже планируешь работать до темноты.

— Нет. Мне нужно прийти до рассвета. С семи до девяти вечера будут похороны, поэтому, вероятно, до этого времени я останусь в офисе.

— Ох.

— Ты будешь здесь, когда я вернусь?

— Почему бы мне не пойти с тобой? В похоронное бюро. Тебе не нужно проходить через это одному. Не могу представить, что это может быть приятным: твой бывший лучший друг, компанию которого ты пытаешься купить, и его горюющая жена, которая является твоей бывшей девушкой. Тебе не помешает компания.

— Ты сделаешь это для меня?

— Конечно. Хотя, кажется, это скоро станет моей фишкой. Похороны и свидания.

Грэхем усмехнулся и нежно меня поцеловал.

— Заеду за тобой в 18:30. И спасибо тебе.

После его ухода я немного полежала в кровати, прежде чем встать. Я не могла не думать о том, что *сегодня будет интересно*.

Глава 14

Грэхем

Я должен был работать, а не страдать херней. Мой стол был завален пачками документов, в почтовом ящике было не меньше сотни писем, требующих ответа, а я сидел и снова писал шестидесятилетней писательнице из колонки советов.

Дорогая Ида.

Женщина, с которой я встречаюсь, недавно выразила интерес к связыванию. Мне интересно, можешь ли ты дать какие-нибудь рекомендации новичку по бондажу. Стоит ли покупать веревку? Или ты предложишь что-нибудь вроде меховых наручников? Может быть, что-то наподобие шелковых галстуков, которые не оставят следов на запястьях? Должен отметить, что планирую вылизать в ее маленькую тугую киску, и было бы неплохо удерживать ее, пока она будет извиваться в кровати от множественных оргазмов.

Пятьдесят оттенков Моргана, Манхэттен.

И уже через двадцать минут пришло ответное письмо. Я ожидал длинного ответа, полного ее обычного сарказма. Мне следовало лучше знать, что не стоит делать поспешных выводов, когда дело касается Сорайи Венедетты.

Дорогой Пятьдесят оттенков.

Могу я предложить тебе проверить прикроватную тумбочку твоей партнерши? Может быть, раз женщина, с которой ты встречаешься, проявила интерес, она ходила по магазинам после ланча и прикупила кое-что.

Эта женщина станет моей погибелью. Я точно знал это.

Час спустя секретарь позвонила мне через интерком.

— Мистер Морган? У вас звонок на третьей линии.

— Разве я не просил меня не беспокоить?

— Да. Но они сказали, это срочно.

— Кто это и что они хотят?

— Эм-м... Я не спросила.

— Послушай... — Как там ее звали? Эллен? Да *пофиг*. — Основной частью твоей работы является проверка телефонных звонков, я прав?

— Да.

— Ты беспокоишь меня, даже не зная имени звонящего, когда я просил меня не беспокоить. Ты думаешь, что делаешь свою работу правильно?

— Я...

Мое терпение заканчивалось.

— Выясни имя звонящего и основание так называемого срочного дела.

Минуту спустя она снова позвонила по интеркому.

— Что?

— Это мисс Моро. Она просила передать, что основанием для срочности является смерть ее мужа.

Я поднял трубку.

— Женевьева.

— Грэхем. Мне нужна твоя помощь.

— Я работаю над этим. Я сказал тебе это еще вчера.

— Мне нужно больше.

Я снял очки и бросил их на стол. Потерев лицо ладонью, я сделал глубокий вдох. Прошло несколько лет с моего последнего цивилизованного разговора с ней, но вопреки всеобщему мнению, я не был полным придурком. Она только что потеряла мужа из-за сердечного приступа в тридцать один год.

Откинувшись в кресле, я выдохнул всю злобу и сделал свежий вдох сочувствия.

— Что я могу для тебя сделать, Женевьеве?

— Я не хочу управлять компанией сама. Я не смогу.

— Конечно, сможешь. А если нет, наймешь кого-нибудь, кому сможешь доверять.

— Я доверяю тебе, Грэхэм.

Я, черт возьми, доверял тебе тоже. Было физически больно прикусить свой язык.

— Ты не в том состоянии, чтобы обсуждать бизнес прямо сейчас.

— Я всегда готова обсуждать бизнес. Как и ты. Это у нас общее. Наши эмоции уходят на второй план, когда дело касается работы.

— Я думаю, ты не права, и ты не можешь все четко видеть сейчас. С чем ты хочешь, чтобы я тебе помог?

— Я хочу объединиться с Morgan Financial Holdings.

— Ты хочешь, чтобы я купил Gainesworth Investments? Полностью?

— Нет. Вместе Gainesworth Investments и Morgan Financial Holdings будут мощными. Я буду управлять компанией с тобой.

— Не понял?

— Ты правильно услышал. Я хочу объединиться. Снова стать командой.

— Женевьеве, не хочу показаться бесактным, но... ты только что потеряла мужа. Не думаешь, что тебе стоит подождать некоторое время, прежде чем искать нового напарника? Погоревать немного, может быть? Ты неясно мыслишь.

Она вздохнула.

— Мы с Лиамом не были вместе.

— Я не знал.

— Я застала его за тем, что он трахал свою двадцатирефлетнюю помощницу.

— Мне жаль это слышать.

— Нет, тебе не жаль. Ты считаешь, что как аукнется, так и откликнется. Как и я.

Неожиданно, но я так не думал.

— Ты все равно пережила потерю. Сейчас ты нужна своей дочери. Дай мне закончить мой проект по удерживанию акционеров от покупки слишком многих пакетов акций и сохранению твоего влияния. Мы обсудим дела позже, когда ты сможешь мыслить ясно.

— Это фраза означает: «мы поговорим после того, как я решу, что хочу этого».

— Женевьеве, будь со своей семьей. Бизнес может подождать.

— Отлично. Но проверь календарь. У тебя встреча в эту пятницу с мисс Мор в 10:00 — там сказано, что это по рекомендации Боба Бакстера. Это не так. Это я. Мор — Моро. Я назначила эту встречу две недели назад. Я все равно хотела прийти с этим к тебе.

— Увидимся сегодня на службе, Женевьеве.

Повесив трубку, я открыл календарь. Конечно, там было упоминание о консультации с новым клиентом мисс Мор в пятницу. Также была отмечена отсылка к Бобу Бакстеру. Я должен был отдать ей должное. В обычной ситуации, я бы позвонил тому, кто рекомендовал меня новому клиенту, чтобы выяснить кое-какую информацию. Но Женевьеве была умна. Она знала, что я ни в коем случае не стану звонить Бобу Бакстеру. Когда дело касалось его, такого понятия как «десятиминутный разговор» не существовало. Он бы удерживал меня на линии три часа и заставил бы принять предложение на ужин.

Неспособный сконцентрироваться на работе, я решил пойти в тренажерный зал. Бег и поднятие тяжестей всегда помогали мне ясно мыслить. Где-то на втором километре на беговой дорожке голова все еще шла кругом. Перед глазами, как вспышки, в разном порядке появлялись воспоминания из моей жизни.

Сорайя открывает глаза этим утром, пока она прижимается ко мне в кровати. Она улыбается, обнаружив, что я смотрю на нее.

Мы с Женевьевой открываем бутылку шампанского в нашем офисе в ту ночь, когда портфель по управлению активами впервые достиг миллиарда долларов.

Сорайя стоит на коленях и смотрит на меня снизу вверх, пока скользит языком с металлическим шариком вокруг головки моего члена.

Я вхожу в кабинет Женевьевы, приехав раньше из деловой поездки, чтобы отпраздновать еще одну совершенную сделку. И нахожу ее на коленях с членом Лиама глубоко в горле.

Я бежал все быстрее и быстрее. И вместе с этим все быстрее мелькали воспоминания у меня перед глазами.

Я смотрю, как игла Тига втыкается в мою кожу и чернила покрывают имя Женевьевы.

Мы с Лиамом стоим рядом и смотрим, как через три недели после открытия над нашим офисом вешают первую табличку.

Моя мать. *Моя мать*. Такая хрупкая, лежит на больничной койке и притворяется, что все в порядке.

Какого черта?

Я побежал быстрее.

Татуировка Сорайи с пером.

Женевьева, сидящая на углу моего стола.

Лиам, бегущий на соседней беговой дорожке.

Я посмотрел налево. Чертов Лиам бежал рядом. Видение было таким четким, и на мгновение я действительно подумал, что это он.

Когда я, наконец, остановился, оказалось, я бежал так быстро, что пришлось целых пять минут восстанавливать дыхание. Наклонившись вперед, я уперся руками в колени и тяжело дышал, пот стекал с меня ручьем, и я крепко зажмурил глаза. *Черт. Черт. Черт.* Когда все, наконец, начало налаживаться и казалось простым, почему снова стало казаться таким сложным?

Я не имел понятия, но чувствовал: что-то грядет.

Я никогда много не пил, не принимал наркотики. *Секс* был моей единственной слабостью. А когда у меня был стресс, мне он нужен был еще больше. Как одержимому.

Я знал, что не должен думать о том, как трахнуть Сорайю по пути на поминки, но не мог устоять. Она выглядела просто потрясающе в этом маленьком черном платье. Она собрала волосы, даже несмотря на то, что, как я знал, ей это не нравилось. Возможно, ей снова казалось, что она должна спрятать свои окрашенные концы. Она тоже выглядела взволнованной. Будь я проклят, но, увидев эту редкую уязвимость, которую она показывала, мне захотелось затрахать ее до бесподобия. Перегородка, отделяющая нас от водителя, была закрыта, а это не помогало. Все сильнее мне хотелось посадить ее к себе на колени.

Она, должно быть, читала мои мысли, так как сказала:

— Ты выглядишь так, будто готов напасть на меня, Морган.

— Ты перестанешь меня уважать, если я скажу тебе, что, несмотря на то, куда мы сейчас направляемся, я могу думать только о том, как стянуть твои трусики и заставить тебя кончить мне на лицо?

— Я и так знаю, что ты похотливый козел. Так что это не удивительно. Но ты упадешь еще ниже, — пошутила она.

— Кое-что обо мне, что ты скоро узнаешь... Когда нервничаю, я становлюсь дико озабоченным. Секс простирает мозги. Это, на самом деле, единственное, что помогает.

— Ясно. Вы хотите *моей* помощи, мистер Морган?

— Не называй меня «мистером Морганом», если не хочешь запустить режим подчинения, иначе я буду более чем счастлив перегнуть тебя через колени прямо сейчас. Мы могли бы сыграть в такую игру, если хочешь. — Мои мысли унеслись далеко, пока я был заворожен ее слегка приоткрытыми губами. — Боже, я хочу трахнуть твой рот прямо сейчас.

Она незаметно поерзала на сиденье.

— Прямо сейчас?

— Да. Спускайся вниз. Назовем это заеданием стресса.

Сорайя расхохоталась.

— Рад, что тебе это кажется забавным, потому что я в десяти секундах от того, чтобы поднять это платье и прижаться лицом между твоих бедер.

— Мы не можем. Мы подъедем к похоронному бюро в любую минуту.

Мой голос был низким и нуждающимся, когда я скользнул рукой ей под платье, поглаживая бедро.

— Нет, если мы не против опоздать.

— Ты серьезно?

Вместо ответа я поднял телефон и позвонил водителю.

— Луис, мы еще не готовы направляться в похоронное бюро. Мы бы хотели, чтобы ты покатался неподалеку некоторое время. Вернись обратно сюда через тридцать минут.

— Без проблем, мистер Морган.

Сорайя прикусила губу и недоверчиво покачала головой, а это сделало мой член еще тверже. Я не мог идти на поминки со стояком. Так что это была веская причина.

Прижав Сорайю к кожаному сидению и подняв ткань ее платья вверх по бедрам, я встал на колени между ее ног и раздвинул их шире. Медленно снимая ее стринги зубами, я чувствовал влажность материала на языке.

Чтоб меня. Она вся промокла.

Она всем телом извивалась подо мной, пока я, не теряя времени даром, медленно двигал языком вверх и вниз по ее киске. Я использовал не только кончик, но всю длину языка, чтобы поглощать ее, останавливаясь только чтобы пососать клитор. Она никогда не была настолько мокрой для меня. *Никогда.*

Сорайя провела своими длинными пальцами по моим волосам и потянула. Мои губы были покрыты ее возбуждением, и я понял, что больше не выдержу. Погрузив в нее пальцы, я начал двигать ими внутрь и наружу, пока смотрел в ее остекленевшие глаза.

— Мне очень нужно трахнуть тебя.

— Да. Пожалуйста... — пробормотала она.

Ох, я действительно мог привыкнуть к мольбам Сорайи Венедетты.

Расстегнув штаны, я позволил им вместе с трусами сползти до колен, затем сел на сиденье и разместил ее над собой. Кожа подо мной была холодной. Через секунду Сорайя опустилась на мой член, и я закатил глаза.

Ее платье собралось на талии, выставив на обозрение голую задницу, пока она обвязала меня, а я смотрел в ее глаза. Чувство, будто я растворяюсь в ней, было настолько невероятным, насколько я представлял себе. Я не удержался и вытащил шпильки из ее волос, испортив тем самым прическу, и наблюдал, как тяжелые пряди ниспадают на плечи, пока она трахает меня. Как и в ночь торжества, она не возражала. Я знал, что ей не нравится их закалывать.

Предыдущие разы, когда мы занимались сексом, казались нежными по сравнению с этим опытом в лимузине. Грубый, первобытный... чистый неподдельный трах во всей своей красе.

Когда Сорайя сдавленно застонала, я кончил так сильно, как никогда. Мне было так хорошо, когда напряжение, копившееся целый день, ушло. Ничего — даже активные физические нагрузки — не способно расслабить меня так, как то, что я находился внутри нее. Не только это, но также смерть Лиама служила суровым и болезненным напоминанием о

том, что я не бессмертен и что на самом деле важно. Жизнь слишком коротка, чтобы не трахаться так каждый раз, когда захочется.

— Мы оба сейчас такие растрепанные, — сказала она, слезая с меня.

— Клянусь Богом. Ты никогда не выглядела более красивой для меня, Сорайя.

Это была правда. Ее лицо покраснело, волосы были в беспорядке. Чистое наслаждение перед лицом смерти. Я был так благодарен, что мне не придется быть сегодня одному. Так рад, что я жив.

Она достала пудреницу и посмотрела в зеркало.

— Сначала я выглядела как Принцесса Грейс, а сейчас как Розанна Розаннаданна. (Примеч.: персонаж Гилды Рэднер из телешоу «Субботним вечером в прямом эфире» («Saturday Night Live»)).

Я усмехнулся.

— И, черт возьми, мне это нравится.

Затем я сказал Луису остановиться у «Мэйси», чтобы Сорайя могла воспользоваться уборной, привести в порядок прическу и купить новые трусики. Мы официально опаздывали на поминки.

Когда мы приехали к похоронному бюро, уровень моего волнения снова зашкаливал. Сорайя на этот раз убрала волосы в низкий хвост. Она погладила меня по спине и сказала:

— Все будет хорошо.

Спасибо, Боже, что она сейчас со мной.

Трудно было не только видеть мертвое тело Лиама, но также это был первый раз за долгое время, когда мне нужно было встретиться с Женевьевой лицом к лицу. Но, может быть, самой болезненной частью был тот факт, что все это напоминало мне о том дне, когда я предыдущий раз заходил в похоронное бюро. Когда умерла моя мать.

За дверью была очередь. Выглядело это как море из черного старомодного полиэстера. Богатые старые представители элиты Манхэттена обсуждали свои инвестиции, в то время, когда они должны были заткнуться, черт возьми. Я не мог видеть дальше людей перед собой — так много было присутствующих. Не то чтобы я вообще хотел что-то там увидеть. Я хотел поехать домой, очутиться в своем безопасном месте внутри Сорайи.

Мне захотелось отлить, поэтому я прошептал Сорайе на ухо:

— Оставайся в очереди и держи место. Я пойду, найду уборную.

— Хорошо, — сказала она, немного нервничая из-за того, что я оставляю ее одну.

Я покинул очередь и пошел по дорожке персидского ковра в уборную. Быстро сделав свои дела, я направлялся обратно к Сорайе, когда заметил мать Лиама, Филлис, успокаивающую маленькую девочку в коридоре. Ребенок плакал, и это разбивало мне сердце.

Стоя спиной ко мне, девочка выглядела где-то на четыре года. Должно быть, это дочь Лиама и Женевьевы. Я никогда раньше ее не видел. Знал только, что Лиам обрюхатил Женевьеву достаточно быстро после того, как я узнал об их интрижке. В то время эта новость только все усугубила. Но сейчас я не чувствовал ничего, кроме симпатии к ребенку, потерявшему одного из родителей. Мне была хорошо знакома эта боль.

Филлис выглядела испуганной, увидев меня, но я не мог просто пройти мимо и не принести соболезнования.

Меня слегка подташнивало, когда я сказал:

— Здравствуй, Филлис. Прими мои соболезнования по поводу смерти Лиама.

В смятении она просто кивнула и, крепче прижав маленькую девочку к себе, направилась в противоположную сторону. Я проследил за ними взглядом и увидел, как черный помпон упал с волос девочки прямо на ковер.

Прочистив горло, я пошел быстрым шагом, чтобы догнать их.

— Извини. Она обронила кое-что.

Когда девочка повернулась, я впервые увидел ее лицо. Опустившись на колени с помпоном в руках, я совсем забыл, что хотел сказать. Из меня как будто вышибли весь

воздух. Слов не было... только состояние полного неверия и непонимания. Если бы я не знал лучше, я бы подумал, что смотрю в лицо своей матери.

Глава 15

Сорайя

Какого черта он так долго?

Очередь двигалась быстрее, чем предполагалось, а Грэхем до сих пор не вернулся из уборной.

Отсюда можно было увидеть открытый гроб. Было горько осознавать, что такой молодой привлекательный парень лежал там мертвый. Я знаю, он навредил Грэхему, но Лиам не заслужил такого. Я могла видеть, что у него были светлые волосы и красивое лицо. Он выглядел таким умиротворенным. Я честно надеялась, что он был в лучшем мире.

Гроб был окружен большим количеством белых букетов с табличками, гласившими: «*Сыну*», «*Другу*», «*Мужу*». Горели высокие кремовые свечи. Красивый постамент. Лучшее, что можно было купить за деньги.

Я посмотрела назад. Грэхема все еще не было видно.

Потом я увидела ее.

Она сидела на стуле рядом с гробом и выглядела спокойной.

Женевьеву.

Мое тело напряглось, неожиданная волна собственного чувства прошла сквозь меня. Как у Лиама, у Женевьевы были светлые волосы. Моего парня одурачили Барби и Кен. А я была больше похожа на куклу Братц во плоти.

Моего парня. Кажется, он мой парень, не так ли?

В любом случае, Женевьеву была полной моей противоположностью — маленькая с телом балерины. Она была красивой. Я не ожидала ничего другого, но все же надеялась, что, вдруг, она могла быть на любителя. Не в этом случае.

Но не только ее внешний вид беспокоил меня. Также столкновение лицом к лицу с человеком, которому Грэхем отдал свое сердце. Он любил ее. Не уверена, чувствовал ли он что-то подобное ко мне. Кажется, я не осознавала, насколько хотела или нуждалась в этом, до этого самого момента.

Пока она говорила с людьми, приносившими свои соболезнования, я смотрела в ее глаза. Эти глаза смотрели в глаза Грэхема. Я посмотрела на ее рот. Этим ртом она целовала его губы, сосала его член. Затем я опустила взгляд на ее небольшую грудь, скрытую прелестным черным платьем. Моя грудь была гораздо больше. От этого где-то на миллисекунду я почувствовала себя лучше, пока не посмотрела ниже, на ее тонкие ноги. Эти ноги оборачивались вокруг его спины.

Господи, Сорайя. Перестань мучить себя. Вот ТАК выглядела ревность во всей красе.

Когда я снова оглянулась, женщина в черном позади меня улыбнулась.

— Откуда вы знали Лиама?

— Эм... Я не знала. Вообще-то, я тут с Грэхемом Морганом.

— Бывшим женихом Женевьевы?

Я проглотила комок в горле.

— Женихом?

— Если это Грэхем Морган из Morgan Financial Holdings, то да. Они были помолвлены, прежде чем Женевьеву и Лиам сошлись.

Мне стало не по себе. *Он просил ее руки?*

— Правильно. Конечно. Да. Я с этим Грэхемом Морганом. А вы?

— Хелен Фрост. Я соседка Женевьевы и Лиама. Иногда сижу с Хлоей.

— Это их дочь?

— Да. Ей четыре. Красавица с черными волосами, хотя у обоих родителей светлые.

— Ну, это иногда случается. — Я пожала плечами.

Прежде чем наш разговор продолжился, мое внимание привлек Грэхем, направляющийся ко мне через толпу. Он слепо смотрел вперед и выглядел потрясенным. Все произошедшее сказалось на нем больше, чем я думала.

— Ты в порядке?

Он молча кивнул, но чутье подсказывало мне, что что-то не так.

Наконец, подошла наша очередь склониться у гроба Лиама и помолиться за него. Сложив руки вместе, я закрыла глаза и произнесла «Отче наш» один раз и «Аве Мария». Мое сердце екнуло, когда я услышала слова, произнесенные Грэхемом.

— Ты ублюдок, — прошептал он себе под нос. Его глаза были влажными, но он не плакал. Его нижняя губа дрожала. Я просто смотрела на него, не понимая этого внезапного гнева. Мы одновременно встали и медленно прошли вперед к не-так-уж-и-горюющей вдове. Женевьеву выглядела странно нормально для женщины, потерявшей мужа.

Ее глаза засияли, когда она увидела Грэхема. Он застыл всем телом, когда она обняла его руками за шею и притянула к себе.

Сука.

— Большое спасибо, что пришел, Грэхем.

Он просто стоял и смотрел на нее.

Он онемел от шока?

Женевьеву продолжала:

— Я ценю это больше, чем ты думаешь. Увидимся в пятницу на нашей встрече.

Встрече?

Она собиралась встретиться с ним?

Мы задерживали очередь, а он меня даже не представил. Наконец, она оторвала взгляд от него настолько, чтобы заметить меня, стоявшую рядом с ним.

Она сверкнула фальшивой улыбкой.

— Кто вы?

— Я Сорайя... Грэхема... — Я растерялась.

Грэхем, наконец, заговорил.

— Девушка, — сказал он твердо и обхватил рукой меня за талию.

— Девушка... — повторила она.

Он прижал меня крепче.

— Да.

— Эйвери говорила мне, что ты с кем-то встречаешься, но я не думала, что все серьезно.

— Это серьезно. Очень серьезно.

Ну ладно, раз так. Приятно знать.

— Ну, очень приятно с тобой познакомиться, Сорайя.

— Аналогично. Соболезную твоей утрате.

А под этим я подразумеваю... Грэхема.

В это время он смотрел на нее убийственным взглядом.

Какого черта происходит? Почему он вдруг так на нее разозлился?

Грэхем резко передвинулся к следующему члену семьи в очереди. Мы механически пожимали руки каждому человеку в ряду, прежде чем дошли до конца.

Вздохнув с облегчением, я сказала:

— Ну, это было мучительно. Что сейчас?

Он выглядел так, будто хотел что-то мне сказать, но не мог подобрать слов.

— Сорайя...

— Что? Грэхем, что происходит? Поговори со мной.

— Сейчас не могу. Это неподходящее место.

Вскоре я получила ответ на свой вопрос, когда все взгляды в комнате устремились к красивой темноволосой маленькой девочке, появившейся у гроба Лиама. Хлоя. Она

отсутствовала весь вечер. Полагаю, дочку Лиама и Женевьевы держали подальше намеренно. Я не думала, что она здесь появится.

Казалось, толпа замерла от душераздирающего зрелища девочки, плачущей над телом отца. Я чувствовала вину из-за того, что мой отец был жив, а я предпочла не иметь с ним ничего общего. Ее отец был мертв, и она больше никогда его не увидит.

— Так грустно, — прошептала я Грэхему.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

Почти в тот же момент Хлоя повернулась, и я впервые увидела ее лицо. Я резко втянула воздух. Колесики в моей голове начали вертеться. Когда я взглянула на Грэхема, он смотрел на девочку с неверием во взгляде.

— Ты видел ее раньше?

Не отрывая взгляда от нее, он покачал головой и коротко ответил:

— Нет.

Внезапно странное поведение Грэхема обрело смысл. Эта девочка выглядела в точности как ее отец.

Ее отец, Грэхем.

У меня не осталось в этом сомнений. Грэхем был биологическим отцом Хлои. Мой мозг судорожно соображал. Как это могло случиться? Почему они ему не сказали? Разве это может быть простым совпадением, что она выглядела как Грэхем, но была дочкой Лиама? В душе я знала ответ. И я не знала, чего мне хочется больше — заплакать или ударить кого-нибудь.

Он потянул меня за руку.

— Нам нужно уйти, прежде чем я сделаю что-нибудь такое, о чем буду сожалеть.

Я оглянулась на Женевьеву, которая не замечала надвигающегося нервного срыва Грэхема, пока болтала и сверкала идеальными белыми зубами людям в очереди.

— Хорошо. Да, давай уйдем, — сказала я.

Уже в лимузине Грэхем слепо смотрел в окно первые десять минут. Вероятно, он все еще был в шоке и, казалось, не готов говорить о том, что мы только что выяснили, а я не хотела на него давить.

Через некоторое время он, наконец, повернулся ко мне.

— Скажи мне, что это просто мое воображение.

— Нет. Это не так. Эта маленькая девочка выглядела в точности, как ты.

Он медленно моргнул, пытаясь осознать это.

— Если она моя дочь, как могла Женевьеву все время знать это и не сказать мне?

— Хотелось бы мне знать ответ, но я не знаю. Мне кажется, тебе нужно спросить у нее. Потерев виски, он сказал:

— Мне нужно об этом тщательно подумать.

— Я пойму, если ты захочешь побывать один сегодня.

— Нет! — категорически ответил он. — Ты мне нужна.

— Хорошо.

Этим вечером у нас не былоекса. Вместо этого Грэхем просто обнимал меня. С каждым его вдохом и выдохом ясно чувствовался огромный груз его беспокойства, пока он лежал, бодрствуя большую часть ночи.

Казалось, веселые и беззаботные дни наших отношений сегодня подошли к концу. Все менялось коренным образом. Я очень хотела быть с ним, но не могла игнорировать тот факт, что часть меня тайно надевает воображаемые доспехи, чтобы защитить себя.

Грэхем решил не спрашивать Женевьеву до встречи в пятницу. Он решил, что даст ей время достойно похоронить Лиама, прежде чем нападать по поводу Хлои. Мне кажется, ему тоже необходимо было время, чтобы подготовиться к неизбежной правде и определить,

какие у него законные права в этом деле. Он также был завален работой, все еще пытаясь продумать стратегию поглощения компании Лиама.

Я решила, что при таких условиях пара ночей порознь будет хорошей идеей. К его большому разочарованию, я специально спланировала два вечера подряд с Тигом и Делией и сказала ему, что буду спать у себя.

По правде говоря, весь план состоял в простом зависании в их тату-салоне. Мне, на самом деле, необходимо было мнение друзей о сложившейся ситуации.

Они не могли поверить в эту историю.

Делия раскладывала свои одноразовые иголки для пирсинга, когда сказала:

— Звучит как история из «Главного госпиталя».

Мне пришлось прикусить язык. Они не представляли всей иронии этой фразы. Я никогда не упоминала, что Грэхем смотрит этот сериал.

Тиг, закинув ноги на стол, достал сигарету и рассмеялся.

— Больше похоже на «Все мои дети», если вы понимаете, о чем я. (*Примеч. «Все мои дети» — американская мыльная опера 1970-2011 годов, которая транслировалась с понедельника по пятницу на канале ABC*).

— Большое спасибо. — Я закатила глаза.

Он продолжил:

— Что я не понимаю, почему он никогда не рассматривал такую возможность, что ребенок может быть от него.

— Он никогда ее не видел.

— Но он же слышал о беременности, так? Посчитать он не мог? Ему не приходило в голову, что это, по крайней мере, возможно?

Ощущив необходимость защитить Грэхема, я сказала:

— Они прекратили общение. Он не знал точный срок. Он просто предположил, что отец Лиам.

Тиг закурил другую сигарету.

— Это какая-то хрень. Ты просыпаешься однажды утром и... бам!.. в один момент у тебя уже семья.

Меня передернуло от его слов. Тиг произнес вслух мой самый большой страх.

Делия знала, что я расстроена, поэтому повернулась к мужу.

— Не говори так. Он не с этой телкой. Они не его семья.

— Я думала о том же самом, — сказала я. — Он был влюблён в неё, сейчас нет другого мужчины на горизонте, а она, похоже, мать его ребенка. Где в этой картине место для меня?

Делия, как могла, пыталась успокоить меня.

— Ты заглядываешь далеко вперед. Он не собирается быть с ней, особенно после того как узнал, что она врала ему годами.

Я вздохнула.

— Эта женщина красива и коварна. Готова поспорить, она уже пытается выяснить, как повернуть ситуацию в свою пользу. Она запланировала встречу с ним, чтобы поговорить о бизнесе, еще до того, как он узнал о Хлое. Она хочет объединить компанию Лиама с компанией Грэхема.

— Спорим, она хочет объединить гораздо больше, — рассмеялся Тиг.

Делия подошла к Тигу и в шутку его стукнула.

— Ты прекратишь? — Она посмотрела на меня. — Кажется, Грэхем на самом деле заботится о тебе. Мне с трудом верится, что он попадется на эту хрень.

Тиг снова вмешался:

— Я с трудом могу представить Сорайю в роли Мэри Поппинс с его ребенком. Ты должна оценить ситуацию в целом. Даже если мистер Большой Придурок не сойдется с матерью девочки, Сорайе все равно придется иметь дело с воспитанием чужого ребенка, если она останется с этим парнем. Вот это нужно учитывать.

Он был прав. У этой проблемы было столько разных уровней.

— Сорайя будет хорошей мачехой. Мы могли бы покрасить концы волос девочки и проколоть ей уши, — улыбнулась Делия.

Тиг выдохнул большую струю дыма.

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, тебе надо попрощаться с месье Толстосумом и Сироткой Энни. Это просто мое мнение.

Тем вечером я, наконец, поменяла цвет кончиков волос. Они были зелеными с дня торжества, но к данной ситуации, казалось, подходил лишь один цвет.

Красный.

Глава 16

Грэхем

Казалось, Сорайя ускользает от меня. То, что она мне сказала про вечера с друзьями, было полной хреню. Худшее в этом — я даже не могу винить ее. Представим, если бы ситуация была противоположной. Как бы я смог вынести тот факт, что она родила ребенка другому мужчине? От этой мысли меня тошило. Я был так одержим ею, что не мог себе этого представить.

Эта неделя казалась кошмаром, от которого я не мог проснуться. Все, чего я хотел, это вернуться обратно к тому, как все было до поминок. Все было так просто.

Мне нужно было сделать столько работы, но я не мог перестать думать о двух женщинах, проникнувших в мой разум: Сорайе и Хлое.

Если она на самом деле была моей дочерью, то я ей столько задолжал. Она ни в чем не виновата.

Не беги впереди паровоза.

Мне нужен был этот тест на отцовство. Во мне все еще была какая-то часть, которая отказывалась верить без доказательств. Я не мог позволить себе вовлечь эмоции, пока не подтвердится, что она моя.

Голос моего секретаря прервал мои мысли.

— Мисс Моро здесь, чтобы увидеться с вами.

Щелкнув часами, я сделал глубокий вдох и сказал:

— Пропустите ее.

Дверь открылась, и Женевьеве вошла с таким важным видом, будто владела этим местом. Было время, когда практически так и было. Она, Лиам и я проводили часы в этом самом кабинете, продумывая стратегии, до самого рассвета. Она сделала мне бесчисленное количество минутов под этим самым столом, перед которым сейчас села, закинув ногу на ногу. Казалось, это было вчера, за исключением того факта, что моя прежняя любовь превратилась в подобие ненависти.

Она положила на мой стол белую коробочку.

— Я принесла твоё любимое пирожное из «Магнолии». С арахисовым маслом. Я помню, как сильно ты...

— К черту! Похер на пирожное, — выплюнул я. — Она моя?

Очень похоже на постепенный переход к делу в разговоре.

Женевьеве широко распахнула глаза.

— Что?

— Ты меня слышала. Хлоя. Она моя дочь?

Она выглядела совершенно шокированной, ее щеки стали красными. Как она могла не предусмотреть такой поворот событий?

Женевьеве все еще молчала, и я продолжил:

— Почему ты выглядишь такой удивленной? Ты на самом деле думала, что я увижу ее на поминках и не задам тебе этот вопрос?

— Я не знаю, Грэхем.

— Что значит, ты не знаешь?

— Я боялась этого момента пять лет. Не знаю, как смогу объяснить свои мысли тебе так, чтобы ты понял.

— Ну... У меня есть весь чертов день. Давай выясним. — Она снова молчала, и я сказал. — Хорошо, тогда начну я. Ты трахалась с Лиамом и мной в одно и то же время, так?

— Да.

— Сколько прошло времени с нашего последнегоекса, когда ты узнала, что беременна?

— Месяц.

— Какой у тебя был срок?

— Два месяца.

В гневе я швырнул ручку через весь кабинет.

— Как, блядь, ты могла так поступить? — выплюнул я ей в лицо.

Ее глаза начали наполняться слезами.

— Может, дашь мне попробовать объяснить?

— Жду с нетерпением послушать, как ты будешь спасать свою задницу.

Она на секунду закрыла глаза.

— Я любила вас обоих, Грэхем. *Действительно* любила. Это эгоистично с моей стороны, считать, что у меня было на это право, но это правда. Я хотела, чтобы так было всегда. Быть с вами двумя — лучшее, что со мной было. Но я знала, что как только ты все выяснишь, это закончится. Я сказала Лиаму, что мы больше не спим вместе. Он не знал, что я спала с вами обоими в одно и то же время. Очевидно, ты ему тоже не сказал.

— Мы практически не разговаривали после того, как я поймал вас.

— Я знаю. Прекрасно знаю. Это до сих пор разбивает мне сердце. — Она посмотрела в окно и задержала там взгляд на несколько минут, собираясь с мыслями. Затем Женевьеве, наконец, продолжила: — Когда родилась Хлоя, она была светлее, чем сейчас. У нее было мало волос. С первого взгляда не было видно, что она не похожа ни на Лиама, ни на меня. Когда она стала постарше, я знала, что он начал замечать, как она похожа на тебя. Он предпочел игнорировать это. Мы оба предпочли. В то время наши отношения уже испортились. Но Лиам любил Хлою больше своей жизни. Он не мог даже представить себе такую возможность, что она не была его дочерью.

— А что же я? Ты думала, что я *никогда* не узнаю?

— Глубоко внутри я всегда чувствовала, что она твоя. И если быть честной, это делало меня счастливой. Отношения между мной и Лиамом испортились очень быстро после свадьбы. Я поняла, что совершила огромную ошибку. Я все еще любила тебя так сильно и всегда глубоко сожалела о том, что причинила тебе боль.

— И снова, я все еще не понимаю, как ты могла скрывать это от меня.

— Мне нет оправданий, кроме того, что я не хотела разрушить жизнь Хлои. Я решила, что не уйду от Лиама. Оставаться с ним было меньшим из двух зол, так как я знала, что ты никогда не примешь меня обратно. Поэтому я позволила всему идти своим чередом. Я просто пыталась сохранить мир. — По ее щекам покатились слезы.

Я отказывался смягчаться.

— Я хочу тест на отцовство, немедленно.

— Я не буду тебе препятствовать в этом, Грэхем. Я дам тебе все, что ты хочешь. Время с ней. Тест. Я только прошу, если окажется, что ты ее отец, пожалуйста, не говори ей, пока она немного не повзрослеет, чтобы лучше это понять. Хлоя только что потеряла единственного отца, которого знала. И она опустошена.

— Я никогда не сделаю ничего, что может ей навредить. Я не буду говорить ей пока что, если это в ее интересах.

— Я действительно забочусь о тебе. Я никогда не хотела тебя обидеть. Пожалуйста, поверь мне.

— В течение недели я хочу сделать этот тест, Женевьеве. Я все подготовлю, так что смогу быть уверен в точности результатов.

На ее лице мелькнула паника.

— Ты ведь не собираешься забрать ее у меня?

— Я никогда не заберу ребенка от матери.

Женевьеве шмыгнула носом.

— Спасибо.

— Если окажется, что она моя, я хочу, чтобы ты собрала все фотографии с ней, которые у тебя есть, с момента ее рождения. Ты меня поняла?

Она не возражала.

— Конечно.

Этой ночью все, чего я хотел, это увидеть Сорайю. Вдохнуть запах Сорайи. Спать рядом с Сорайей. Мое тело будто ломало от сильнейшего наркотика. Всего несколько дней без нее казались мне вечностью. Это была не физическая нужда. Я скучал по ее чувству юмора, ее сарказму, смеху.

Было уже довольно поздно. Я только что вернулся из больницы после посещения бабули и не был уверен, спит ли уже Сорайя. Луис взял отгул на оставшийся вечер и ночь. Не раздумывая, я схватил куртку и направился в гараж.

Я не написал ей и не позвонил заранее, поэтому ехать к ней было рискованно. Но я не мог дать ей возможность отказать мне во встрече.

Рядом с ее домом не было свободного места, поэтому мне пришлось идти два квартала под проливным дождем. Когда я дошел до нужной двери, нажал на кнопку ее квартиры на домофоне.

Голос Сорайи звучал хрипло.

— Кто там?

Я закрыл глаза, так как скучал по ее голосу.

— Детка, это я.

— Грэхем... уже поздно.

Я прислонился лбом к стене.

— Я знаю.

Сорайя впустила меня, больше ничего не сказав. Меня окатило облегчением, пока я быстро шел по лестнице, перешагивая через две ступеньки.

Мои волосы и куртка были насквозь промокшими. Наверное, я выглядел, как мокрая крыса. Открыв дверь, она не сразу впустила меня. Я не знал, выгонит ли она меня или пригласит внутрь. Это было ее решением. У меня не было права давить на нее после того бардака, в который я ее вовлек. Я осматривал Сорайю, впитывая ее образ. Она была полностью домашней в тонкой белой ночной футболке. Ее соски приветствовали меня. По крайней мере, они были рады меня видеть. Она выглядела так великолепно, даже со спутанными волосами.

Кончики были красными.

Я терял ее.

— О, Боже. Проходи. Ты промок насквозь.

Спасибо гребаному дождю. В мои планы не входило принимать сочувствия по этому поводу.

Сорайя закрыла дверь и исчезла на мгновение, вернувшись с полотенцем.

— Держи. Дай мне эту мокрую куртку.

Я снял куртку. Моя рубашка под ней была сухая. Надо было мне простоять снаружи подольше.

— Что происходит? Все в порядке?

— Нет. Ничего не в порядке.

— Полагаю, встреча с Женевьевой сегодня прошла не очень хорошо?

— Она признала, что не была уверена относительно отцовства Лиама. Она трахалась с нами обоими в одно и то же время, и после нашего разрыва поняла, что беременна. Она согласилась на тест ДНК на следующей неделе.

— Не знаю, что сказать.

Я посмотрел ей в глаза.

— Скажи, что не уйдешь от меня.

Сорайя отвела взгляд.

— Грэхем... сейчас все так неопределенно. Я в замешательстве.

— Я чувствую то же самое. Моя голова идем кругом, и есть только единственное, в чем я уверен. Хочешь знать, что это, Сорайя?

Она смотрела на пол, но затем подняла взгляд и взглянула на меня сквозь свои черные ресницы.

— Я хочу тебя. Хочу быть с тобой. Я по шею увяз в тебе. И мне нужно знать, что ты не уйдешь от меня.

Сорайя слегка улыбнулась.

— Мне казалось, там говорится «по уши».

— Пофиг. — Я обернул руки вокруг ее талии и сомкнул их на ее спине. — Скажи, что ты не бросишь меня из-за этого.

— Мы не знаем, что случится.

— Я знаю, чего я хочу.

— Грэхем... все меняется.

— Ты нужна мне, Сорайя. Я не говорил это ни одной женщине в своей жизни. — Я прислонился к ее лбу своим и прошептал: — Ты *нужна* мне.

Она кивнула.

— Хорошо.

Обхватив ее лицо ладонями, я поднял его, чтобы наши взгляды встретились.

— Больше никогда не избегай меня.

— У меня были планы с Тигом и Делией.

Я одарил ее красноречивым взглядом.

— Отлично. — Сорайя закатила глаза. — Я избегала тебя.

Наклонившись, я поцеловал ее в губы. Впервые с похорон мир на мгновение перестал вращаться.

— Хочешь остаться на ночь?

— Попробуй меня выгнать.

Этой ночью, обернувшись всем телом вокруг Сорайи, я, наконец, смог уснуть, что было мне необходимо. Я даже проспал до самого утра, прежде чем мой телефон зазвонил.

Глава 17

Сорайя

По тону его голоса я поняла, кто звонил. Я лежала, повернувшись в другую сторону от него, поэтому могла услышать весь разговор, не притворяясь, что это меня не тревожит. Было достаточно того, что другая женщина звонила ему на мобильный в семь утра, пока он лежал в моей кровати. Но *мать его ребенка* — это уже за гранью моего понимания.

Вот так все будет? Грэхем не относится к тому типу мужчин, который проигнорирует звонок от женщины, опекающей его ребенка. Эта сука, лишившая Грэхема нескольких лет наблюдения за тем, как его дочь росла, могла сейчас вмешаться в его жизнь в любое время дня. Не сомневаюсь, она выжмет максимум из этого преимущества.

— Я позабочусь о том, чтобы сотрудники частной лаборатории пришли к тебе домой в понедельник в десять.

Он молчал, пока слушал. Я слышала звук ее голоса, но не могла разобрать слов. Затем последовало еще несколько коротких фраз, и прежде, чем повесить трубку, его голос смягчился.

— Как она? — спросил он

Мое сердце болело за него.

После завершения звонка, я молчала несколько минут, давая ему немного времени. Продолжая лежать спиной к нему, я заговорила:

— Ты в порядке?

Грэхем обнял меня сзади и поцеловал плечо.

— Все хорошо. Прости за это. Она звонила, чтобы договориться о тесте ДНК.

Я повернулась к нему лицом.

— Она все еще в тебя влюблена.

— Не уверен, что Женевьеве способна любить.

— Она красивая.

— Она тебе в подметки не годится.

— Она умная.

— Я гораздо умнее.

Это заставило меня улыбнуться. И я улыбалась до тех пор, пока не вспомнила еще кое-что о Женевьеве, в чем она меня превосходила.

— Она была твоей невестой.

— Без обязательств, по большей части я просто подарил украшение.

Я не знала, откуда это во мне, моя темная мазохистская сторона, наверное.

— Ты вставал на одно колено и делал ей предложение?

— Сорайя…

— Мне нужно знать.

— Зачем?

— Без понятия. Просто нужно.

— На самом деле, не делал. Это было больше похоже на деловую сделку, а не на что-то романтическое. Я отвел ее в «Тиффани», и она выбрала себе кольцо.

— Ох.

— Когда мы расстались, бабуля не была удивлена. Однажды за ланчем она спросила меня, почему я не отдал Женевьеве ее обручальное кольцо. Честно говоря, эта мысль никогда не приходила мне в голову. Бабуля дала мне свое кольцо, когда мне исполнился двадцать один год, и сказала, что оно принадлежит той, кому я однажды отдам свое сердце. Кольцо бабушки было маленьким и простым. Пока наши с Женевьевой отношения не закончились, и бабуля не указала мне на очевидное, я не понимал всей важности. Я просто знал, что, выбирая между маленьким кольцом, которое значило для меня так много, и сверкающим камнем, Женевьеве предпочтет этот камень. И этого оказалось достаточно,

чтобы не отдавать ей кольцо бабушки. Но я не мог перестать думать, как красноречиво это говорило о том, кем Женевьевы была.

— Bay. Она кажется реальной чертовой сукой.

Грэхем рассмеялся. Было приятно слышать этот звук.

— Вот, что я люблю в тебе, Сорайя. Что видишь, то и говоришь. Первый раз, когда ты так сделала со мной, я был взбешен, но также чертовски возбудился.

Я обняла его руками за шею и развратно улыбнулась.

— Ты Самодовольный мистер Костюм, который не может даже запомнить имя своего секретаря.

Грэхем прищурился, но быстро все понял. Он прижался губами к моей шее.

— Продолжай.

— Большую часть времени ты даже не замечаешь людей вокруг себя.

— Правда? — хрипло спросил он, покусывая мою кожу и оставляя влажную дорожку по пути к уху.

— Ты считаешь, что женщины должны раздвигать ноги только из-за твоего внешнего вида.

Он ласкал мое тело, опускаясь ниже, пока не добрался до обнаженных бедер. Подталкивая, чтобы я развел ноги, Грэхем произнес прямо мне в ухо:

— Раздвинь ножки для меня, Сорайя.

Я пыталась сопротивляться. Действительно пыталась. Но этот голос...

— Раскройся для меня, Сорайя. Мне нужно услышать, как ты стоишь мое имя.

— Ты так уверен, что сможешь... — Он спустился ниже на кровати, расположив свои плечи у меня между ног. Я была уже мокрой, и его теплое дыхание *прямо там* послало огонь через все мое тело. Я быстро раздвинула ноги.

После полудня вся уверенность в наших отношениях, поселившаяся сегодня утром, уже начала исчезать. Ида заставила меня бегать по ее поручениям с самого ланча. В банке передо мной в очереди стоял мужчина с дочкой. Она, наверное, была того же возраста, что и Хлоя. Когда я ехала на седьмом поезде в салон печати, напротив меня сидела пара. Их дочь держалась за поручень и крутилась вокруг него. Для них это, возможно, было не значительным, но для меня... Я видела счастливую семью. Всюду, куда я смотрела, были напоминания об этом.

Выполнив последнее задание на сегодня, я стояла на платформе и ждала поезда, направляющегося на юг. Подошел поезд на север. Одно слово рядом с номером поезда привлекло мое внимание. «Квинс». Не раздумывая, я запрыгнула в него как раз в тот момент, когда двери закрывались.

Какого черта я делала? Я не видела его восемь лет. Он, возможно, уже даже и не живет в Квинсе. Когда я вышла на станции на 61-й улице, подошел поезд в обратном направлении. Посмотрев на него, я решила вернуться туда, откуда приехала. Я размышляла об этом так долго, что внезапно вокруг меня начали толкаться люди, а я замерла на месте, провожая взглядом поезд.

От станции до его дома было около восьми кварталов. На третьем квартале мой телефон зазвонил, высветив на экране имя Грэхема. Я задержала палец над кнопкой «Отклонить», но затем вспомнила, что сказала ему прошлой ночью. Я буду рядом с ним. Я больше не буду его избегать.

— Привет.

— Привет, красотка. Как прошел день?

Я стояла на перекрестке, ожидая зеленого сигнала светофора.

— Суматошно. Ида заставила меня бегать по всему городу, выполняя ее поручения. — Когда загорелся зеленый, я ступила на переход. Из ниоткуда вылетело такси и проехало в

паре сантиметров от моих ног. Я ударила по кузову желтой машины. — Эй, козел. Смотри, куда прешь!

— Сорайя?

— Да, прости. Таксист почти проехался по моей ноге.

— Ты все еще в Манхэттене?

— Вообще-то, нет.

— О. Хорошо. Я только что закончил встречу в Бруклине. Где ты? Я тебя заберу, может, поужинаем вместе?

Я замолчала на минуту.

— Я не в Бруклине.

— Где ты?

— В Квинсе.

— Ох. Я не подумал, что ты все еще выполняешь задания.

— Вообще-то, нет. — Я с трудом сглотнула. — Я собираюсь увидеться с отцом.

Грэхем не спрашивал меня, зачем я это делаю. Причина была очевидной. Мы проговорили остаток пути, и я сказала, что напишу ему, когда закончу, и мы сможем поужинать вместе. Повесив трубку, я остановилась, осознав, что дом отца был через два дома дальше по дороге. *Что я собиралась сказать?*

Я потеряла счет времени, пока стояла там. Наверное, я таращилась на дом не меньше получаса. Мои эмоции полностью вышли из-под контроля. Я действительно не имела ни малейшего понятия, что должна сказать. Хотя была уверена, что мне это нужно. *К черту.* Я подошла к двери, сделала глубокий вдох и постучала. Мое сердце билось, как сумасшедшее, пока я ждала. Когда никто не открыл, сперва меня накрыло волной облегчения. Я уже собиралась развернуться и уйти, но дверь открылась.

— Чем могу помочь? — Тереза прищурилась, и затем широко распахнула глаза. — О, Боже, Сорайя. Прости, я тебя не узнала.

Я выдавила улыбку.

— Мой отец здесь? — Внезапно я запаниковала и захотела уйти. *Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, скажи «нет».*

— Да. Он наверху, борется с дверью чулана, которая слетела с петель. И мне кажется, он проигрывает. — Она тепло улыбнулась и отошла. — Входи. Я поднимусь и позову его. Он будет так рад, что ты здесь.

Я остановилась у двери. Я не чувствовала никакой разницы — казалось, будто я в первые входила в дом незнакомца. Им он, по существу, и был. Незнакомцем. Стены были увешаны семейными фотографиями. *Новой* семьи моего отца. Они улыбались и смеялись на каждом снимке. Не было ни одной фотографии меня или моей сестры. *Я не должна была приходить.* Голос, которого я не слышала годами, прервал мои мысленные дебаты.

— Сорайя, — мой отец был на середине лестницы, когда заговорил. — Все в порядке?

Я кивнула.

— С твоей матерью все в порядке?

Это меня взбесило.

— Она в порядке.

Фрэнк Венедетта направился ко мне, разрушая мою и без того шаткую уверенность. На секунду мне показалось, что он может обнять меня. Но когда я скрестила руки на груди, он, кажется, понял намек.

— Это приятный сюрприз. Прошло так много времени. Посмотри, как ты выросла. Ты похожа на свою тетю Аннетт. Ты красивая.

— Я похожа на свою мать. — Я не получила ничего хорошего от его части генов.

Он кивнул.

— Да, ты права, ты похожа на нее.

Прошедшие восемь лет пощадили моего отца. Сейчас ему было за пятьдесят. В его густой черной шевелюре было несколько седых прядей, но оливковая кожа не сильно

постарела. Он был стройным мужчиной. Бег был его отдушиной, когда мы были детьми, и, кажется, он продолжает бегать.

— Проходи, давай присядем. — Нерешительно я проследовала за ним на кухню. — Кофе?

— Конечно.

Он наполнил две чашки горячим кофе и дал мне печенье. Моя мать никогда не позволяла нам кофе, когда мы были маленькими. Но семья Венедетта была из Сицилии, а они считали, что если ты можешь держать чашку, она должна быть наполнена кофе. Также было и с вином. Лучшими воспоминаниями об отце были наши совместные утренние посиделки на кухне после того, как мама уходила на работу. Мы с папой сидели за столом и разговаривали, попивая кофе с печеньем, перед тем как идти в школу. Я даже летом вставала пораньше, чтобы посидеть с ним. После того как он ушел, я избегала кухонного стола по утрам, потому что каждый раз, когда сидела за ним, думала о том, сидит ли папа так за кофе с Брианной, своей новой дочкой.

— Ну. Как дела?

— Отлично.

Он кивнул. Это я появилась на его пороге, хотя сама обрывала все его попытки заговорить.

Через несколько минут он снова попытался.

— Ты все еще живешь в Бруклине?

— Да.

Он снова кивнул. И через несколько минут спросил:

— Чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Работаю на автора колонки советов.

— Звучит интересно.

— Это не так.

Прошло еще несколько минут.

— Ты с кем-нибудь встречаешься?

Грэхем называл меня своей девушкой с того вечера, хотя я никогда не говорила этого вслух.

— У меня есть парень.

— Все серьезно?

Я размышляла об этом минуту. Все было серьезно. Может, мы и знали друг друга около месяца, но это самые серьезные отношения, какие у меня были.

— Да.

Отец улыбнулся.

— Он только что обнаружил, что от бывшей невесты у него есть дочь, о которой он ничего не знал.

Улыбка отца испарилась. Он на мгновение закрыл глаза, потом открыл их, кивая, будто, наконец, понял весь смысл.

Сделав глубокий вдох, он со свистом выдохнул.

— В своей жизни я сделал много ошибок, Сорайя. Совершал поступки, которыми не могу гордиться.

— Например, изменял моей матери.

Он кивнул.

— Да. Вроде изменил твоей матери.

— Ты бросил нас. Как ты мог бросить своих детей?

— Я сказал тебе. Я совершил поступки, которыми не могу гордиться.

— Ты сожалеешь об этом?

— Я сожалею, что причинил вам боль, да.

— Я не об этом спросила. Ты сожалеешь о сделанном выборе? Что предпочел женщину своим детям? Заменил свою семью на другую, даже не оглянувшись?

— Все было не так, Сорайя.

Мой голос стал громче.

— Отвечай на вопрос. Ты не оглядываешься и не жалеешь, что сделал такой выбор?

Он стыдливо посмотрел в пол, но честно ответил:

— Нет.

Я почувствовала, будто меня ударили в живот.

— Ты когда-нибудь любил мою мать?

— Любил. Я очень сильно ее любил.

— А если бы Тереза не ответила на твои чувства?

— О чем ты спрашиваешь?

— Ты бы остался с моей матерью, если бы Тереза не полюбила тебя в ответ?

— Я не могу ответить на это, Сорайя. Все было не так.

— Вы с моей матерью были счастливы?

— Да. Когда-то были.

— До Тerezы.

— Это несправедливо. Все гораздо сложнее.

Я встала.

— Мне не следовало приходить. Это была ошибка.

Мой отец тоже встал.

— Ошибки были моими, Сорайя. — Он посмотрел мне прямо в глаза и произнес следующие слова: — Я люблю тебя.

Все, что случилось за последние несколько дней, прорывалось на поверхность. Казалось, надвигается цунами, которое накроет меня, если я не убегу. Так я и сделала. Я сорвалась, убегая из этого дома, словно летучая мышь, вырвавшаяся из ада. Это был не самый зрелый поступок в моей жизни, но я ни за что бы не позволила этому человеку увидеть, как я плачу. Я пролетела мимо семейных портретов в рамках, распахнула входную дверь и побежала, перепрыгивая через несколько ступеней за раз. Мои глаза жгло, горло сжималось, а грудь сдавливало, словно тисками. Я была так сконцентрирована на том, чтобы уйти оттуда как можно быстрее, что даже не видела, куда иду. Вот почему я не заметила мужчину, стоящего у обочины, пока не оказалась в кольце его рук.

Глава 18

Грэхем

Я приказал своему водителю направляться в Квинс еще до того, как узнал адрес ее отца. К счастью, в районе был только один Венедетта, иначе мне пришлось бы стучаться во все двери. Чутье подсказывало мне, что визит Сорайи вряд ли пройдет хорошо. Приехав на Каталпа-авеню, я понятия не имел, внутри она или нет. Поэтому сидел в своем лимузине и ждал. Вскоре входная дверь распахнулась, и Сорайя быстро понеслась по дорожке к дороге. Я едва успел выйти из машины и схватить ее. Очевидно, она меня не увидела. У нее был такой затравленный взгляд, что она едва могла что-то видеть.

Сперва она боролась в моих руках.

— Это я, Сорайя.

Казалось, ее взгляд, наконец, сфокусировался. Я смотрел, как ее глаза наполнились слезами, и она расслабилась в моих объятиях. Сорайя прислонилась ко мне всем телом, и я прижал ее крепче.

— Я держу тебя, малышка. Я держу тебя. — Она издала мучительный звук, а потом ее тело начало дрожать, по прекрасному лицу полились слезы. Это физически причиняло боль моему сердцу. Видеть ее такой, слышать крики боли, исходящие из самых глубин... Казалось, кто-то вскрыл мою грудь и сжал бьющееся сердце в своих руках, только чтобы выжать из него всю жизнь.

Я держал ее так крепко, как мог, пока мы стояли перед домом. Когда я поднял взгляд и увидел мужчину, который стоял в дверях и смотрел на нас, мужчину, по одному взгляду на которого можно без сомнений сказать, что он — Венедетта, я решил, что пора уходить.

— Давай сядем в машину.

Сорайя не оглядывалась, пока я помогал ей сесть на заднее сиденье. Но я оглянулся. Ее отец просто кивнул и смотрел, как мы отъезжаем.

Поездка из Квинса была тихой. Когда ее рыдания утихли, она закрыла глаза, не убирая голову с моего плеча. Я ненавидел то, что виновен во всем происходящем. Я по-королевски испоганил все между нами. Ситуация с Женевьевой не только вбила клинья в наши отношения, но также вызвала старых демонов прошлого Сорайи на поверхность. Сейчас она сравнивала меня с мужчиной, который стал самым большим разочарованием ее жизни.

Погладив ее волосы, я, наконец, нарушил наше молчание.

— Прости меня. Это все моя вина.

— Не знаю, зачем я поехала увидеть его. Что я хотела от него услышать?

— Это естественно. Ты просто пытаешься понять смысл его решений из-за всего происходящего.

— Наверное...

— Я знаю, что ты ушла расстроенной, но он сказал тебе что-нибудь, что могло помочь?

— Нет. Он сказал, что не может мне ответить, остался бы он с матерью, если бы не встретил Терезу.

Черт возьми. Я передвинулась на сиденье так, чтобы быть к ней лицом.

— Есть у меня дочь или нет, если бы я не встретил тебя, ни за что на свете не сошелся бы вновь с Женевьевой.

— Но ты любил ее когда-то. — Она опустила взгляд в пол.

— Сорайя, посмотри на меня. — Она подняла голову и снова взглянула на меня. — Эта женщина изменила мне с моим лучшим другом, а затем не говорила о том, что, возможно, у меня есть ребенок. Целых четыре года. Доверие и верность важны для меня. Я даже не найму на работу человека, которому не могу доверять, не говоря уже о том, чтобы разделить жизнь с таким человеком. Мы *не собираемся* сходиться, несмотря ни на что. — Следующие слова я произнес медленно, каждое тщательным образом взвешивая, хотя все равно волновался, когда говорил: — Твой отец мог быть частью твоей жизни, даже если был женат

на другой женщине. Люди часто так делают. Но он сделал свой выбор. И, по-моему, он облажался. Я не твой отец.

И тут Луис, мой водитель, вмешался:

— Мистер Морган? Мы возвращаемся на Манхэттен или в Бруклин? Впереди поворот на Белт Парквэй.

— Ко мне или к тебе? — Я посмотрел на Сорайю.

Я был рад услышать, что моя девочка потихоньку возвращается.

— Ты предполагаешь чертовски много под этим вопросом.

— Я просто веду себя, как джентльмен. У тебя был тяжелый день. А я знаю прекрасное лекарство, чтобы ты почувствовала себя лучше.

— Ну, конечно.

— Это мой долг, и я отношусь к нему очень серьезно.

— Знаешь, от чего я действительно почувствую себя лучше?

— Скажи.

— Если ты не будешь вести себя, как джентльмен.

Уголки моего рта приподнялись в улыбке, пока член становился твердым от этой мысли. Продолжая смотреть Сорайе в глаза, я сказал:

— Ко мне, Луис. — Затем прошептал ей на ухо: — Изначально, я собирался очень нежно заняться с тобой сексом. Но ты не перестаешь меня удивлять, Сорайя. Я с удовольствием отброшу маску джентльмена у входа и оттрахаю тебя четырьмя разными способами.

В течение следующих нескольких дней между мной и Сорайей все наладилось. Ее нервозность от моего возможного отцовства, казалось, уменьшилась. В течение дня я погружался в работу, а ночью так же старательно доставлял Сорайе удовольствие. Если она вскоре собиралась взвесить все свои варианты, я должен сделать решение избавиться от меня настолько трудным, насколько это возможно. Удовлетворять ее сексуально было моей любимой частью плана.

В понедельник в семь утра люди из лаборатории пришли ко мне в офис, чтобы взять образец ДНК. Через несколько часов у них была встреча с Женевьевой, чтобы взять образцы у Хлои. Я заплатил огромную сумму, чтобы результаты были готовы к среде — я хотел быть уверененным в том, являюсь я отцом или нет.

Отец.

У меня никогда не было отца, и мысль об этом была для меня в новинку. Если подтвердится, что она моя, я, без сомнения, хотел быть частью ее жизни. Хотя не имел абсолютно никакого понятия, что это такое. Что делать взрослому мужчине с маленькой девочкой, ставшей его дочкой за один день?

Вечером в понедельник мне пришлось уехать в Бостон для небольшой встречи рано утром во вторник. Мой вылет был отложен, и я сидел в аэропорту с газетой в руках. До встречи с Сорайей я всегда начинал читать газеты с делового раздела. В последнее время я открывал колонку «*Спросите Иду*», прежде чем перейти к просмотру рынка. Между мыльными операми и чтением ежедневной колонки советов я быстро превращался в тряпку.

Дорогая Ида.

Моя мать недавно снова вышла замуж. У Била, моего отчима, есть девятнадцатилетний сын, которого я впервые увидела три недели назад. Алек был в колледже и приехал к нам на лето. Проблема в том, что меня ужасно влечет к Алеку. Я достаточно уверена, что влечение взаимное, так как сексуальное напряжение настолько ощутимо, что становится трудно дышать. Это неправильно быть со своим сводным братом?

Грэтхен, Манхэттен.

Дорогая Грэтхен.

В то время как технически вы не кровные родственники, все еще есть семейные связи. Многим людям не нравятся отношения между вами. Мне кажется, написав письмо, ты считаешь, что быть с Алеком неправильно, и ищешь кого-то, кто даст тебе разрешение идти против своих убеждений. Мой совет тебе: будь честна с собой, а остальное встанет на свои места.

Я написал Сорайе.

Грэхем: Я бы трахнул тебя, даже если бы ты была моей сводной сестрой.

Сорайя: ЛОЛ. Ты читаешь колонку?

Грэхем: Да. Мне нравится находить, к каким ответам ты приложила руку.

Сорайя: Как ты можешь узнать, какие из ответов мои?

Грэхем: Просто могу.

Сорайя: Сегодня я писала ответы?

Грэхем: А мне дадут приз, если я отвечу правильно?

Сорайя: Мне казалось, я вручила твой приз вчера ночью.

Черт. Так и было. Несколько минут, пока она сосала мой член, я размышлял о пирсинге на языке только ради того, чтобы она почувствовала холодный метал на своем клиторе. Мой персонал подумает, что я совсем сошел с ума, если приду в понедельник на встречу, пытаясь выговорить слова опухшим языком, на котором поблескивает металл. Хватило того, что этим утром я улыбался в середине встречи, когда вспомнил об этом.

Когда я не ответил сразу, Сорайя знала, что я делал.

Сорайя: Ты вспоминал прошлую ночь, не так ли?

Грэхем: Да. Мне уже хочется уехать из аэропорта и забить на завтрашнюю встречу. За это я получу минет?

Сорайя: Извращенец. Итак... Писала ли я какую-нибудь часть ответа бедной Грэтхен?

Грэхем: Ни единого слова.

Сорайя: Очень хорошо. Что насчет вчера? Женищине, которая воровала у своего старого дяди мелочь из копилки.

Грэхем: Тюремы переполнены людьми, начинавшими с мелочей.

Сорайя: ОМГ! Как ты узнал? Это было буквально единственное предложение, которое она оставила.

Грэхем: Я тебя знаю.

Сорайя: Это немного пугает!

Ага, расскажи мне об этом. В эти дни я был напуган до чертиков.

На мой рейс началась посадка, когда в моей руке зазвонил телефон. Сначала я подумал, что это еще одно сообщение от Сорайи, но улыбка мгновенно пропала, когда на экране высветилось имя Женевьевы. Я решил не отвечать, но потом понял, что это может быть связано с Хлоей.

— Женевьефа.

— Грэхем. Как дела?

— Занят. Все хорошо с Хлоей?

— Все хорошо.

— Тогда что тебе надо?

Она громко вздохнула.

— Тебе придется научиться цивилизованно со мной общаться. Я не хочу, чтобы наша дочь видела, как ты на меня огрызаешься.

— Наша дочь? Ты немного опережаешь события, не думаешь? Мы не узнаем результаты теста до утра среды.

— Для меня это просто формальность. Сердцем я знаю, что она твоя.

— Как чертовски мило с твоей стороны. Может, тебе стоило поделиться этой маленькой новостью немного раньше. Не знаю... скажем... *четыре года назад*?

— Прекрати кричать на меня.

— Прекрати звонить мне.

Она снова раздраженно вздохнула. Если бы я не знал наверняка, я бы поклялся, что у этой женщины есть яйца. Огромные, больше, чем ее голова.

— Слушай. У меня посадка на самолет. Я кладу трубку.

— Куда ты летишь?

— Это не твое гребаное дело. Я кладу трубку, Женевьевы.

— Подожди. Я звоню не просто так. Я хочу быть рядом, когда ты получишь результаты в среду утром.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Это антоним слова «да». Может, тебе стоило попытаться сказать его четыре года назад, когда мой лучший друг сказал тебе раздвинуть ноги.

— Грэхем...

— Нет. Мы не счастливая семья, которая ждет, когда на палочке появится синий плюсик. Я жду подтверждения, что ты украла у меня четыре года жизни моей дочери. В любом случае, это не будет момент для открытки из «Холмарт», и ты не будешь там со мной.

— Я приду в твой офис в среду.

— Предупреждаю тебя, не приходи.

На заднем плане слышались приглушенные звуки улицы, затем они прекратились.

— Женевьевы?

Эта сука бросила трубку.

Глава 19

Сорайя

Сегодня Грэхем должен был получить результаты ДНК теста. Несмотря на тот факт, что он не просил меня присутствовать при этом, я хотела его удивить. Он сказал, что результаты должны сообщить к полудню, поэтому я на все утро отпросилась с работы.

В качестве другого знака солидарности пришло время очистить концы волос от красного. Я покрасила их в голубой. Грэхем знал: это был знак, что все в моей жизни идет хорошо. Не важно, верила я в это или нет, я знала, этот жест поможет ему не переживать о нас.

Остановившись у фургончика Анила, я заказала два рогалика с маслом и два сока и отправилась в Morgan Financial Holdings.

Проходя через стеклянные двери, я больше не беспокоилась об администраторе. Вместо этого я просто прошла мимо нее и направилась в кабинет моего парня с таким видом, будто владела этим местом.

Она побежала за мной.

— Мисс Венедетта?

Я развернулась.

— Все хорошо. Мне казалось, мы с Грэхемом объяснили, что встречаемся. Вам больше не нужно оповещать о моем прибытии.

— Я не поэтому вас остановила, — сказала администратор.

— Ладно. Что тогда?

— Ну... мы... некоторые работники здесь хотели поблагодарить вас.

— Поблагодарить меня? — Я нахмурила лоб. — За что?

— С тех пор как вы начали встречаться, он изменился. Стал добре. С ним легче работать. Не знаю, может, у вас волшебная вагина или что... но что бы вы ни делали, продолжайте. Вы сделали наши жизни гораздо спокойнее.

Несколько человек, сидевших в кабинках, услышали ее. Один начал хлопать, а остальные подхватили. Я стояла там с жирным бумажным пакетом, и мне аплодировали люди.

Должна ли я поклониться?

Грэхем, должно быть, услышал шум, потому что открыл дверь своего кабинета.

— Какого черта... — Хмурое выражение его лица смягчилось, когда он увидел меня. — Сорайя. — Он улыбнулся. — Я что-то пропустил? Почему они хлопают?

Я оглянулась на его сотрудников и подмигнула.

— Я просто рассказывала им шутку.

— Ясно. Ну, почему бы тебе не переместить свое стендап-шоу в мой кабинет?

Дверь за нами закрылась, и Грэхем прижал меня к ней, крепко поцеловав в губы, и сказал:

— Все без ума от тебя... как и я. Это был чертовски прекрасный сюрприз.

— Я не хотела, чтобы ты один проходил через это.

Он прижался лбом к моему.

— Знаешь... Я очень хотел, чтобы ты тут была. Но в то же время, я не был уверен, потому что это будет неудобно для тебя. Я не хотел давить, но так рад, что ты пришла.

— Ну, у меня предчувствие, что придется научиться иметь дело с неприятностями.

Грэхем обхватил ладонями мое лицо.

— Давай будем справляться с одной неприятностью за раз. Ты можешь это сделать для меня?

Кивнув, я сказала:

— Я попробую.

Следующие полчаса мы вместе сидели и ели наши рогалики. Грэхем закинул ноги на стол и выглядел более расслабленным, чем я предполагала. Солнце светило сквозь окна кабинета и отражалось в его глазах так, будто они светились, когда он наблюдал за тем, как я ем. Казалось, он хорошо справляется.

— Ты выглядишь нормальным. Не боишься этого звонка?

— Знаешь что? Если честно, меня тошило, пока ты не пришла. То, что ты здесь ради меня, несмотря ни на что, на самом деле, все меняет.

— Я рада, что смогла сделать этот момент лучше для тебя.

— Ты все в моей жизни делаешь лучше, детка. Все.

Он потянулся через стол, взял мою руку и нежно поцеловал костяшки пальцев. Звук интеркома разрушил момент.

— Мистер Морган? Мисс Моро здесь. У нее не назначено, но она настаивает, чтобы я все равно передала вам о ее прибытии. Она сказала, вы знаете, по поводу чего она пришла.

В животе возникло неприятное ощущение, когда я убрала свою руку.

— Женевьевы здесь?

Он закрыл глаза и раздраженно потер виски.

— Блядь. Я сказал ей, что не хочу, чтобы она приходила. Я должен был знать, что она не послушает.

— Ну, ты можешь ее выгнать, если хочешь.

— Конечно, могу.

— Поверь, мне бы очень хотелось, чтобы ты выбросил ее на обочину прямо сейчас, но как это поможет, если ты узнаешь, что Хлоя твоя дочь? Тебе придется общаться с ней, нравится тебе это или нет. Чем быстрее ты научишься, тем лучше.

Глубоко задумавшись, он кивал сам себе какое-то время.

— Ты права. — Нажав кнопку интеркома, он сказал: — Пропустите ее.

Наш спокойный завтрак официально закончился.

Я выбросила обертки от нашей еды, чтобы отвлечься от нарастающей дрожи.

Женевьевы зашла в кабинет, тихо закрыв за собой дверь. Она была одета весьма консервативно в серую юбку-карандаш и кремовую блузку без рукавов, демонстрирующую ее загорелые руки. Запах ее духов был знакомым — «Шанель №5». До меня дошло, что она была сложена, как телеведущая Келли Рипа. (*Примеч.: американская телеведущая, актриса, продюсер и комедиантка. Она является ведущей популярного телешоу Live! with Kelly and Michael*). Она ее даже немного напоминала.

Грэхем даже не взглянул на нее. Он молчал и теребил часы — прежняя нервная привычка, я думала, он больше так не делает.

Женевьевы сначала посмотрела мне в глаза.

— Сорина, не знала, что ты здесь будешь.

— Сорайя. И да, я здесь, чтобы поддержать Грэхема, когда придут результаты.

Она села.

— Итак... ты все знаешь.

— Да. Мы ничего не утаиваем друг от друга.

— Ну, это мило с твоей стороны — быть здесь для него.

Грэхем, наконец, заговорил с ней:

— Кажется, я четко сказал, что предпочитаю, чтобы *ты не приходила* сюда сегодня.

— Мне необходимо быть здесь, Грэхем. Уверена, ты прожужжал все уши Сайрете о том, какой я плохой человек. Но я здесь сегодня, чтобы тоже поддержать тебя.

Голос Грэхема был жестким.

— Правильно — Сорайя. Не Сорина. Не Сайрита. Со-РА-яя. Что такого сложного в этом?

— Сорайя... Сорайя... извини... Я сама немного нервничаю, ясно? Я пришла сюда не для того, чтобы создавать проблемы. Просто пытаюсь поддержать. Я понимаю, что вся эта ситуация — полностью моя вина. Я не отрицаю этого, но не могу изменить прошлого. Я

просто пытаюсь все уладить и двигаться дальше. Если мне придется потратить остаток жизни на исправление этой ситуации, я так и сделаю. — Она выглядела так, будто сейчас расплачется. Или Женевьевы была на самом деле расстроена, или заслуживала «Оскар». Грэхема не впечатлил ее небольшой срыв.

Следующие несколько минут стояло неловкое молчание, а Грэхем перешел от дерганья часов к вращению ручки между пальцами.

Он швырнул ее через весь кабинет и зарычал:

— Какого черта они так долго?

Женевьевы старалась, как могла, пытаясь улучшить настроение, и посмотрела на мои ноги.

— Мне нравятся твои туфли. Какой это брэнд?

— «Майл Корс». Это не «Лабутен» или что-то подобное, но мне они нравятся. У них удобный каблук.

Она улыбнулась.

— Мне они тоже нравятся.

Грэхем откатил кресло назад и встал. Он начал ходить по кабинету и, казалось, начинал терять терпение, поэтому я попробовала его успокоить.

— Они сказали до полудня, так? Ну, есть еще немного времени.

Он вытащил телефон.

— Я звоню в лабораторию, — и включил громкую связь.

Трубку подняла женщина.

— «Лаборатория Кульвера».

— Да. Это Грэхем Морган. Мне должны были позвонить до полудня сегодня с результатом теста на отцовство, который ваша лаборатория проводила на этой неделе. Осталось три минуты до дедлайна. Я бы хотел узнать результаты, пожалуйста. Арнольд Шварц заверил меня, что все лично проверит, чтобы убедиться, что результаты будут готовы сегодня утром. У меня есть специальный номер, который он дал мне, если вам нужно.

— Да, сэр. Это бы очень помогло.

Пока Грэхем диктовал ей информацию, я молча молилась, чтобы каким-то чудом он не оказался отцом Хлои. Возможно, эти мысли говорили о том, что я плохой человек. Пока не были готовы результаты, была какая-то надежда. Что, если был еще третий мужчина, о котором мы не знаем... темноволосый, как Грэхем, может, похожий на него? Все возможно, ведь так?

На заднем фоне было слышно щелканье клавиатуры, пока женщина проверяла информацию.

— Я сейчас поставлю вас на ожидание, мистер Морган. Кажется, результаты уже готовы. Но когда вам сообщали о времени звонка, они, возможно, имели в виду тихоокеанское время. Но я вижу в системе, что результаты готовы. Мне просто нужно посмотреть, кто из уполномоченных работников может вам их предоставить.

Грэхем прошептал себе под нос:

— Господи Боже.

Эти люди на Западном побережье не представляли, сколько всего зависело от этих результатов. Если бы знали, они бы точно, черт возьми, поторопились.

Женевьевы выдохнула и посмотрела на меня.

— Это настоящая нервотрепка.

Я не знала, почему она пытается заговорить со мной. В любом случае, я была слишком занята, чтобы ответить. Я сосредоточила все свое внимание на Грэхеме. Расслабленное поведение сегодняшнего утра сейчас было далеким воспоминанием. Он выглядел таким взволнованным. Мне кажется, одна часть его хотела быть отцом Хлои, в то время как другая ужасалась противоположному сценарию, где маленькая девочка, которую он считал своей, остается без отца.

Грудь сдавило с такой силой, что стало трудно дышать, и я задумалась: так происходит, когда ты на самом деле любишь кого-то? Ты физически можешь ощущать страх этого человека. Его страх был моим страхом. Его боль была моей болью. Его жизнь сейчас была соединена с моей. Я еще не сказала ему, что люблю, но сидя тут и чувствуя, что все мое будущее зависит от следующих нескольких минут, я пришла к выводу, что это чувство настоящее.

Я любила Грэхема Дж. Моргана. Мистера Большого Придурка. Самодовольного мистера Костюма. Целибата из Манхэттена. Пятьдесят оттенков Моргана. Я любила их всех. Я любила, что он ценил все мои странности. Любила, что он защищал меня. Что впервые в жизни заставил меня чувствовать себя самым важным человеком для кого-то — для него. Дело было в том, что, в зависимости от этих результатов, я больше не буду самой важной. Его дочь будет и должна всегда оставаться на первом месте. Именно так должно быть. Вот то, чего не смог понять Фрэнк Венедетта.

По громкой связи донесся мужской голос:

— Мистер Морган? Спасибо за ожидание. Это Брэд. Я один из управляющих лабораторией. Прошу прощения за задержку. У меня есть ваши результаты.

Грэхем с трудом глотнул.

— Хорошо...

— Итак, совпадение 99,9%. Этот результат подтверждает отцовство.

Он прижал ладонь ко рту и медленно и долго выдыхал в руку.

Мужчина продолжил:

— Мы отправим копию результатов анализа с помощью FedEx сегодня. Вы получите их завтра. И еще раз извините за задержку.

Женевьеве прикрыла лицо и начала плакать.

— Спасибо, — просто сказал Грэхем. Он завершил звонок и посмотрел мне прямо в глаза.

Пытаясь оставаться спокойной, я продолжала кивать снова и снова, в попытке убедить его и себя, что все будет хорошо.

— Все хорошо, — одними губами произнесла я.

Глубоко внутри я была далеко не так уверена. Я знала, что люблю его. И только это я знала. И надеялась, что этого хватит.

Глава 20

Грэхем

Трехэтажный особняк Женевьевы был расположен лишь в километре от моего кондоминиума в Верхнем Вест-Сайде.

Я стоял перед кирпичным строением и немного медлил, перед тем как войти. Как только я официально познакомлюсь с Хлоей, обратного пути не будет.

Я — отец. Это все еще ощущалось как-то странно, будто не про меня.

Мы с Женевьевой решили, что первая встреча должна пройти за обычным ужином. Она представит меня как друга семьи. Мы будем решать все вопросы по ходу дела, и когда придет время, Хлое объяснят, что у нее, на самом деле, есть два отца — один на небе, другой на земле. Со временем, когда Хлоя свыкнется с этой мыслью, мы начнем работать над договором о совместной опеке. Женевьеве не стала препираться и решила не усложнять это для меня. Иначе мы бы с ней жестоко боролись.

Я очень сильно хотел, чтобы Сорайя была здесь сегодня со мной, но было лучше, чтобы сначала я познакомился со своей дочерью один на один, прежде чем знакомить Хлою с другими новыми людьми в ее жизни. Она только что потеряла единственного отца, которого знала. Она все еще была очень ранимой.

На красной двери висел венок из веток и ягод. Позвонив в звонок, я сделал глубокий вдох, а затем дверь открылась.

Женевьеве улыбнулась и слегка кивнула головой.

— Входи, Грэхем.

Все внутри было либо абсолютно белым, либо серебристым, либо серым. Интерьер был очень похож на интерьер моей квартиры — элегантный и современный. Это напомнило мне, насколько изменились мои вкусы. В последнее время мне гораздо больше нравились вещи разных цветов. Ярких и смелых цветов.

Запах ароматных специй наполнял воздух, побуждая меня спросить:

— Что это за запах?

— Помнишь то тайское блюдо, которое я тебе раньше готовила? Оно всегда было твоим любимым. Это его запах. Я приготовила его на ужин.

Мне пришлось прикусить язык, чтобы удержаться и не напомнить ей, что я не много помню из случившегося до того, как застал ее отсасывающей Лиаму. Сегодня не подходящий вечер для моих обычных подколок.

— Спасибо. Я тронут.

— Я просто хотела, чтобы ты чувствовал себя комфортно.

Единственное, от чего я чувствовал себя некомфортно, это Женевьеве, строящая из себя счастливую домохозяйку.

— Где она?

— Хлоя играет в своей комнате. Я подумала, будет лучше, если она просто выйдет и увидит тебя, нежели сразу представить вас друг другу. Не хочу, чтобы она что-нибудь заподозрила.

Заподозрила, что ее мать — лживая изменница, которая скрывала ее от настоящего отца с самого рождения?

— Делай то, что считаешь нужным. Ты знаешь ее лучше, чем я. Конечно, это не мне решать.

— Я знаю. — Женевьеве прочистила горло и прошла на кухню. — Чувствуй себя как дома. Может, что-нибудь выпьешь?

— Будет достаточно воды за ужином, сейчас ничего не надо. — Я сел в гостиной, прилегающей к кухне.

— Ты уверен? У меня есть коньяк... мерло...

Выставив ладонь, я сказал:

— Я не собираюсь пить сегодня.

— Хорошо... просто дай мне знать, если передумаешь.

— Я тебя знаю, — произнес милый тихий голос.

Я повернулся и увидел Хлою, стоящую в дверях. Пышная копна ее длинных темных волос закрывала половину лица. На ней была очаровательная пижама, розовые тапочки и медвежонок в руке.

Я улыбнулся и встал.

— Ты меня знаешь?

— Ты нашел мою заколку... на празднике у папы.

Это так. Я подобрал штуку с помпоном, которая упала с ее волос на поминках Лиама.

Я опустился на колени перед ней.

— Ты умная печенька.

— Как тебя зовут?

— Грэхем.

— Как крекер Грэхема?

— Да, наверное.

— Ты умный крекер!

Я фыркнул.

— Ты очень забавная, Хлоя.

Женевьеве вмешалась.

— Хлоя... Грэхем — друг папочки и мамочки. Он будет сегодня с нами ужинать.

— Ты знал, что мой папочка умер?

— Да. Мне очень жаль. Я знаю, он очень тебя любил.

Она подошла к концу стола, взяла фотографию в рамке и принесла ее мне. На снимке Лиам с любовью смотрел на нее, а вокруг падали осенние листья. Не было сомнений, он ее обожал. Я хотел почувствовать горечь, но улыбка на ее лице, запечатленная на фото, не дала мне этого сделать.

— Это очень хорошая фотография.

— Спасибо.

Не зная, что сказать дальше, я спросил:

— Ты всегда надеваешь пижаму так рано?

— Иногда.

— Она выглядит очень удобной. Мне бы хотелось, чтобы были такие пижамы моего размера.

Хлоя наморщила носик.

— Это было бы глупо.

— Да, полагаю, что так.

Она дала мне своего медвежонка и сказала:

— Смотри! Мишка Грэхем... как маленькие печеньки.

Затем она начала хохотать. (*Примеч. Teddy Grahams — шоколадные мишки, американский сухой завтрак*).

Я засмеялся, потому что она смеялась.

— Умно.

— Ужин готов! — позвала Женевьеве из кухни. Она накрыла стол в столовой. Большое белое прямоугольное блюдо было заполнено рисовой лапшой и овощами, которые она приготовила. Тарелка куриных наггетсов с овощной смесью стояла напротив, как я предположил, места Хлои. Его выдавала салфетка с Дашей-путешественницей. (*Примеч. «Даша-путешественница» или «Даша-следопыт» — американский популярный обучающий мультсериал*).

— Грэхем, ты сказал, что будешь просто воду? — спросила Женевьеве.

— Да.

— Хлоя, ты хочешь свое обычное клубничное молоко?

Клубничное молоко?

Не может быть.

Я повернулся к Хлое.

— Клубничное молоко? Я люблю клубничное молоко.

— Оно мое любимое.

— Какое?

— «Несквик», — ответила она.

Я никогда не пил молоко «Несквик» перед Женевьевой. Поэтому она не понимала, какое это невероятное совпадение.

— Это здорово. Это мой самый любимый напиток на всем свете. — Я повернулся к Женевьеве. — Могу я попросить такое же клубничное молоко?

— Конечно. — Женевьеева казалась удивленной.

В присутствии дочери я впервые в своей взрослой жизни буду пить молоко «Несквик», открыто и не стесняясь. Я выхожу из клубнично-молочного шкафа.

Хлоя повернулась к матери.

— Ты должна дать ему «безумную соломинку».

— Ох, я не думаю, что он захочет.

На радость Хлое, я посмотрел на Женевьеву так, будто она сошла с ума, раз думает, что я откажусь.

— Конечно, хочу!

Женевьеве покачала головой, затем положила передо мной длинную розовую закрученную соломинку. Хлоя была просто в восторге, пока смотрела, как я пью через нее.

— Знаешь, Хлоя, я никогда не замечал, что молоко вкуснее, когда пьешь через «безумную соломинку».

— Я знаю! — завизжала она.

Радость в ее глазах ощущалась физически. Я мог к этому привыкнуть. Мне было так хорошо от того, что она так улыбалась, наблюдая за таких олухом, как я, который делает всякие детские штучки. Эта маленькая девочка проходила сейчас через тяжелую травмирующую утрату, но она была уравновешенной и любимой своей матерью.

Я должен был отдать Женевьеве должное. Она, казалось, была хорошей матерью.

На протяжении всего ужина Хлоя веселилась, наблюдая, как я засасываю лапшу. Я бы снова и снова делал это, только чтобы заставить ее смеяться. Женевьеве молчала, но была внимательной и часто смотрела на нас, подперев подбородок рукой. Она отступила на второй план, позволив мне и Хлое подружиться.

После ужина Женевьеве заставила Хлою помыть руки и почистить зубы. Я не был уверен, как вечер будет проходить дальше, пока Хлоя не подошла ко мне и не спросила:

— Ты у нас переночишь?

— Нет. Нет. Но я ненадолго останусь. Что дальше на повестке дня?

— На чем?

Мне придется научиться разговаривать больше по-детски.

— Во что ты хочешь поиграть после ужина?

— Переодевание!

— Переодевание?

— Да.

— Что оно в себя включает?

— Никаких хвостов. Только платья. (*Примеч.: entail — включать в себя, tail — хвост*).

Я фыркнул.

— Платья?

— Да. — И она убежала, чтобы, предположительно, что-то принести.

Я посмотрел на Женевьеву так, чтобы она объяснила мне все это.

— Платья?

— У Хлои в комнате есть сундук, набитый платьями принцесс и другими костюмами. Она любит надевать их поверх пижамы и кружиться в них, пока не устанет. Это, типа, ритуал перед сном.

Хлоя прибежала обратно ко мне, наряженная в пышное розовое платье и пластмассовую корону. Не успел я глазом моргнуть, как вокруг моей шеи оказалось обмотано белое боа из перьев.

— Хлоя, Грэхем может не захотеть одеваться как леди.

— Все в порядке. Я как раз собирался наладить контакт со своей женственной стороной. Это было в моем списке дел.

Хлоя схватила мой телефон и дала его мне.

— Сфотографируй нас!

Я сделал селфи с Хлоей и на автомате отправил его Сорайе. Не зная, какое у нее сегодня настроение, я засомневался в своем решении, но было уже поздно.

— Я сейчас вернусь, — сказала Хлоя и стащила с меня боа. Она убежала в комнату, оставив меня с Женевьевой наедине в гостиной. Несколько перьев упали, плавно приземлившись на ковер.

— Ты замечательно с ней ладишь, Грэхем.

— Это кажется более... естественным... чем я предполагал.

— Конечно. Потому что она твоя.

Прежде чем мы смогли продолжить разговор, Хлоя снова ко мне подлетела. На этот раз она была одета в красное рождественское платье с белой меховой отделкой. В руках у нее был черный цилиндр.

— Ты снежная принцесса?

— Я принцесса Рождества. — Она надела цилиндр мне на голову. — А ты Скурудж. (*Примеч.: главный герой повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь»*).

— Мне кажется, найдется много людей, которые скажут, что ты правильно меня охарактеризовала, Хлоя.

— Что?

— Ничего, — улыбнулся я. Мне пришлось напомнить себе, что я говорил с четырехлетней девочкой.

Игра в переодевание длилась около часа, прежде чем Женевьева сказала Хлое, что ей пора ложиться спать.

— Уже прошло полчаса после отбоя. Пожелай Грэхему спокойной ночи.

Моя дочь подошла ко мне. *Моя дочь*. Мне все еще нужно было к этому привыкнуть. Она остановилась передо мной, наши лица были на одном уровне. Боже, она так похожа на мою мать. Мама бы очень ее полюбила. Это напомнило мне, что я должен выделить время и рассказать эти новости бабуле.

Я не удержался и обхватил ладонями щеки Хлои. Я не хотел ее пугать, но мне весь вечер хотелось сделать это, а сейчас была последняя возможность.

— Спокойной ночи, милая.

— Ты придешь еще?

— Можешь на это рассчитывать, Хлоя. — Я никогда не произносил слов, правдивее этих. Она потом еще будет пытаться избавиться от меня.

Сегодняшний вечер прошел гораздо лучше, чем я ожидал.

Когда я был уже в лимузине, теплое чувство внутри быстро сменилось тревогой, когда я проверил телефон и понял, что Сорайя так и не ответила на фотографию, которую я ей прислал. У меня появилось плохое предчувствие. Это было не похоже на нее — не отвечать на мои сообщения.

Я был идиотом.

Полным гребаным тутицей.

Я не должен был отправлять ей эту фотографию.

Мое сердце начало бешено колотиться. Должен ли я оставить ее одну сегодня или ехать в Бруклин?

— Просто остановись перед кондоминиумом, Луис. Я еще не уверен, куда поеду.

Как только машина остановилась у моего дома, телефон известил о текстовом сообщении.

Сорайя: Прости. Только что получила. Телефон заряжался в другой комнате. Ты очаровательно смотришься в боа. Рада, что все прошло хорошо. Я, наверное, лягу сегодня пораньше. Мне немного нездоровится. Поговорим завтра. Целую.

Выпустив вздох облегчения от того, что она ответила, я откинул голову на сиденье, а затем перечитал ее сообщение снова. Я не был уверен, ехать мне в Бруклин или нет. Она сказала, что плохо себя чувствует. Я взял телефон и набрал ее номер, но меня перебросило на голосовую почту. Она игнорировала меня или уже легла спать? Может, она отключила звук. Когда прозвучал сигнал, чтобы оставить голосовое сообщение, я начал бессвязно бормотать:

— Привет, красотка. Мне жаль, что ты плохо себя чувствуешь. Я просто хотел услышать твой голос, прежде чем лягу спать. Ты, наверное, уже в постели. Все прошло хорошо сегодня. Я хочу, чтобы вы с ней познакомились, когда ты будешь готова. Но, Сорайя, ты должна кое-что знать: не думаю, что был бы готов к этому, если бы не встретил тебя. Мужчина, которым я был пару лет назад, не тот, кем я сейчас являюсь. Я был жалким человеком. Тогда Лиам был лучшим отцом для нее. Я уверен. Но благодаря тебе, я буду отцом, которого она заслуживает. Ты показала мне столько всего и напомнила о том, что самое важное в жизни.

Я сделал паузу.

Черт.

Скажи ей, что любишь ее. Просто скажи ей.

— Сорайя, я...

БИИП.

Чертова штука меня отключила.

Глава 21

Сорайя

Я не заметила лимузина, припаркованного на обочине у моего дома, пока у него не опустилось окно и сексуальный голос не привлек мое внимание.

— Хочешь прокатиться, красотка?

Я наклонилась к темной машине.

— Это как сказать. Что за поездку ты предлагаешь, мистер Большой Придурок?

Застигнув меня врасплох, Грэхем открыл дверь, схватил меня за руку и одним легким движением втянул внутрь к себе на колени. Игровость его действий заставила меня улыбнуться, даже несмотря на то, что утром я еще не выпила вторую чашку кофе. Это случалось редко.

Я захихикала, скорее всего, как школьница, но не смогла удержаться.

— Что ты здесь делаешь?

— Я приехал, чтобы подвезти мою женщину до работы.

— Твою женщину? Говоришь, как пещерный человек. — *Которого я втайне люблю.*

Он уткнулся лицом мне в шею и тяжело задышал. Когда Грэхем со свистом выдохнул, я почувствовала, как его тело расслабилось.

— Я скучал по тебе прошлой ночью. Ты себя плохо чувствовала. Тебе лучше сегодня?

— На самом деле, да. Мне казалось, что я начинаю заболевать чем-то. Но благодаря хорошему сну я почувствовала себя лучше.

— Знаешь, что еще поможет тебе чувствовать себя лучше? — Правой рукой, которая лежала на моих коленях, Грэхем прижал меня к месту, пока другой рукой незаметно подкрадывался к моему бедру. На мне была юбка, что облегчало ему доступ.

— Дай угадаю, твой пенис? Твой пенис заставит меня чувствовать себя лучше?

— Теперь, когда ты это упомянула, я уверен, что поможет. Но, вообще-то, я имел в виду не это.

— Не это?

Он медленно покачал головой.

— На самом деле, я фантазировал о том, как чертовски сексуально ты выглядишь, когда кончаешь, и хотел понаблюдать за этим вблизи. Я подумал, что могу трахнуть тебя пальцем по пути на работу. Когда нахожусь внутри тебя, я слишком занят, чтобы рассматривать твоё лицо.

— Ты хочешь рассмотреть мое лицо... — я указала пальцем в область своих колен, — пока ты...

— Буду трахать тебя пальцем. Да.

Я посмотрела Грэхему в глаза. Он был чертовски серьезен. Не отрывая от меня взгляда, я сказала водителю:

— Луис, пересечение 71-ой и Йорк, пожалуйста.

Зрачки Грэхема расширились, когда он нажал на кнопку, поднимая перегородку. Его улыбка была восхитительной смесью озорства и восторга. Он был одет для работы, в свой обычный сшитый на заказ костюм. Грэхем выглядел могущественным бизнесменом, каким он и был. Хотя в этот момент все его внимание было сфокусировано на мне. Его внешний вид возбуждал меня сам по себе. Поэтому, когда он, удержав меня на коленях, раздвинул мне ноги, я уже была мокрой для него. Ему не пришлось прилагать усилий, чтобы получить то, за чем он пришел. Удивительно, но мне не было неловко от того, что его взгляд был сосредоточен на мне все время. Наоборот, знание того, что он получал удовольствие, наблюдая за мной, лишь усиливало мои ощущения.

Мы еще даже не доехали до Бруклинского моста, а я уже кончила. Насытившись, я довольно вздохнула, положив голову ему на грудь.

— Это гораздо лучше поезда.

Он усмехнулся.

— Надеюсь, ты имеешь в виду мои услуги, а не способ передвижения.

— Конечно.

Грэхем крепко обнял меня и поцеловал в макушку.

— Эти услуги доступны тебе круглосуточно семь дней в неделю, Сорайя. Только скажи.

Наслаждаясь спокойствием после оргазма и ощущением объятий Грэхема, я молчала. Мы оба молчали. Когда мы въехали в Манхэттен, я знала, что времени до прибытия в офис осталось немного, и почувствовала себя виноватой, что еще не спросила о прошлом вечере.

— Мне понравилась вчерашняя фотография с Хлоей и тобой в боа.

— Хлоя удивительная.

Я подняла голову с его груди, чтобы посмотреть, как он говорил. Его глаза светились, когда он рассказывал о ней.

— Она умная и забавная. И саркастичная. И красивая. — Он погладил мою щеку. — На самом деле, она очень похожа на тебя.

— Ее мать умная и красивая.

— Буду я выглядеть сумасшедшим, если скажу, что, когда пришел домой вчера, мечтал, чтобы она была нашей?

— Достаточно сумасшедшим, — я сделала паузу, — но также честным и милым.

— Не могу дождаться, когда вы познакомитесь.

Это ужасало меня.

— Не уверена, что готова к этому.

Грэхем кивнул, будто понял, хотя я видела боль в его глазах.

— Но я хочу услышать все о ней от тебя. Мне кажется, торопиться не стоит. Я почти ничего не знаю о детях, и мы все еще определяемся с нашими отношениями.

Я почувствовала, как напряглось его тело.

— Я уже определился с нашими отношениями.

— Я не имела в виду...

— Все в порядке. Я понял, Сорайя.

Дорогая Ида.

Мы с моим парнем вместе чуть больше месяца. Я люблю его, и он сказал, что тоже меня любит. Проблема в том, что с ним я не чувствую себя особенной, нужной или желанной. Он никогда не стремится со мной встретиться, и мне часто приходится проявлять инициативу в сексе. Я пыталась с ним поговорить на эту тему, но ничего не изменилось. Разве я веду себя глупо, если хочу чувствовать себя нужной?

Криста, Джерси.

Я продолжала просматривать ежедневную почту, откладывая в сторону те письма, у которых, как я думала, был потенциал.

Дорогая Ида.

Мы с моим парнем Брэдом съехались шесть месяцев назад. Через неделю после подписания договора аренды он потерял работу...

Дорогая Ида.

Кажется, у моего мужа пропало сексуальное желание...

Дорогая Ида.

Я встречаюсь с внимательным и заботливым мужчиной. Проблема в том, что он лентяй и...

Дорогая Ида.

Боюсь, что пару лет назад дала любви всей своей жизни ускользнуть сквозь пальцы. Все, кого я встречаю, бледнеют...

К моменту, когда я закончила, мне хотелось биться головой об стол. Я уже чувствовала себя отвратительно из-за того, как мы с Грэхемом разошлись сегодня утром. Читая про все эти проблемы в отношениях, я поняла, какой неблагодарной была на самом деле. Вот Грэхем проделал весь этот путь до Бруклина, чтобы подвезти меня, отложив все дела, чтобы сказать мне, как сильно он по мне скучал (не говоря уже о том, что доставил мне чертовски впечатляющий утренний оргазм, не удовлетворив при этом себя физически). А что сделала я? Заставила его чувствовать себя дерьямо. *Отличная работа, Сорайя.*

Дело было в том, что я чертовски сильно его хотела — намного сильнее, чем когда-либо думала, что можно ТАК想要 другого человека. И эта мысль пугала меня до чертков. А теперь даже больше, когда у него появился ребенок. Я откинулась на спинку кресла и попыталась представить жизнь без Грэхема. Чтобы понять, как я попала, не понадобилось много времени. Потому что у меня не получалось. Это также заставило меня понять, что я была ужасной девушкой.

Сделав глубокий вдох, я потянулась к телефону.

Сорайя: Извини за сегодняшнее утро. Я очень хочу встретиться с Хлоей.

Маленькие точки незамедлительно начали прыгать. Мне было интересно, он тоже не мог сконцентрироваться на работе из-за того, как все прошло утром?

Грэхем: Ты уверена?

Сорайя: Она — продолжение тебя, а я хочу узнать всего тебя.

Телефон молчал несколько минут, и я терпеливо ждала ответа.

Грэхем: Спасибо, Сорайя.

Сорайя: Нет. Тебе спасибо.

Грэхем: За это утро?

Сорайя: За то, что ты такой.

После этого я немного успокоилась. По крайней мере, на несколько дней. До субботы, пока мы не пошли на ланч, чтобы встретиться с Женевьевой и Хлоей.

— Ты ведь сказал Женевьеве, что я приду?

— Да.

— И она не возражала?

Грэхем сжал зубы, но ничего не сказал. Впрочем, ему и не нужно было.

— Она не хочет, чтобы я там была, — вздохнула я.

— Не важно, чего она хочет.

— Конечно, важно. Она — мать Хлои.

Мы сидели на заднем сиденье машины Грэхема, движение было спокойным, и мы ехали раньше на полчаса. Мои нервы были и так на грани, а от этой маленькой новости — что Женевьеве не хотела, чтобы я там была — у меня разболелась голова.

— Если бы у нее была веская причина, а не просто беспричинное беспокойство, я согласился бы отложить знакомство с тобой. Но ее нет, и это важно для меня. — Он потянулся к моей руке и сжал ее.

— Тогда о чем она беспокоится?

И снова Грэхем сжал зубы и ответил:

— Не важно.

Хотя мне хотелось все разузнать, я оставила его в покое. Преимущественно потому, что мы подъехали на 3-ю Авеню, и Луис нас прервал.

— 60-ая перекрыта. Какой-то кран на улице, поэтому перекрыли весь квартал.

— Все в порядке. Мы выйдем здесь, — ответил Грэхем.

Грэхем вышел из машины, проверил часы, а затем протянул руку мне, чтобы помочь выйти, и не отпускал после того, как закрыл за мной дверь.

— Ты хочешь пойти в ресторан пораньше?

— На улице хорошо. Почему бы нам не прогуляться по кварталу? — Мне казалось, сидеть и ждать будет тяжелее, чем прогуляться в такой прекрасный день.

В середине нашего пути мы проходили мимо танцевальной студии *West Side Steps*.

— Хлоя сейчас здесь?

Женевьеве сказала Грэхему, что Хлоя начала ходить на новые танцевальные занятия недалеко от ресторана *Serendipity 3*.

— Я не знаю. — Мы замедлились, но большое фасадное окно было зеркальным, так что ничего не было видно. Как только мы отошли, нас окликнул женский голос:

— Грэхем. — Повернувшись, мы увидели Женевьеву, придерживающую дверь танцевальной студии.

— Женевьеве. — Грэхем кивнул. — Ты помнишь Сорайю.

Она сверкнула отрепетированной улыбкой в несколько мегаватт.

— Конечно. Приятно тебя видеть.

Ага, конечно.

— Занятия будут идти еще двадцать минут. Но ты можешь посмотреть из смотровой комнаты. Там одностороннее зеркало, поэтому она не увидит, как ты за ней наблюдаешь.

Грэхем посмотрел на меня, и я кивнула.

Внутри смотровая комната была заполнена родителями. Большинство просто сидели и болтали, не глядя через стекло на класс по ту сторону. Грэхем нерешительно подошел к окну. В комнате было много девочек четырех и пяти лет в балетных пачках. Я оглядела море розового цвета в поисках Хлои. Она выделялась, даже если бы не была самой очаровательной девочкой в зале. Ее одежда была неоново зеленой, в то время как другие девочки были одеты в нежно-розовый.

— Она отказывается подчиниться и носить то, что носят другие девочки в классе. Надеюсь, она перерастет это.

Грэхем просто продолжал зачарованно смотреть на маленьющую девочку.

— Надеюсь, что не перерастет.

Женевьеве прищурилась, глядя на меня. На ней был кремовый брючный костюм с голубым шелковым топом, который был женственным, дорогим и стильным. Такое точно не увидишь на многих женщинах в Верхнем Вест-Сайде.

— Это новые занятия для нее. Обычно она приходила вечером во вторник, пока ее отец... — Она поняла, что только что сказала и исправилась: — Пока Лиам был в тренажерном зале через дорогу. Последнее занятие было несколько недель назад, и я подумала, что было бы лучше поменять на выходные, так она не будет вспоминать, как было раньше.

Грэхем кивнул.

Рядом прошла беременная женщина.

— Вы мама Хлои, да?

— Да.

Она протянула руку, которая до этого лежала на ее огромном животе.

— Я мама Анны, Кэтрин. Анна без устали говорила о Хлое в прошлые выходные после занятий. Может, мы иногда будем встречаться с девочками?

— Конечно. Я уверена, Хлоя будет рада.

Грэхем оставался прикован к стеклу, он следил за каждым движением Хлои, но повернулся, чтобы поздороваться с Кэтрин.

Женщина улыбнулась.

— Вы, должно быть, отец Хлои. Она ваша точная копия, не так ли?

Грэхем замер, уставившись на Женевьеву.

Она уклончиво представила его.

— Кэтрин, это Грэхем Морган.

Женщина протянула руку и посмотрела на меня, так как я стояла к ней лицом.

— А вы няня?

Это привело Грэхема в чувства, и он властно обернул руку вокруг моей талии.

— Это Сорайя. Моя девушка.

Грэхем этого не заметил, но Женевьеву перехватила мой взгляд, и ее глаза засияли от удовольствия. *Сучка*.

Мы вышли до того, как занятие закончилось, поскольку не хотели, чтобы Хлоя увидела нас там, и сказали Женевьеве, что встретимся с ними в ресторане.

Свежий воздух ощущался так приятно на улице. Я, наконец, смогла дышать.

— Я не нравлюсь этой женщине.

— Она ревнует к тебе. Она всегда была неуверенной в своей внешности.

— Женевьеву? Она красивая.

Грэхем остановился посреди улицы.

— Она привлекательна, конечно. Но она обычная. В отличие от тебя. — Он потянулся и обхватил мои щеки ладонями. — Ты удивительная.

Он был совершенно серьезен, и от того, как он на меня смотрел, вновь зародившиеся внутри меня сомнения тут же развеялись.

Пятнадцать минут спустя Хлоя буквально вприпрыжку вбежала в ресторан. Она не переоделась, и невозможно было не улыбнуться, глядя на нее. После краткой паузы, когда Женевьеву указала на наш стол, она пропрыгала оставшийся путь к нам. Грэхем встал.

— Хлоя. — Он кивнул и улыбнулся.

— Крекер. — Она отклонилась назад и, пытаясь дать пять, хлопнула рукой в воздухе около Грэхема, вложив всю свою силу. Он был застигнут врасплох, почти пропустив этот контакт рук. Этот обмен был таким смешным. Давать пять было так... не *по-Грэхемски*.

Когда он сел обратно, я наклонилась к нему.

— Крекер?

В ответ он прошептал:

— Как крекер Грэхема. Очевидно, у меня появилось прозвище.

— Как тебя зовут? — Хлоя забралась на стул и села на колени. Она сидела прямо напротив меня.

— Меня зовут Сорайя. Рада с тобой познакомиться, Хлоя.

— Сорайя?

— Правильно. — *C первой попытки*.

— Мне нравятся твои волосы. Мам, я хочу сделать так же.

Женевьеву взяла меню.

— Я так не думаю.

— Ты жена Грэхема?

— Нет.

— Ты его...

Женевьеву снова перебила свою любопытную дочь.

— Сорайя подруга Грэхема, милая. А теперь, почему бы тебе не сесть на стул правильно?

Она пожала плечами.

— Но мне нравится сидеть на коленях. Мне так проще дотягиваться.

— Сядь. Если тебе что-то понадобится, а ты не сможешь дотянуться, то я передам тебе. Хлоя надулась, но опустила попу на стул, как полагается.

— Ты помнишь, как мы приходили сюда после завершения сделки с Донованом? — спросила Женевьеву у Грэхема.

— Нет. — Его ответ был быстрым. Было очевидно, что он помнит, но пытается сменить тему.

Опустив глаза к меню, Женевьеву широко улыбнулась.

— Очень плохо. Но я уверена, ты помнишь, что было позже вечером.

— Крекер, что ты закажешь?

— Я еще не знаю, Хлоя. А что ты хочешь?

Она скривилась лицо и прижала указательный палец к носу, глубоко задумавшись.

— Охлажденный горячий шоколад.

— Я так понимаю, ты уже была тут раньше?

— Я приходила сюда с папой каждую неделю после танцев. — Лицо Хлои помрачнело.

Со следующим вопросом она обратилась ко мне: — Ты тоже знала моего папу, Сорайя?

— Эм-м-м...

Грэхем положил руку мне на колено под столом и ответил за меня.

— Она не была знакома с твоим папой, Хлоя.

— Знаешь, что мой папа заказывал каждую неделю?

— Что?

Она сморщила носик, будто учудила что-то.

— Кофе.

Грэхем отложил меню. Он даже не взглянул на него.

— Я буду то же, что и ты, Хлоя.

Она так широко улыбнулась, что я могла практические пересчитать ее маленькие белые зубки. Когда официант подошел принять заказ, я тоже заказала охлажденный горячий шоколад. Женевьеву заказала просто кофе. Он оставил Хлое баночку с карандашами и бумажное детское меню для раскрашивания. Она тут же принялась за работу.

— Какой твой любимый цвет, Крекер?

— Синий. — Грэхем прищурился, задерживая взгляд на кончиках моих волос. — А у тебя?

— Зеленый. Я хотела покрасить комнату в зеленый, но мамочка сказала, что этот цвет не проходит для комнаты девочки.

Женевьеву вмешалась.

— Подходит. Я сказала, что он не подходит для комнаты маленькой девочки.

Хлоя пожала плечами и вернулась к раскрашиванию.

— Итак, Сорайя. Чем ты занимаешься? — спросила Женевьеву.

— Я работаю на автора колонки «Спросите Иду».

— Колонка об отношениях?

— Да.

Она изобразила улыбку.

— Я запомню это, если вдруг мне понадобится совет в следующий раз.

Я кивнула.

— Как вы двое познакомились?

— Грэхем написал в колонку с вопросом об отношениях несколько лет назад.

— Написал? — Женевьеву широко распахнула глаза.

Хотя я вполне наслаждалась ее реакцией, я поняла, что лучше не издеваться над ней слишком много.

— Я просто шучу. Мы встретились в поезде. Ну... вроде того. Грэхем выронил телефон, а я его нашла.

— Грэхем ехал на поезде?

— Да, в тот день.

Грэхем сжал мое колено.

— Мамочка не ездит на поезд. Мы с папочкой обычно ездили на нем вдвоем! — объявила Хлоя. Разговоры о Лиаме, кажется, ее не расстраивали, как я думала. Она продолжала раскрашивать, а потом снова приложила указательный пальчик к носу. Очевидно, так она думает, и это было чертовски очаровательно. — Вы приедете на мой день рождения?

Я увидела, как Грэхем мгновенно поник. *Он не знал, когда день рождения у его дочери.* Ему столько всего нужно было узнать.

Поэтому я спросила:

— Когда у тебя день рождения?

— 29 мая.

— А какой праздник у тебя будет?

— Праздник Принцессы. Вы приедете?

Я глянула на Женевьеву, чтобы она помогла.

— Праздник будет в нашем летнем доме в Хэмптоне.

Хлоя перебила:

— Он большой. Вы сможете остаться с нами.

— Я как раз собиралась спросить Грэхема, захочет ли он к нам присоединиться, Хлоя. Она ясно подчеркнула, что приглашает только его.

Грэхему, казалось, было наплевать.

— Мы с Сорайей будем очень рады прийти на твой день рождения, Хлоя. Мы посмотрим, получится ли у нас. Спасибо за приглашение.

Когда пришло время уходить, по глазам Грэхема я увидела, что он был не готов пока оставить дочь. *Его дочь.* Это все еще казалось нереальным. На улице перед рестораном Хлоя быстро обняла меня на прощание и повернулась к Грэхему. Он присел на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне, и спросил:

— Что ты хочешь на свой день рождения, дорогая?

Хлоя прижала пальчик к своему носику и посмотрела на небо. Затем заглянула Грэхему прямо в глаза и выдала ответ, в котором заключалась вся ирония судьбы.

— Я хочу, чтобы папа вернулся.

Глава 22

Грэхем

В течение нескольких недель Женевьевы прошла путь от далекого воспоминания до звонков на регулярной основе и внезапных появлений в моем офисе.

Я снял очки и потер руками лицо, прежде чем нажать кнопку интеркома.

— Пропустите ее.

Женевьевы прошествовала в мой кабинет и уселась в кресло напротив моего стола.

— Нам нужно поговорить.

— С Хлоей все хорошо?

— Она в порядке.

— Тогда что ты здесь делаешь, Женевьевы?

— Я только что сказала, нам нужно поговорить.

Я надел очки и, погрузившись в кучу бумаг на столе, сказал, не глядя на нее:

— Я занят. Запиши на встречу по пути на выход.

Она громко вздохнула, но не сдвинулась с места.

— День рождения Хлои — *семейный* праздник.

— И...

— Ты должен быть там.

— Я сказал тебе в тот раз, когда мы разговаривали, что мы приедем.

— *Она* не член семьи.

— Пока нет.

Женевьевы уставилась на меня.

— Ты же не серьезно? Говорить что-то подобное? Как долго вы знаете друг друга?

Сейчас тебе нужно думать о дочери. Как отец, ты не должен знакомить свою дочь с кем-то, кого едва знаешь. Хлоя может привязаться к ней.

— Мне это прекрасно известно.

— Вы едва знаете друг друга. Сколько вы знакомы? Месяц? Два?

— Я знаю ее лучше, чем когда-либо знал тебя.

— Мы были вместе три года.

— И все-таки, я не знал ту женщину, которой ты была. На что ты была способна.

— Это несправедливо.

— Совсем наоборот. Я был чрезвычайно справедлив к тебе. Больше, чем ты заслуживаешь. Ты спала с моим лучшим другом, лишила меня дочери на четыре года, а сейчас появляешься в моем офисе без предупреждения и оскорбляешь дорогого мне человека.

— Она тебе не подходит.

— Дай угадаю. Ты подходишь?

— Ну... да. Мы одного уровня, Грэхем.

— Я так не думаю. Я бы никогда не трахнул Эйвери.

Женевьевы вздрогнула, но быстро опомнилась. Выпрямив спину, она сказала.

— У нее проколот язык. Я видела в прошлый раз.

— Да. И это официально ощущается на моем члене.

Она прищурилась.

— Это не продлится долго.

— Выметайся, Женевьевы. Мне надо работать.

— Я просто пытаюсь защитить свою дочь.

— *Нашу* дочь.

— Так я и сказала

— Уходи. — Я указал на дверь.

— Отлично, — она встала, — но не говори, что я не предупреждала, — выплюнула она.

Тем вечером мы с Сорайей пошли поужинать. Так как я уже разъяснил Женевьеве, что Сорайя придет со мной на день рождения Хлои, осталось только уговорить Сорайю пойти. Она уже озвучивала свои сомнения. Я не поднимал эту тему во время еды, так как подумал, что лучше накормить ее хорошей едой и напоить вином, а потом уже действовать.

Весь последний час я потратил на доведения ее до оргазма сначала ртом, а потом мы занимались любовью, и я был сзади. Когда она удовлетворенно и расслабленно вздохнула, я решил, что пора действовать. Лежа позади нее, я поцеловал ее обнаженное плечо и прижался к ней всем телом.

— Для меня будет много значить, если ты пойдешь со мной в эти выходные.

— Я не знаю, Грэхем.

Я уткнулся носом в ее волосы.

— Ты нужна мне там, рядом со мной.

— Тебе нужно время с дочкой, и мы оба знаем, что Женевьеве я не нравлюсь.

— Это важно для меня. Я знаю, что ты сомневаешься. Я хочу, чтобы ты увидела, что у нас все получится, несмотря на все перемены.

— Грэхем...

— Пожалуйста? — мягко попросил я.

— Ладно, — побежденно согласилась она, но мне было все равно. Я был достаточно эгоистичен, чтобы добиться своего любым способом.

— Спасибо. Ты не пожалеешь о своем решении. Я обещаю.

Я думал об этом уже некоторое время. Все недавние перемены сделали это время подходящим для того, чтобы, наконец, принять решение.

Когда Луис привез меня в тату-салон Тига на 8-ой Авеню, я чувствовал, как меня колотило.

Когда я открыл дверь, зазвенел колокольчик. Как обычно, здесь пахло корицей и табаком. На заднем фоне играл Боб Марли. Находясь здесь, я, как ни странно, вспоминал свои дни в колледже.

Тиг достал сигарету из пачки и поприветствовал меня.

— Мистер Большой Придурок! Когда я увидел твое имя среди записавшихся, я чуть не обделался кирпичами. Какого черта? Неужели она все-таки лишила тебя рассудка?

— Ты ведь не сказал Сорайе, что я приду?

— Нет, — сказала Делия. — Когда ты позвонил, чтобы записаться, ты четко дал понять, что это будет сюрприз, поэтому мы не стали его портить. Правильно, Тиг?

Он провел меня к месту в углу.

— Ты знаешь, что хочешь?

— Да. Я точно знаю, что хочу. На самом деле, я даже попробовал зарисовать это для тебя. — Вытащив листок бумаги из кармана, я сказал: — Я рисую не так хорошо, как ты, но это даст тебе представление о том, что я придумал.

Тиг прикурил сигарету и прищурился, разглядывая мои попытки сделать дизайн татуировки.

— Я узнаю этот рисунок. — Он усмехнулся. — Хорошо. Думаю, мы можем сделать даже лучше. Ложись.

Я посмотрел на него, пока он готовил иглу.

— Она говорила что-нибудь о том, что с нами происходит?

Он выпустил из рта дым.

— Ты имеешь в виду вашу драму с мамашей и ребенком?

— Ага. Недавно я обнаружил, что у меня есть дочь — очевидно, ты в курсе об этом.

— Если бы она со мной об этом говорила, я бы ни хрена тебе не рассказал, чувак.

— Достаточно справедливо.

Черт. Я не собирался у него выпытывать.

Уколы иглы жгли мою грудь, когда он начал работать над узором. Несколько лет назад я бы ни за что не подумал, что буду делать вторую татуировку. Но каким-то образом это чувствовалось естественным. Казалось, это не просто отметка на теле. Это искусство, которое, в свою очередь, было выражением любви. Сорайе каким-то образом удалось заставить меня смотреть на многое под другим углом.

После нескольких минут молчаливого наблюдения за его работой, я выпалил:

— Я люблю ее, Тиг.

Он остановился и поднял руки.

— Погоди... погоди. Почему ты говоришь это мне?

— Потому что ты ее друг. У нее не так много близких людей.

— Ты когда-нибудь говорил эти три слова *ей*?

— Нет. У меня не было подходящей возможности, но я скажу. У меня сложилось впечатление, что ты все еще мне не доверяешь, однако важно, чтобы ты понимал: несмотря на недавние открытия, я в этом надолго.

— Послушай, я не собираюсь лезть в это. И я *не* «не доверяю» лично тебе. Но мне кажется, Сорайя так же серьезно в этому относится, и я могу, по крайней мере, воспринимать тебя серьезно. Если ты *ей* не безразличен, тогда я приму это и буду доверять ее суждениям.

— Хорошо... я ценю твою честность.

— Просто запомни, что я сказал. Не разбивай *ей* сердце, и я не разобью твое смазливое лицико.

Я проглотил свой гнев ради Сорайи.

— Еще с первого раза я достаточно ясно тебя услышал, Тиг.

Если бы этот парень не был лучшим другом Сорайи, я не стал бы терпеть это, но мне не надо, чтобы он меня оговаривал.

Закончив татуировку, Тиг прикрыл ее чистой повязкой. Я не мог дождаться, когда смогу показать ее Сорайе.

Делия вышла из-за угла, когда я поднялся с кресла.

— Так как ты осмелел, МБП, я буду рада проколоть тебе что-нибудь, пока ты здесь.

— МБП?

— Мистер Большой Придурок.

— Ах, да, конечно. — Я закатил глаза и бросил на стойку пачку наличных, в три раза больше, чем должен был.

Она взяла деньги и положила их в кассу.

— Итак... проколем член? Че скажешь?

От основания до кончика моего члена пробежала дрожь.

Ауч.

— Не все сразу, Делия.

— Ладно, — она пожала плечами, — я хотя бы попыталась.

Следующим вечером я едва сдерживал свое волнение, когда после работы направлялся к Сорайе, чтобы сделать ей сюрприз. Повязку можно было снять, и я мог, наконец, показать ей мою татуировку.

Так как день рождения Хлои уже в эти выходные, сегодня вечером подходящее время, чтобы показать тату. Это напомнит Сорайе, что она важна для меня.

Я задержался на работе и решил заехать к ней без предупреждения с едой из ее любимого мексиканского ресторана.

Сорайя впустила меня внутрь без вопросов, но, когда она открыла дверь, ее настроение,казалось, испортилось.

— Грэхем... Я не ждала тебя. Проходи.

Притянув ее к себе, я провел рукой по ее спине и сжал попку.

— Ты не рада меня видеть?

— Нет, рада.

Я положил пакет с едой на кухонный стол.

— У меня для тебя сюрприз. Я не мог дождаться, когда смогу прийти к тебе сегодня и показать это.

— Что это?

Сняв пиджак, я сказал:

— Давай сначала поедим. Я принес твои любимые энчиладос из *No Way Jose's*.

На протяжении всего ужина Сорайя была тихой. Что-то определенно было не так. Я задумался, может, она просто нервничала из-за поездки в Хэмптон в эти выходные?

Я взял ее тарелку.

— Хочешь поговорить о том, что тебя беспокоит?

Уклоняясь от моего вопроса, она сказала:

— Не очень. Расскажи мне сначала о сюрпризе.

Было как-то странно показывать ей татуировку, когда она была в таком мрачном настроении. Я не так представлял себе этот момент, но не мог больше прятать ее, так как позже собрался вытряхать из Сорайи это плохое настроение. Она, так или иначе, увидит мою грудь.

— Ладно... Это кое-что, что я хотел сделать уже давно. Я, наконец, собрался и сделал это. Надеюсь, тебе понравится.

Сорайя закусила губу в предвкушении, пока я медленно расстегивал свою рубашку. Мое сердце колотилось. Что, если она подумает, что я ненормальный? Черт. Было слишком поздно. Она смотрела, как я убирал повязку.

— Она все еще немного красная, — сказал я, сильно нервничая.

Она прикрыла рот.

— О боже, Грэхем... Это...

— Тебе нравится?

Ее глаза засияли.

— Это потрясающе. — Она посмотрела на свою ногу. — Она точно такая же, как моя.

— Конечно. Тиг сделал так.

Сорайя обвела область вокруг моей татуировки и рассмотрела рисунок, стратегически расположенный прямо напротив моего сердца. Там было написано имя Сорайи. Под буквами была уменьшенная версия того же узора с пером, как у нее на ноге.

— Я подумал, перо идеально подойдет к твоему имени. Наша история могла пойти по-другому, если бы я не смог узнать тебя по нему, когда мы впервые встретились. Я очень благодарен этому перу. — Сорайя все еще молча и восторженно смотрела на татуировку, когда я сказал: — Знаешь, то, что другая тату была далеко от моего сердца, это не совпадение. Ты — единственная женщина, которая им полностью владеет.

Скажи ей, что любишь ее.

Почему так чертовски трудно просто сказать это?

Потому что ты боишься, что чувства не взаимны.

Она все еще обводила пальцем татуировку. Я накрыл ее пальцы ладонью, чтобы остановить и привлечь внимание.

— Сорайя... я лю...

— Грэхем, я... мы... задержались.

Задержались?

— Что?

— Я... У меня... задержалась...

— Ты задержалась? Что это значит? Ты куда-то опаздываешь?

— Мои месячные. У меня задержка. Я боюсь.

Я моргнул несколько раз.

— Ты думаешь, что можешь быть беременна?

— Я на таблетках. Маловероятно, но у меня никогда не было задержек. Поэтому я переживаю. Я просто посмотрела на календарь и только сегодня поняла.

Ну, теперь ее странное настроение обрело смысл.

— Могут быть другие объяснения этому?

— Я читала, что стресс иногда может вызвать задержку. Так что, я надеюсь на это. Ведь это последнее, что тебе сейчас нужно.

— Ты беспокоилась обо *мне*?

— Да. Конечно о тебе! Ты только что столкнулся с тем, что у тебя есть ребенок. Это будет слишком. — Она закрыла лицо руками. — Слишком, черт возьми.

Я убрал ее руки от лица и притянул к себе.

— Сорайя, я согласен, что время не идеальное, но даже не сомневайся: я абсолютно не расстроен из-за вероятности, что ты можешь носить моего ребенка. Я не думаю, что ты готова... нет... но, если это случится, я приму это как благословение.

Она посмотрела на меня.

— Правда?

— Да... правда. — Я обхватил ее щеки, улыбнулся и повторил: — Правда.

— Спасибо, что говоришь это, потому что я очень боялась просто сказать об этом.

— Не бойся. Тебе никогда не придется сталкиваться с чем-нибудь в одиночку.

Мне необходимо было знать.

— Мы можем сделать тест? — спросил я.

— Не знаю, готова ли я. Не хочу делать его слишком рано, может получиться ложный результат. Я подожду пока пройдут выходные... когда переживем вечеринку. Потом мы это сделаем.

— Все, что хочешь.

По выражению ее лица я знал, что она молилась, чтобы не быть беременной.

Был ли я сумасшедшим, если желал совершенно обратного?

Глава 23

Сорайя

Два часа дороги до Ист-Хэмптона субботним утром прошли на удивление гладко и почти без пробок. Учитывая, что в эти выходные был День Поминовения, мы ожидали гораздо худшего. (*Примеч. День Поминовения (англ. Memorial Day) — национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая. Этот день посвящен памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых США когда-либо принимали участие.*) Сезон еще только начался, и погода стояла довольно прохладная — может, поэтому большинство жителей Нью-Йорка еще не начали свои вылазки из города по выходным.

Грэхем дал Луису отгул на все выходные, предпочитая ехать в Хэмптон на своем «БМВ». Он опустил все окна, мои волосы разевались на ветру, и на нас были надеты солнцезащитные очки. Жизнь прекрасна. Я пообещала, что не дам своей задержке или приближающейся встрече с Женевьевой испортить отдых на выходных.

Грэхем забронировал нам номер в пансионе с завтраками неподалеку от загородного дома Женевьевы. Но мы поедем сразу на праздник, так как он не хотел опаздывать. Заднее сиденье было завалено упакованными в бумагу пастельных тонов подарками. Очевидно, Грэхем почувствовал необходимость компенсировать все дни рождения Хлои, которые он пропустил. Он поручил секретарю скупить практически всю секцию для девочек в магазине игрушек.

Во время поездки Грэхем был очень внимателен ко всем моим нуждам, спрашивая, все ли у меня хорошо, хочу ли я пить, не холодно ли мне. Я знала, что из головы у него не шла та небольшая вероятность, что я могу быть беременна. Я тоже постоянно об этом думала.

Меня, на самом деле, не удивило, что он воспринял новость о моей задержке так хорошо. Грэхем будет замечательным отцом, он уже это доказывал. Он достиг того периода в своей жизни, когда готов к отцовству. С другой стороны, я все еще не была уверена, хочу ли детей, поэтому перспектива беременности, особенно учитывая ситуацию с Хлоей, была ужасающей. Мы были на разных сторонах в этом вопросе, настолько, что это вызывало беспокойство.

В какой-то момент поездки Грэхем повернулся ко мне.

— Ты когда-нибудь была в Хэмптоне?

— Никогда. Только в Рокавей и на Кони-Айленд. Всегда хотела выбраться, но никогда не выпадало ни возможности, ни денег на бронь.

— Я думаю, тебе понравится. Там много небольших галерей и магазинов. Мы немного осмотримся завтра.

— Я рада просто выбраться из города. Неважно, что мы будем делать.

— Ну, я бы хотел отвезти тебя в настоящий отпуск в ближайшее время. На работе должно все устаканиться через пару месяцев. Подумай, куда бы ты хотела поехать. Сен-Бартелеми, Гавайи, Европа. Так много вариантов. Я закажу самолет.

— Хорошо, мистер Модные Штанишки. Но можешь выбрать сам, потому что я не была нигде. В любом случае, неважно, я просто хочу быть с тобой.

Он сжал мою руку.

— Ты первый человек, сказавший эти слова, которому я действительно верю.

Иногда можно было легко забыть, каким богатым был Грэхем, поскольку он так расслаблялся рядом со мной. Он настаивал, что предпочтет ужин на полу из бумажных коробок походу в высококлассные рестораны по вечерам. Я часто задавалась вопросом, было ли это на самом деле его предпочтением или он просто потакал мне, чтобы казаться гораздо более приземленным, нежели он есть на самом деле. Мне не нужен был частный самолет или дорогой отпуск. По правде говоря, я любила простые вещи.

Когда мы свернули с шоссе, меня начало немного мутить. Внутри машины был приятный маленький оазис, который вскоре предстояло разрушить.

Через двадцать минут петляния по проселочным дорогам, мы подъехали к расположенному на берегу поместью Женевьевы. Большой обшитый деревом дом был практически скрыт пышными зелеными изгородями.

За черными коваными воротами можно было увидеть, каким огромным был дом с его белой отделкой, изогнутыми окнами и большой верандой вокруг. Если бы он мог говорить, он бы сказал: «*Это определенно не твой уровень, сучка из Бруклина*».

Грэхем оставил подарки в машине, решив достать их позже. Женщина в сером платье горничной встретила нас у крыльца и предложила «Мимозу». Я взяла и тут же поставила бокал обратно, вспомнив, что есть небольшая вероятность беременности. Черт. Мне действительно нужен алкоголь сегодня.

— Идите прямо через дом к стеклянным дверям, ведущим на задний двор, — сказала она.

Почувствовав мое беспокойство, Грэхем в защитном жесте положил руку мне на поясницу, пока мы заходили внутрь.

Фойе было буквально заполнено лавандой и гортензиями. Когда мы проходили через дом, в это время Женевьева находилась в большой белоснежной кухне, оформляя еще больше цветов.

— Грэхем, ты все-таки смог! — улыбнулась она.

Вытерев руки, она обошла гранитную столешницу, чтобы поприветствовать нас. Она, кажется, собиралась обнять его, но остановилась, возможно, потому, что почувствовала его недовольство. Не говоря уже о том, что он не ослабил хватки на моем теле.

Ее взгляд оставался прикован к Грэхему.

— Хлоя снаружи играет со своими друзьями. Взрослые тоже где-то во дворе. Ты помнишь Брэта Аллэндейла. Он здесь со своей женой Лаурой. И Джим с Лесли Стайнхаусы.

Так как она решила меня проигнорировать, я прочистила горло и сказала:

— У тебя прекрасный дом.

— Спасибо. Грэхем выбирал эту недвижимость, вообще-то.

В замешательстве я посмотрела на него в поисках подтверждения, но он молчал. Вместо этого лишь усилил хватку на мне.

Она продолжила:

— Это было нашим летним местом... прежде чем все изменилось.

Грэхем, наконец, заговорил:

— Дом был записан на нас обоих когда-то... пока я с удовольствием не продал свою долю Лиаму. — Он посмотрел на двери, ведущие во внутренний двор. — Мы пойдем и найдем Хлою. — Грэхем вывел меня наружу, не сказав больше ни слова Женевьеве.

В центре большого двора был крытый бассейн. Слева располагался яркий зеленый теннисный корт. Справа на большом газоне бегала, по крайней мере, дюжина девочек в пышных платьях. Большой надувной дом-батут в форме замка принцессы был установлен рядом с аппаратом для розовой сахарной ваты. Также рядом был импровизированный салон красоты, где девочки могли сделать прически, как у принцесс. Женевьеве, определенно, все продумала.

Грэхем смотрел на детей, пытаясь найти Хлою.

— Так... это был *твой* дом, Грэхем?

— Да... недолгое время. Я записал его на нас двоих после помолвки. Потом, когда узнал о том, что происходит, я не хотел иметь с ними ничего общего. Повсюду были следы Женевьевы. Мне было легче продать его Лиаму и покончить со всем.

— Но ты выбирал дом. Тебе, наверное, тяжело было бросить его.

— Да. Мне нравилось, что он рядом с водой. Архитектура тоже очаровывает.

— Определенно. У тебя хороший вкус.

Он наклонился ко мне и уткнулся носом в ухо.

— Я бы сказал, что да.

Должна признать, из-за того факта, что это место когда-то было его с Женевьевой любовным гнездышком, я чувствовала себя здесь некомфортно.

Я огляделась, все были одеты достаточно консервативно. В своей белой приталенной футболке поло Грэхем прекрасно вписывался. Я выделялась в своем синем платье без бретелей и синими в тон платью кончиками волос. Мне очень хотелось перекрасить их, но я пообещала себе оставить их синими, чтобы Грэхем не подумал, что я слетаю с катушек.

Когда Хлоя увидела Грэхема, она прыжком побежала к нему.

— Крекер Грэхема!

Он присел на колени, раскинув руки, пока она бежала к нему, потом притворился, что падает, когда она бросилась к нему в руки.

— С днем рождения, милая.

Отстранившись от него, она посмотрела на меня.

— Привет, Сорайя.

— Привет, Хлоя. — Я наклонилась. — Могу я тебя тоже обнять? — Мы обнялись, и она легонько поцеловала меня в щеку. Ее губы были липкими от сладкой ваты.

Она снова обхватила руками шею Грэхема.

— Ты побегаешь с нами?

— Конечно. Ты сегодня именинница. Все, что захочешь. Почему бы тебе не вернуться к друзьям на минутку? Я сейчас подойду, хорошо?

Хлоя энергично кивнула и побежала обратно к другим девочкам.

Он встал.

— Ты не возражаешь, если я оставлю тебя среди волков ненадолго?

— Конечно. Мы здесь ради Хлои. С остальными я справлюсь.

— Я все тебе компенсирую позже. Обещаю, — прошептал он мне на ухо, вызывая дрожь по всему телу.

Грэхем побежал к Хлое, а я восторженно смотрела, как он направлялся к ней. Выполняя ее просьбу, он бегал кругами, гоняясь за девочками. Он возвышался над ними. Играя роль какого-то монстра. Я усмехнулась, когда он упал на землю и позволил им побить себя. Казалось, на него напало облако розового шифона.

Я не могла перестать думать о том, что могу быть беременна его ребенком, и это не было худшим в жизни. Чем больше я за ним наблюдала, тем больше понимала, что хочу разделить с ним жизнь. Но это будет не просто. Женевьеве всегда будет ее частью.

Разговор стоящих неподалеку женщин отвлек мое внимание от Грэхема и девочек.

— Это Грэхем Морган там.

— Да. Ты знаешь эту историю, да? Что Грэхем на самом деле биологический отец Хлои?

— Самый ужасный из всех секретов, если ты меня спросишь.

— Очевидно, знали все, кроме него.

— Кошмар.

— Представь себе. Одна женщина и два красавчика.

— Похоже на одну из твоих книг, Элиз.

— Я знаю, очень похоже.

— Мне кажется, Грэхем потерял голову на какое-то время, после того как Женевьеве ушла к Лиаму. Оборвал связи со многими людьми. Он очень ее любил. Очевидно, после того, как узнал об их интрижке, он был так разбит, что приехал сюда и выбил половину окон в доме.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Ого. Я бы завела интрижку, только чтобы посмотреть, если Стенли хотя бы на половину так же помешан на мне.

— Она расплатилась за свои ошибки, бедняжка. Овдоветь такой молодой. Мы все поступали безрассудно, когда были молоды. Она не заслужила таких трудностей.

— Ну, приятно видеть его здесь с девочкой.

— Мне интересно, вдруг они воссоединятся ради дочки. У них получатся красивые дети.

— Это будет счастливым концом трагичной истории, не так ли?

Единственный хеппи-энд он получит со мной, сучка.

Прошло несколько минут, я была так поглощена мыслями о разговоре тех женщин, что не заметила, как Грэхем подкрался ко мне сзади и поцеловал в щеку. Когда сплетницы это увидели, их глаза практически выпадали из глазниц. Их маленькая фантазия о счастливом воссоединении быстро столкнулась с публичным выражением чувств Грэхема к кому-то, кого, скорее всего, посчитали обслуживающим персоналом вечеринки.

Я не удержалась и повернулась к ним с улыбкой.

— Сюжет меняется.

Грэхем в замешательстве посмотрел на меня, но не задавал вопросов.

Он осмотрел мое лицо.

— Как ты справляешься?

Я нацепила свою счастливейшую улыбку.

— Хорошо.

— Хлоя хочет открыть подарки, поэтому я пойду к машине за ними.

— Я помогу.

Нам пришлось сделать три ходки туда-сюда, чтобы принести все подарки. Когда мы вернулись, Женевьеву ставила на стол большой торт в форме платья с оборками. Все девочки порхали вокруг него, как мушки.

Женевьеву наняла профессионального фотографа. Когда пришло время Хлое задувать свечи, она махнула Грэхему рукой, чтобы тот встал рядом для снимка.

Фотограф несколько раз сфотографировал Женевьеву с Грэхемом вместе с Хлоей. От этой картины у меня внутри все переворачивалось, так как я продолжала вспоминать, что говорили те женщины. Я не была против, чтобы Грэхем фотографировался с дочкой, но видеть его рядом с Женевьевой — это нервировало. Фотограф, скорее всего, предположил, что они женаты. Увидев их троих вместе, я задумалась: что было бы, если бы меня не было в его жизни? Эта сцена была как проблеск в стеклянном шаре, показывающем возможное будущее. Если бы меня не было, подумал бы Грэхем о воссоединении с ней? Он сказал мне, что нет, но изменилось бы его решение, если бы меня не было в его жизни? Я могу быть причиной, почему родители этой девочки не вместе. Мое собственное детство всплыло в памяти.

Была ли я Терезой для Хлои?

Мои мысли вернулись к Грэхему, который шел ко мне с двумя керамическими тарелками с тортом. Очевидно, праздник был слишком высокого класса для бумажных тарелок.

— Шоколадный. — Он подмигнул. — Твой любимый.

Мне не хватило смелости сказать, почему у меня пропал аппетит. Даже шоколад не сможет прогнать тревогу, появившуюся от осознания, что я была потенциальной разлучницей. Поэтому я глотала куски торта, пока мы стояли вместе и смотрели, как Хлоя открывает подарки.

Один час и кучи оберточной бумаги спустя мне нужно было отойти в туалет. Я не пила ничего, кроме воды и кофе без кофеина, так как алкоголь был под вопросом. Грэхем собирал какую-то игрушку для Хлои и не заметил, как я отошла.

Окно из ванной наверху открывало мне прекрасный вид на Грэхема, показывающего Хлое как ездить на «кузничеке». (Примеч.: имеется в виду прыгалка-пружинка). Во мне было столько противоречий, что мое сердце сжалось, когда я увидела лицо Хлои —

точную копию лица Грэхема. Мешала ли я идеальной сказке этой девочки о жизни под одной крышей с обоими родителями?

Потом я посмотрела на него. Мужчина, которого я люблю, даже не был уверен, люблю ли я его. Я хотела его для себя. И от этого чувствовала себя виноватой. Я была уверена, если бы захотела детей, он был бы единственным, кого я бы хотела видеть в роли отца.

Я отвела взгляд от них и села на унитаз. Посмотрев на трусики, я тут же увидела его. Ярко-красный. У меня начались месячные. Грудь болезненно сдавило.

Я ждала, что почувствую облегчение, но все было наоборот — полное разочарование. Это открыло мне правду, которую я не осознавала до этого момента: я хотела ребенка от него, даже если была не готова. Потому что я любила его. Вместо облегчения, кровь символизировала потерю чего-то, чего я хотела, но даже не осознавала.

К счастью, мое платье было темного цвета, и я взяла с собой в сумочке пару сменных трусииков и тампон, просто на всякий случай. Я вышла из ванной с меньшей надеждой, чем входила туда, зная, что сегодня мне придется рассказать об этом Грэхему.

Я ненадолго остановилась возле свадебной фотографии Лиама и Женевьевы. Взглянув в глаза Лиама на фото, я прошептала ему: «Парень, после тебя остался такой бардак. Надеюсь, ты в лучшем месте».

Если до этого я думала, что у меня плохой день, стало совершенно ясно, что худшее еще впереди, когда увидела, кто ждет меня у лестницы.

— Женевьева.

— На пару слов, Сорайя, отойдем? — Не дав мне ответить, она показала мне следовать за ней и направилась к стеклянным дверям. Я чувствовала себя эмоционально вымотанной от того, что выяснилось в ванной, а она была последним человеком, с которым мне хотелось говорить в этот момент. Но я последовала за ней, как послушный щенок. Она закрыла двери за нами.

— Присядь. — Она указала на коричневый кожаный диван. В отличие от яркого и просторного дома, эта часть была темной и мужской. Встроенные шкафы вдоль стен и массивный стол из вишневого дерева с другой стороны комнаты. Женевьевы прошла за стол и открыла шкаф. Она достала красивую бутылку с напитком и два стакана, наполнила их янтарной жидкостью и один предложила мне.

— Нет, спасибо.

— Возьми. Тебе понадобится. — Ее натянутая улыбка сочилась больше злой, чем добротой.

К черту. Нет большие причин воздерживаться. Я взяла стакан и выпила половину одним глотком. Жидкость прожгла путь по моему горлу до самого желудка.

— Я подумала, настало время поговорить нам как женщина с женщиной.

— И так как ты завела меня в эту комнату, предполагаю, ты хочешь поговорить о чем-то, что Грэхем не должен услышать.

— Правильно. Некоторые вещи лучше держать между женщинами.

— Ну, дерзай, Женевьевы. — Я расположилась на диване. — Высказывай любые сучьи мысли, чтобы все мы могли двигаться дальше.

— Ладно, не буду ходить вокруг да около. — Она сделала глоток из своего стакана. — Я хочу, чтобы ты перестала трахаться с отцом моей дочери.

— Извини?

— Какую часть ты не поняла?

— У тебя нет никаких прав говорить мне, что делать.

— А вот тут ты ошибаешься. Твои действия имеют прямое влияние на мою дочь. Она заслуживает семьи.

— То, что Грэхем со мной, никак не влияет на Хлою.

— Конечно, влияет. Ты ведешь себя эгоистично.

— Я веду себя эгоистично? Ты спала с лучшим другом Грэхема и не говорила ему, что он отец Хлои, целых четыре года, чтобы твой муж не бросил тебя. И я тут эгоистка.

— Мы говорим не обо мне.

— Чертова с два, не о тебе. Ты только хочешь увести от меня Грэхема, чтобы снова вцепиться в него своими когтями. Это не имеет ничего общего с благополучием твоей дочери.

Она преувеличенно вздохнула.

— Ты не поймешь, Сорайя. Ты не мать.

В тот момент я почувствовала это. Бурление эмоций, прорывающихся наружу. Сначала случившееся в ванной, а теперь ее не очень тонкое напоминание.

— Нет. Я не мать.

— Это шанс для Хлои иметь семью. У нас с Грэхемом много общего. У нас похожий бизнес, мы вертимся в одинаковых социальных кругах и у нас общий ребенок.

— Он тебя не любит.

Женевьеве рассмеялась.

— Ты же не можешь быть такой наивной, правда? Верить какой-то нелепой фигне про то, что любовь все победит.

— Нет, но...

— Мы очень совместимы, и я мать его ребенка. Если ты исчезнешь, через несколько недель я уже снова буду отсасывать ему под его столом, а он напрочь забудет о твоем существовании.

Я вздрогнула. Так как я была в чрезвычайно эмоциональном состоянии, перед глазами возник образ Женевьевы под столом Грэхема, и это ощущалось так, будто меня физически ударили. Она улыбалась как волчица, только что увидевшая глупую овечку. А потом добила:

— Мы трахались прямо на этом диване, на котором ты сидишь. Это был его кабинет как-никак. Единственная комната, которую я оставила в том же виде, после того как все закончилось. Она напоминала мне о нем. — Она пожала плечами и допила напиток.

— Если ты думаешь, что Грэхем вернется к тебе после того, что ты с ним сделала, ты никогда его на самом деле не знала.

— Скажи мне, Сорайя. Кто единственная женщина в жизни Грэхема, которую он ценит больше, чем кого-либо?

— Его бабушка.

— И он все еще оплакивает смерть своей матери спустя более десяти лет. Ты можешь честно сказать мне, что *семья* не значит для него всё? — Она встала. — Он забудет тебя. Но он не сможет не просыпаться в том же доме, что и его дочь, каждый день.

Я посмотрел на Сорайю, не зная, как отказать своей дочери. Я мало провел времени с Хлоей, и совсем не хотел расстраивать ее, когда мы только встретились. Сорайя накрыла мою руку своей и сжала.

— А может так, Хлоя? Мы с Грэхемом вернемся завтра рано утром и позавтракаем. А затем он соберет твои подарки.

— Правда?

Сорайя кивнула мне, подбадривая, а затем, улыбаясь, повернулась обратно к Хлое.

— Конечно, дорогая.

Мы быстро со всеми попрощались, и Женевьева проводила нас до двери.

— Хлоя очень рада, что ты вернешься утром. Жаль, что не останешься на ночь. Здесь много комнат. — Она бросила взгляд на Сорайю. — Я знаю, ей понравится просыпаться под одной крышей со своим отцом, даже если она еще не знает, кто ты ей.

— Во сколько завтрак?

— Эйвери приедет из города утром, чтобы присоединиться к нам. Она будет здесь к девяти. Может, скажем, в 9:30?

— Хорошо. Увидимся утром.

— С нетерпением буду ждать, Грэхем. — Женевьева положила ладонь мне на плечо и понизила голос: — Хлое очень повезло, что у нее есть ты. Я знаю, что сделала несколько больших ошибок, но я надеюсь, ради ее блага, мы сможем пережить их. Я бы очень хотела, чтобы Хлоя узнала своего отца... чтобы у нее была настоящая семья.

Сорайя была необычно молчалива во время короткой поездки в гостиницу, даже после заселения. Когда мы залезли в кровать, я притянул ее к себе и попытался вывести на разговор о том, что происходило в ее прекрасной головке.

— Поговори со мной. Ты сегодня сама не своя. — Ее голова лежала на моей груди, прямо на сердце, а я гладил ее шелковые волосы в темноте.

За последние дни список того, что могло ее беспокоить, стал бесконечным. Мы провели выходной, посещая дом, которым я когда-то владел, и дочь, которую я только встретил... в то время как моя возможно беременная девушка чувствовала себя ущемленной из-за моей бывшей при каждой возможности. Почему я, черт возьми, вообще спрашиваю, что не так? Проще спросить, что было правильным. Хотя этот ответ был достаточно прост. *Она* была правильной. Даже несмотря на весь хаос вокруг, я не мог вспомнить такое время в своей жизни, когда все чувствовалось правильным. *Мы* были правильными.

— Я просто устала.

— Значит, это не из-за проведенного времени с моей гребаной сукой бывшей, или внезапно появившейся у меня четырехлетней дочки, или вероятности, что ты беременна? Я ничего не упускаю?

Она тихо усмехнулась и затем вздохнула.

— Ты пропускаешь завтрак с Эйвери. Это будет просто бомба.

— А. Да. Всего лишь праздник двух сучек за завтраком.

Сорайя снова замолчала после этого. Я ненавидел засыпать, не выяснив все до конца, но это был долгий день, а ей был необходим отдых. Минут через десять ее дыхание стало медленным и ровным, и я догадался, что она уснула. Я смотрел в темноту, крепко держа ее в объятиях, и понял, что нам не нужно вновь обсуждать этот день. Иногда невысказанные слова — единственные, что нужно сказать.

— Я люблю тебя, Сорайя, — прошептал я своей спящей красавице. — Я чертовски сильно тебя люблю.

— Который час? — Она потянулась так, что простынь, укрывавшая ее тело, соскользнула и открыла соски, выступавшие сквозь ткань белой маечки. Я тихо сидел за столом на другой стороне комнаты, работая с пяти утра, но перебрался в кровать, так как не мог удержаться и не накрыть губами этот открытый участок кожи.

Я опустил простынь пониже и задрал майку Сорайи, оставляя дорожку поцелуев на ее животе.

— Уже почти половина девятого. Ты действительно сильно устала. — Продвигаясь выше, я лизнул ее под грудью.

— М-м-м... — Звук, который она издала, я ощущил прямо в члене. — Напомни, во сколько завтрак?

— Я собираюсь позавтракать прямо сейчас, — Подняв ее майку над грудью, я сильно всосал твердую вершинку. Сорайя запуталась пальцами в моих волосах.

— Грэхем...

— Хм-м-м... — Я перешел к другому соску и покружил по нему языком, глядя на нее.

— Что я могу сделать для тебя, красавица? Хочешь, чтобы я полакомился тобой или мы поиграем в прятки с моим членом?

Она закрыла глаза, когда я укусил ее сосок. А когда громкий стон слетел с ее губ, я подумал, что кончу прямо в штаны, как мальчишка. *Держи себя в руках, Грэхем.*

Поднявшись вверх по ее телу, я проговорил у ее губ:

— Как это будет? Мне необходимо оказаться внутри тебя прямо сейчас, Сорайя. Решай, мой язык или мой член. — Я прошелся поцелуями от ее рта до ушка и обратно, прежде чем решить, что если она не ответит, я просто начну с груди и буду опускаться ниже, пока не закончу. Приняв решение, я отстранился, чтобы сказать ей, и то, что я увидел, ударило меня под дых. По ее лицу катились слезы.

— Сорайя? Что...

— У меня месячные.

— Ох, милая... — Закрыв глаза, я прислонился к ее лбу своим.

— Все в порядке. Я... Я... на самом деле, я не хотела быть беременной. — Она вытерла щеки. — Это просто произошло в неподходящий момент. Видеть тебя с дочкой, понимать, каким замечательным отцом ты будешь — мне кажется, я хотела быть частью этого.

— Я хотел этого больше всего на свете. Это может случиться не сегодня и не завтра, но когда-нибудь у нас это будет.

— Как ты можешь быть уверен?

— Когда дело касается тебя, у меня нет сомнений.

— Боже, Грэхем. Почему так больно? У меня чувство, будто я что-то потеряла, хотя у меня этого и не было. — Она долго плакала, пока я держал ее. Боль от того, как она расстроена, была практически невыносима. Несколько раз мне пришлось проглотить свои собственные слезы. Когда Сорайя, наконец, успокоилась, я так хотел сказать ей о своей любви, но боялся, что она подумает, будто я говорю это только из-за того, что она расстроена.

— Почему бы тебе не остаться тут, а я отлучусь, чтобы позавтракать с Хлоей, и вернусь обратно. Встречаться с Женевьевой тебе сейчас совсем не стоит.

— Но я хочу попрощаться с Хлоей.

— Ну, может, тогда так? До дома всего несколько километров. Я возьму такси и поеду на завтрак, а ты проведешь несколько часов в постели. Потом, когда почувствуешь себя нормально, чтобы пойти, ты можешь приехать за мной и попрощаться с Хлоей.

Она кивнула.

— Хорошо. Не думаю, что смогу выносить Эйвери и Женевьеву очень долго.

— Значит, так мы и поступим. — Я приподнял ее подбородок, заставив посмотреть мне в глаза. — Мы со всем этим справимся. Я обещаю. Хорошо?

В тот момент я и не представлял, что некоторые обещания непросто сдержать.

Глава 25

Сорайя

В номере стало слишком тихо, когда Грэхем ушел. Оставшись наедине со своими мыслями, я подняла телефон и положила его обратно, по крайней мере, дюжину раз. Кому мне вообще звонить? Нет никого, кому я могу позвонить и на чье непредвзятое мнение могу положиться. Всегда была Делия. Но они с Тигом вместе с пятнадцати лет, и она на самом деле верила в сказочный хеппи-энд. В ее реальность не входил маленький ребенок, коварная бывшая, детство с отцом, забывшим о ней, и матерью, слишком расстроенной, чтобы не выходить из дома годами.

Столкнувшись с необходимостью в помощи в данной ситуации, я сделала то, что никогда не думала, что сделаю. Я открыла ноутбук.

Дорогая Ида.

Я встречаюсь с мужчиной почти два месяца и уже сильно влюблена в него. Несколько недель назад он узнал, что у него есть дочь от бывшей девушки. Это некрасивая история, но, если по существу, она ему изменила, соврала об отцовстве и несколько лет держала его вдалеке от ребенка.

Конечно, его бывшая красивая, умная, у них одинаковая страсть к делу там, где они работают. Во многих областях эти двое больше совместимы, чем мы с ним. В довершение ко всему, она ясно дала мне понять, что хочет его вернуть.

Проблема в том, что он действительно неравнодушен ко мне, и я, в свою очередь, не хочу причинить ему боль.

Мне просто необходимо непредвзятое мнение в этом вопросе. Должна ли я вежливо откланяться и дать ему воспользоваться возможностью возродить отношения с бывшей, чтобы они смогли стать настоящей семьей? Я люблю его настолько, что готова идти на жертвы.

Тереза, Бруклин.

Написание этого письма произвело на меня неожиданный успокаивающий эффект. Я не ждала, что Ида поделится со мной своей мудростью. Чаще всего ее советы были полным дерьям. Но сам процесс написания письма, казалось, помог посмотреть на мои чувства в перспективе. Также это помогло мне понять, что, пока не настанет день, когда я решу откланяться, Женевьеве больше не будет трахать мой мозг.

По дороге к дому этой суки я врубила музыку на полную и пела песни во все горло. Я поняла, почему у атлетов перед соревнованиями, кажется, всегда надеты наушники. Им нужно зарядиться, чтобы не позволить сомнениям и страхам взять верх.

Проехав по длинной подъездной дорожке, я припарковалась и уставилась на величественный дом. В Хэмптоне было прекрасно, но я, определенно, принадлежала Бруклину. Когда я вышла из машины Грэхема, входная дверь открылась и оттуда вышла женщина. Она взглянула на меня, и на ее безупречном лице медленно растянулась злобная ухмылка.

— Самира. Как мило, что ты приехала.

Я изобразила свою лучшую улыбку, чтобы соответствовать ей.

— Эйнсли. Как прекрасно видеть тебя.

Эйвери выглядела удивленной. Она закурила сигарету, что меня сильно удивило.

— Сколько там уже? Семь, восемь недель? Я в шоке. Обычно, Грэхем выносит мусор по вторникам.

— Знаешь, как говорят: что ценно одному, для другого мусор.

Она сделала долгую затяжку, а затем выдохнула дым дюжиной маленьких колечек. С тех пор, как еще в девяностых мой дядя Гвидо бросил курить «Лаки Страйк» без фильтра, я не видела, чтобы так кто-то делал.

— Знаешь, от курения появляется рак, — я наклонилась к ней и прошептала, — и морщины.

После еще двух затяжек она выбросила сигарету в огромный горшок.

— В конце концов, ты ему наскучишь, и он одумается. Хороший минет или какие там услуги ты ему оказываешь, из-за чего он якшается с нищебродами, в итоге, ему надоест.

— Я бы спросила твоего мужа, так ли это, но по палке, застрявшей так глубоко в твоей заднице, и так догадываюсь, что у бедного мужика не все в порядке с головой.

Внутри дома было тихо, слышен только стук каблуков Эйвери.

— Где все?

Она налила себе чашку кофе и, конечно же, не предложила гостю. Посмотрев на меня поверх края чашки, она улыбнулась коварной улыбкой и сказала:

— Ты имеешь в виду счастливую семью?

— Я имела в виду Грэхема и Хлою.

— Мама, папа и их прекрасный ребенок сейчас на пляже, открывают первый купальный сезон для своей дочки.

— Это мило.

— Когда Грэхем и Женевьеве купили этот дом, обычно они, как кролики, трахались в океане. Подумай об этом, их дочь могла быть зачата здесь.

Эта сука была действительно нечто. Я выдавила еще одно «это мило», изо всех сил притворяясь, что она меня не достала. Но правда была в том, что я не могла не ревновать, думая о Грэхеме с Женевьевой. Очевидно, у них были сексуальные отношения. Мне просто не нужно представлять, как это выглядело.

Я подошла к стене с раздвижными стеклянными дверями, ведущими к заднему двору и дальше на пляж. В ста метрах впереди были Грэхем с Женевьевой. Они оба переодевались, а Хлоя воодушевленно прыгала вверх и вниз между ними. Было невыносимо больно видеть мужчину, которого я люблю, резвящимся на пляже с другой женщиной.

Когда они оба разделись до купальных костюмов, я смотрела, как в замедленной съемке, как Хлоя взяла за руку каждого родителя, и втроем они побежали к воде. *Современная картина Нормана Роквелла с Барби и Кеном в главных ролях*. Мое сердце болезненно сжалось.

Эйвери подошла ко мне и посмотрела через мое плечо.

— Какой счастливой семьей они могут быть. Посмотри на улыбку на лице Грэхема.

Грэхем действительно улыбался. Он смеялся и брызгался водой и с Хлоей, и с Женевьевой. Он на самом деле выглядел довольным.

Эйвери сделала глоток своего кофе.

— Разлучница.

Я открыла стеклянную дверь и вышла наружу. Когда я повернулась, чтобы закрыть дверь, Эйвери победоносно улыбалась. Она не сдвинулась с места, когда я захлопнула дверь перед ее носом.

По пути домой Грэхем держал мою руку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше.

— Спасибо, что поехала со мной. Я знаю, для тебя это было непросто.

— Я рада, что ты провел время со своей дочкой. Она замечательная девочка.

Грэхем засиял.

— Она такая, да?

— Вы с Женевьевой обсуждали, как рассказать ей, что ты ее отец?

— Женевьева думает, что лучше пока ничего не говорить. Она считает, что мы должны проводить больше времени вместе, чтобы топом, когда, наконец, скажем ей, она уже чувствовала себя со мной комфортно. Она предложила мне снова прийти к ним на ужин на этой неделе.

Конечно же, предложила.

— Наверное, это хорошая идея.

Наши разговоры никогда не были такими неестественными. Я знала, мы оба это почувствовали, но никто из нас не знал, как это исправить. Хотя Грэхем продолжал пытаться.

— Так что ты думаешь о Хэмптоне?

— Ты хочешь, чтобы я была честной?

— Конечно.

— Мне кажется, пейзаж очень красивый. Океан, дома, все эти лодки на пристани. Но я не могу представить себе, что захочу провести в этом месте лето. Люди кажутся просто... однородными.

— Можно и так сказать. Это никогда не было и моим любимым местом. На самом деле, оно совсем другое в межсезонье. Я всегда любил приезжать в октябре или ноябре. Город выглядит совсем по-другому, когда там только местные жители.

— Если это не твое любимое место, почему ты купил этот дом?

— Женевьеве захотела. И, если быть честным, в то время иметь дом в Хэмптоне было символом статуса и казалось важным.

— А сейчас нет?

Грэхем сжал мою руку.

— Мои приоритеты изменились.

— Если бы ты захотел купить летний дом сейчас, где бы он был?

Он незамедлительно ответил:

— В Бруклине.

Я усмехнулась.

— Ты бы провел лето в Бруклине?

— Я бы провел лето в тебе. И даже не важно где.

Глава 26

Сорайя

В среду вечером Грэхем ужинал с Женевьевой и Хлоей. Я поняла, что мне будет тяжело сидеть дома и представлять их троих за обеденным столом. Так что вместо того, чтобы отправиться домой, зашла в тату-салон Тига и Делии, и мы объелись суши с саке. К половине десятого, когда пришло время закрываться, я наелась и была достаточно пьяна, чтобы, наконец, идти домой.

Выбравшись из рабочей одежды, я поставила телефон на зарядку и забралась в кровать. Едва я закрыла глаза, как раздался звонок. Так как Грэхем не писал весь вечер, я подумала, что он может заехать. Я подошла к двери, нажала на кнопку домофона, чтобы впустить его, открыла защелку на двери и ждала, пока услышу шаги.

Я открыла дверь, улыбаясь, лишь только его костяшки слегка коснулись двери.

Когда я увидела человека за дверью, моя улыбка тут же испарилась.

— Папа? Что ты здесь делаешь?

Он снял шляпу и прижал ее к груди.

— Могу я зайти?

— Конечно.

Этим утром я попросила у Бога знак, чтобы он помог мне решить, что я должна делать с отношениями с Грэхемом. И сейчас я задумалась: был ли визит отца своего рода посланием?

Я подошла к кухонному шкафчику.

— Налить тебе выпить? — Нервничая, я случайно хлопнула деревянной дверцей, после того как достала себе бокал.

Мой отец сел за столом.

— Воды будет достаточно.

Запах «Олд Спайлс», наполнивший кухню, вернул меня обратно в детство.

— Кажется, мне понадобится что-то покрепче, — сказала я, открыв бутылку мерло.

— Хорошо, в таком случае, я буду то же, что и ты.

— Вино. — Я налила два бокала и передала ему один.

Он улыбнулся.

— Это здорово. Не думал, что буду наслаждаться бокалом вина с моей дочерью сегодня.

Я перешла сразу к делу.

— Что привело тебя сюда, папа?

Он глотнул вина и медленно выдохнул. Выражение его лица стало серьезным.

— Я уже давно думал прийти к тебе, но откладывал, так как не хотел тебя расстраивать.

— Так почему сегодня?

— Просто почувствовал, что пришло время.

— Говори то, что хотел сказать.

— В тот день, когда ты пришла ко мне, ты задала прямой вопрос, на который я, на самом деле, не знал, как ответить. Ты хотела узнать, остался бы я с твоей матерью, если бы Тереза не полюбила меня или если бы я ее вообще не встретил. Тогда я не был готов к такому вопросу.

— Ты нашел ответ?

— Я много об этом думал последние дни. Суть в том, что если бы я не встретил Терезу, я действительно верю, что у нас с твоей мамой все было бы хорошо, и мы до сих пор были бы женаты. Мне тяжело признать это, потому что я не хочу обвинять Терезу в своих действиях и личном выборе.

— Но ты также сказал мне в тот день, что не сожалеешь о своих решениях. Это значит, ты не сожалеешь, что причинил нам боль. Вот это тяжело принять.

— Нет. Я не это имел в виду. Я люблю тебя и действительно сожалею, что причинил тебе боль, но не сожалею, что влюбился в Терезу.

— Как ты можешь утверждать, что любил, ведь ты бросил нас?

Отец положил голову на руки и сказал:

— Все не так просто. Есть разные виды любви, Сорайя.

— Любовь к детям должна быть на первом месте.

Он закрыл глаза, будто мои слова причинили боль, затем замолчал, прежде чем снова заговорить:

— Иногда жизнь бросает тебе крученый мяч, к которому ты не готов. Нам приходится принимать решения, хотим ли мы быть честными с собой или с теми, кого мы любим. Если бы я никогда не встретил Терезу, возможно, я был бы очень счастлив с твоей мамой, так как не знал бы ничего другого. Но так как я встретил ее и открыл сильную связь с ней, я понял, что потеряю, если отпущу ее. Обратного пути не было.

— И что же было у Терезы, чего не было у мамы? Это было чисто сексуальное влечение?

— Не совсем. Это трудно объяснить. Просто это химия, Сорайя, вроде магнетической связи между двумя людьми, которую я не чувствовал с твоей матерью или с кем-то еще до этого. Я не мог ее игнорировать. Я решил так. Это было эгоистично. Я не отрицаю.

— Но и не сожалеешь.

— На этот вопрос нет просто ответа «да» или «нет». Я сожалею, что мои поступки причинили вам с сестрой боль, но не сожалею, что последовал за своим сердцем. В любом случае, наступит сожаление. Я выбрал эгоистичный путь, тот, который причинил тебе больше всего боли, и об этом я сожалею.

— Не думаю, что смогла бы поступить так же, если бы была на твоем месте.

— Тогда ты лучше, чем я, дорогая.

— Ты только что сказал, что все еще был бы с моей мамой, если бы не сделал эгоистичный выбор. Твоим детям не пришлось бы годами сомневаться в себе. Например, у меня не было бы проблем с доверием, к мужчинам в частности. Маму не госпитализировали бы с депрессией. Ты мог бы быть не самым удовлетворенным человеком, если бы остался, но твоей семье было бы лучше. — Мои глаза наполнились слезами. — Значит, фактически, мы страдали от последствий твоих действий.

— И за это мне действительно очень жаль, Сорайя. Именно это я пришел тебе сказать.

Я просто продолжала молча кивать, пытаясь осознать это все.

— Я не знаю, готова ли принять твои извинения, но ценю и рада, что ты пришел. Я много узнала из этого разговора. Недавно мне требовался совет.

— Это имеет отношение к богатому мужчине, с которым ты встречаешься? Он достаточно косо на меня посмотрел в тот день, когда забрал тебя возле моего дома. Он действительно к тебе не равнодушен. У нас, очевидно, много общего. Потому что, знаешь ты это или нет, я очень тебя люблю.

— Ты знаешь, у вас с Грэхемом, на самом деле, много общего, больше, чем ты можешь представить, — шмыгнула я носом.

Он — это ты, а я сейчас — Тереза.

А Хлоя — это я в детстве.

Прежде чем уйти домой, отец остался на еще один бокал вина. Я также достала бутылку, которую выбрала во время поездки с Грэхемом в Маленькую Италию.

Между мной и отцом все далеко не наладилось, но мы согласились оставаться на связи. По крайней мере, отношения с одним мужчиной в моей жизни двигались в правильном направлении. К несчастью, визит отца только усилил мои мучения относительно Грэхема.

В тот вечер знаки были повсюду.

Грэхем позвонил мне и сказал, что у Хлои жар и тяжелая ушная инфекция. Очевидно, она не могла спать и попросила его остаться и почитать ей, чтобы отвлечься. Я сказала ему позаботиться о своей девочке, а мы увидимся завтра.

В то же время я зашла в интернет и заметила, что Ида выставила ответы, которые будут опубликованы в завтрашней газете. Один ответ был на мое письмо. Прежде чем прочесть его, я достала свой бокал из раковины и вылила в него остатки вина из бутылки. Сделав глубокий вдох, я приготовилась.

Дорогая Тереза.

Поскольку, очевидно, что ты от него без ума, я думаю, ты уже знаешь ответ на свою дилемму. Все ставки отменяются, когда вовлечен ребенок.

Ты указываешь, что его бывшая послужила причиной разрыва их отношений. А теперь она, вероятно, пришла к выводу, что совершила ошибку, которую сейчас хочет исправить ради их ребенка. Так как решение разорвать отношения не было лично его (это результат ее измены), это приводит меня к мысли, что у него еще могли остаться к ней чувства. Ты упомянула, что они очень подходят друг другу, и это вызывает еще большее беспокойство. Мне кажется, со временем это может стать очень запутанной ситуацией.

Ты также отметила, что не хочешь причинить ему боль. Возможно, если он подумает, что ты обманула его каким-то образом, он быстрее тебя забудет. Например, ты можешь заставить его думать, что у тебя есть кто-то другой.

Поступи правильно и найди мужчину без багажа. А этого мужчину верни его семье. Когда дело касается мужчин с детьми, у меня есть девиз: думай головой, а не сердцем.

Мне стало не по себе, и я почувствовала, как сильно сдавило в груди. Хоть Ида и подтвердила решение, к которому я начала приходить сама, было тяжело принять резкость этого ответа. Я знала, что уйти было правильным решением, но как можно уйти от лучшего, что когда-либо случалось в жизни?

Она была права: Грэхем ни за что меня просто так не отпустит, пока не поверит, что я его предала. Измены он ни за что не потерпит. Идея поступить с ним подобным образом причиняла такую боль, что пробирал озноб. Я, правда, не видела другого выхода. Конечно, глядя в глаза, я ни за что не смогу сказать ему, что не люблю. Мне придется заставить его порвать со мной, а для этого был только один способ.

Была ли я сумасшедшей, решив притвориться, что изменяю ему, только ради того, чтобы он меня бросил? Или это честный и бескорыстный поступок ради благополучия ребенка? Я не могла поверить, что размышляла об этом.

Ворочаясь всю ночь, я приняла решение и разработала план. Завтра я позволю себе последнюю ночь с ним, буду наслаждаться им, позволю себе любить его в последний раз. Потом начну отдалаться, пока не смогу выяснить, как создать впечатление, будто у меня кто-то есть. Я напомнила себе, что вернуться и изменить свое детство я не в силах, но могу изменить жизнь Хлои.

Это будет чертовски больно. Я не смогу сделать это одна. И я знала только одного человека, который не попытается меня отговорить.

Я взяла телефон и написала сообщение Тигу.

Мне нужна твоя помощь.

Глава 27

Грэхем

Быть родителем — не для слабаков.

И хотя Хлоя не знала, что я ее настоящий отец, я обращался с ней так же, как если бы она знала. Я сделал все возможное, чтобы она видела меня почти каждый день, и поставил ее на первое место в списке своих приоритетов.

Прошлую ночь была особо тяжелой, так как я никогда не имел дела с больным ребенком. Женевьеве подумала, что будет хорошо, если я возьму на себя инициативу в лечении Хлои. Если дочь будет проводить время у меня, мне нужно знать, как о ней заботиться и в болезни, и в здравии.

В основном, Хлоя лишь хотела, чтобы я держал ее за руку и читал ей. У бедняжки из ушей выходил гной и поднялась температура. Я чувствовал себя беспомощным, так как практически ничего не мог сделать, чтобы облегчить ее состояние, кроме как быть с ней. Она привыкала ко мне все больше с каждым днем. Это доказывало, что между отцом и ребенком существовала некая природная связь.

Слава Богу, Сорайя все понимала. Я скучал по ней, как сумасшедший. У меня начиналась серьезная ломка. Как бы сильно я ни любил проводить время со своей дочкой, сегодня мне нужно было увидеть мою девушку. Необходимо было почувствовать ее киску вокруг своего члена. Мне нужно было взять в кулак ее сексуальные черные волосы. Мне нужно было услышать звуки, которые она издает, кончая, когда я внутри нее. Черт... Мне нужно было сказать ей раз и навсегда, как сильно я ее люблю.

Удача была на моей стороне, так как Хлоя чувствовала себя лучше. Антибиотики начали действовать. Поужинав с ней пораньше, я направился прямо к Сорайе. Я собирался послать машину и привезти ее ко мне, но она предпочла, чтобы я пришел к ней. Я пошутил, что буду счастлив кончить, где бы она ни захотела сегодня. (*Примеч.: игра слов: come — в пер. с англ. прийти, кончить.*)

Когда Сорайя открыла дверь, я немедленно прижался лицом к ее шее, вдыхая аромат ванили. От этого запаха я практически опьянял.

— Я чертовски сильно скучал по тебе, — сказал я у ее кожи. — Как ты могла стать еще прекраснее?

Для меня было облегчением увидеть, что концы ее волос все еще были синими. Подходящее по цвету платье обтягивало ее вздывающую грудь. Как бы я ни хотел сорвать это платье и присосаться к сладким соскам, я настолько же сильно скучал по ее улыбке, смеху, ее резкому поведению. Несмотря на то, что мы недолго были порознь, погрузившись в отцовство, я почувствовал себя, будто на другом краю мира от не менее важной части моей жизни. Я любил дочь, но мой дом был с Сорайей.

Опуская ладонь по ее спине, я спросил:

— Ты голодна?

— Нет. Ты упоминал, что поужинал с Хлоей, так что я перекусила.

Казалось, ее что-то беспокоит.

— Тебя что-то беспокоит?

Она заколебалась.

— Нет.

— Чем бы ты хотела заняться сегодня? Мы могли бы выпить, посмотреть кино, все, что хочешь.

— Мы можем просто остаться здесь?

— Знаешь, я никогда не буду жаловаться, получив тебя в свое полное распоряжение.

— Как Хлоя сегодня себя чувствует?

— Ей намного лучше. Доктор дал ей пенициллин, и боль в ушах значительно спала.

— Я так рада это слышать.

Бросив взгляд на раковину, я заметил там два использованных бокала вина. По телу прокатилась волна адреналина.

Два бокала? Кто, черт возьми, тут был?

— У тебя были гости?

Ее лицо покраснело.

— Эм... вообще-то, отец заходил.

Несмотря на облегчение от объяснения, меня беспокоил тот факт, что она мне не рассказала об этом.

— Правда?..

— Ага. Он вчера пришел без предупреждения.

Мое сердце болезненно сжалось, так как я знал: при нормальных обстоятельствах Сорайя рассказала бы мне об этом. Ей, должно быть, было тяжело его видеть. Даже зная ответ, я все равно спросил:

— Почему ты не сказала мне об этом?

— Ты был с Хлоей. Я не хотела тебя беспокоить. В любом случае, все прошло хорошо. Мы просто поговорили. Все было не так плохо, как я себе представляла, особенно после того, как покинула его дом в тот день.

— Что он тебе сказал?

— Знаешь, что? Я не хочу тратить этот вечер на пересказ. Отец и я... у нас все хорошо. Это был нормальный визит.

— Ты уверена, что не хочешь поговорить об этом?

— Уверена.

— Ладно. — Я притянул ее к себе и прижался лбом к ее лбу. — Знаешь, о чем я думаю? Может, съездим в Италию в отпуск. Я хочу поцеловать землю страны, которая подарила мне тебя. Я никогда там не был. Мы могли бы посетить Амальфитанское побережье. Как думаешь?

— Я уверена, Италия прекрасна.

— Ты не ответила на мой вопрос. — Я отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. — Ты не кажешься воодушевленной, как я думал. Нам не обязательно ехать туда. Мы можем поехать в другое место.

Сорайя обхватила ладонями мое лицо и сказала:

— Ты потрясающий. Я была бы счастлива поехать куда-нибудь с тобой. — Но она не улыбалась, когда говорила это.

Какого черта?

— Все в порядке? Ты кажешься подавленной. Ты уверена, что отец тебя не расстроил?

— Я в порядке.

— Я тебе не верю.

Она замолчала, и это начинало меня серьезно беспокоить.

— Ты знаешь, что можешь сказать мне все, ведь так? Я знаю, что вся эта ситуация с Женевьевой и Хлоей непроста для тебя. Мне нужно, чтобы ты говорила со мной, когда тебя что-то беспокоит, не держи все в себе. Нет ничего, с чем бы мы ни справились, пока ты ничего не скрываешь от меня.

— Здесь не о чем говорить. Просто я сегодня не в духе. Можем мы просто прилечь?

Я взгляделся в ее лицо, прежде чем ответить:

— Конечно.

Несмотря на ее объяснение, пока мы шли в спальню, за нами следовало зловещее облако. Я развязал галстук. Пока расстегивал рубашку, Сорайя просто сидела на кровати, глядя на меня. Мне нравилось то, как она очаровывалась, наблюдая за тем, как я раздеваюсь. Но, если быть честным, было немного странно и непохоже на нее — просто так смотреть на меня. Она действительно была сама не своя сегодня.

Бросив рубашку на стул, я сказал:

— Ты не хочешь говорить, поэтому придется найти другой способ заставить тебя чувствовать себя лучше.

Она встала и подошла ко мне, потом медленно провела пальцем вокруг татуировки с ее именем на моей груди.

— То, что ты сделал это, так много значит для меня. Не могу передать, насколько.

— Ты значишь для меня так много. Ты вернула меня к жизни, Сорайя. Это было меньшее, что я мог сделать, чтобы выразить свои чувства. Это показывает, что ты всегда со мной, даже когда физически мы не можем быть вместе из-за работы или Хлои. В итоге, зная, что ты со мной, прикрываешь мою спину, это помогает мне со всем справляться.

Сорайя продолжила смотреть на татуировку, а затем спросила:

— Ты займешься со мной любовью?

— Что-то не припомню, чтобы раньше у нас с этим были проблемы.

— Нет, но я хочу сегодня сделать это медленно. Наслаждаться этим.

— Я могу и медленно.

Секс не мог решить все проблемы, но я был чертовски уверен, что попробую вытрахать это уныние из нее. Я собирался показать ей своим телом, как сильно я ее любил, что не было ничего, с чем бы мы не смогли справиться, пока мы вместе буквально и фигулярно.

Она потянулась и начала целовать меня страстно, даже почти отчаянно. Когда мы упали на кровать, она крепко держала меня за шею, притягивая меня к себе, пока широко раздвигала для меня свои ножки.

— Пожалуйста, — умоляла она.

Увидев ее такой обнаженной и раскрытым, мне тут же пришло напомнить себе, что она попросила двигаться медленно, так как в этот момент я лишь хотел растерзать ее киску.

Когда я вошел в нее, она издала самый прекрасный вздох в мое ухо. Двигаясь внутрь и наружу медленно и напряженно, я понял, что на самом деле была разница между чистым необузданым трахом и страстным занятием любовью. Необходимо быть по-настоящему влюбленным в кого-то, чтобы достичь такого. А я, определенно, был так влюблен в Сорайю, как никогда раньше. Пришло время сказать ей.

Погрузившись в нее и пытаясь не раздавить ее весом своего жаждущего тела, я прошептал ей в ухо:

— Я так сильно тебя люблю, Сорайя. — Выходя из нее и врываясь вновь, я повторял:

— Я люблю тебя.

Она ответила, просто крепче сжал меня, выгибая бедра и направляя мое тело. Я так сильно хотел услышать эти три слова в ответ. Вместо этого она молчала, пока я не почувствовал влагу на своем плече.

Она плакала.

— Малышка, что случилось?

Мое сердце колотилось в груди. Может, мне просто показалось, что она со всем хорошо справляется?

Когда я замедлил движения, Сорайя пробормотала:

— Не останавливайся, Грэхем. Пожалуйста, не останавливайся.

Разочарованный ее скрытностью, я ускорил темп, трахая жестче, чем собирался. Она вскрикнула от удовольствия, ее мышцы ритмично сжимались вокруг моего члена, и я кончил так сильно, высвобождаясь внутри нее.

Лежа плечом к плечу, мы тяжело дышали, восстанавливая дыхание.

Сорайя смотрела в мои глаза так долго, будто пыталась подобрать слова. То, что она, в конце концов, сказала, практически убило меня.

— Твое имя, может, и не вытатуировано на моей груди, но оно навсегда останется в моей душе. Я провела больше двадцати лет, считая, что не способна на любовь. Спасибо, что доказал обратное. Ты изменил мою жизнь.

Даже если она не произнесла те три слова, которые я надеялся услышать, во многих смыслах, это значило даже больше.

Той ночью мы занимались любовью еще три раза, каждый еще более напряженный, чем предыдущий. И когда Сорайя, наконец, заснула в моих объятиях, я не мог уснуть от плохого предчувствия.

На следующей неделе стало ясно, что я не зря беспокоился. Сорайя каждый вечер придумывала различные отговорки, почему не может со мной встретиться.

Ее сестре нужна была помочь с переездом.

Ее мама хотела пойти по магазинам.

У нее были планы с Тигом и Делией.

С каждым днем страх усиливался, когда я вспоминал нашу последнюю встречу, которая, несмотря на чувственность и страсть, также включала в себя странное поведение Сорайи.

Как бы меня ни тронули слова о том, что я изменил ее жизнь, я не мог не зациклиться на том факте, что она ни разу не произнесла слово «любовь». С каждым прошедшим часом это упущение приобретало все большую значимость.

Может быть, она *не любила* меня.

Так или иначе, что-то было не так, и мне нужно было добраться до сути. Я очень старался дать ей пространство, которого она, очевидно, хотела. Я сфокусировался на Хлое и отвлекся от того факта, что Сорайя отдалась от меня.

К концу недели она не оставила мне выбора, кроме как ждать у ее квартиры, пока она не появится. Предполагалось, что она снова с Тигом и Делией. Но это, блядь, был кто-то другой, с кем в девять часов вечера она прогуливалась по улице, держась за руки.

Глава 28

Сорайя

Все произошло слишком быстро.

Мы с Марко только вышли из салона Тига. Так как с Грэхемом мы не виделись несколько дней, у меня было подозрение, что на этой неделе он может появиться без предупреждения. Я просто не знала, когда это будет. Наш план на сегодняшний вечер был такой же, как и вчера. Мы сидели бы дома, смотрели фильмы и ждали, вдруг Грэхем удивит меня своим визитом. Если бы он пришел, я бы позволила ему увидеть Марко у меня в квартире, сказала бы, что мне жаль, я встретила другого и не хотела его обидеть.

В это было не так трудно поверить. Сидя в метро рядом с Марком, даже мне пришлось признать, что мы с ним больше похожи на пару. Оливковая кожа, взъерошенные волосы, итальянский кулон в виде рога на шее и накачанные мышцы делали его больше похожим на Pauly D из реалити-шоу «Пляж», чем на мужчину, управляющего советом директоров. Откровенно говоря, до Грэхема он был моим типом парня. Хоть и не Марко в частности. Мы слишком давно друг друга знали.

Марко был кузеном Тига, мы все дружили с детства. Хоть я и не видела его несколько лет, я знала, что он поможет мне, притворившись моим парнем. Когда Тиг позвал его в салон в понедельник, он согласился, даже не дослушав обстоятельства.

— Ты в порядке, куколка? — Марко сжал мое колено.

— Просто нервничаю.

— Хочешь снова обсудить, что мне нужно ему сказать, когда он появится?

— Нет. — Я выдавила улыбку. — Мы уже обсудили весь план.

Так я думала.

Но чего я не планировала, так это того, что Грэхем будет стоять снаружи возле моего дома. Он прислонился к своей машине, глядя вниз и набирая сообщение на телефоне. К счастью, я увидела его раньше, чем он нас. Резко запаниковав и зная, что должно случиться, я быстро схватила Марко за руку. Когда Грэхем поднял голову и заметил меня, я действительно увидела все его чувства на лице. Даже на расстоянии в полквартала я видела, как его глаза засияли на долю секунды, когда он заметил меня. Но этот свет быстро погас, когда он увидел высокого темноволосого татуированного хипстера, которого я держала за руку.

Мое сердце разрывалось от неприкрытой боли в его глазах. Снова и снова тысячи раз я репетировала, что и как ему скажу, но когда Грэхем подлетел к нам на улице, я не могла вымолвить ни слова.

— Сорайя? Какого хрена?

Я уставилась на тротуар, не способная посмотреть Грэхему в глаза. Марко понял, что происходит, и начал импровизировать.

— Ты, наверное, Грант. Сорайя говорила, что ты можешь появиться, прежде чем она сможет с тобой поговорить.

— Поговорить со мной о чем? Сорайя? Какого хрена происходит? — Грэхем практически выкрикнул эти слова.

— Чувак. Успокойся. Она собиралась тебе сказать. Мы говорили об этом вчера за ужином.

— За ужином? Вчера? Сорайя! Ответь мне. Какого черта происходит?

Когда я не ответила и не посмотрела на него, Грэхем потянулся ко мне. Роль защитника отлично подошла Марко. Он встал передо мной и сказал Грэхему прямо в лицо:

— Чувак. Я предупрежу тебя лишь один раз. Держи руки при себе и не трогай мою девушку. Мне не очень хочется, но придется надрать твою милую задницу прямо на улице.

— Твою девушку?

После этого все случилось очень быстро. Грэхем сделал шаг назад, потом начал отворачиваться, только чтобы размахнуться и вложить весь свой вес в удар, направленный Марко в челюсть. Громкий хруст вызвал тошноту, и на секунду я подумала, что меня вывернет прямо здесь, на улице. Не знаю, был ли это хруст от челюсти Марко или руки Грэхема. Мое сердце билось так громко в ушах, что это мог быть звук моего разбившегося сердца.

Марко отшатнулся на пару шагов назад и поднял руки к подбородку в попытке облегчить боль. Но я выросла, наблюдая за драками Марко и Тига, и знала, что такая мелочь, как сломанная челюсть, *не* закончит этот бой. Прежде чем я успела встать между ними, Марко бросился на Грэхема. Двое мужчин столкнулись, и Марко ударил Грэхема о припаркованную машину.

— Хватит! — наконец удалось мне сказать. — Пожалуйста, хватит! Марко, нет!

Грэхему как-то удалось отбросить Марко в сторону, а затем он встал передо мной, его грудь резко вздымалась, костяшки были сбиты и кровоточили. Без задней мысли я потянулась к его раненой руке.

— Грэхем.

Он отпрянул от моего прикосновения, как от огня.

— Скажи это, Сорайя.

Я посмотрела вниз.

— Скажи это! Скажи, что ты гребаная изменница, а я чертов идиот. Потому что, хоть и вижу это своими собственными глазами, я *все еще* не хочу этому верить.

Слезы покатились по моим щекам. Я не могла смотреть на него.

Когда Грэхем снова заговорил, его голос звучал низко и был наполнен болью. Он звучал сломленно.

— Посмотри на меня, Сорайя. Посмотри на меня.

Я, наконец, набралась смелости поднять голову и посмотрела ему в глаза. Слезы текли по моему лицу, и я сказала ему абсолютную правду:

— Мне очень жаль, Грэхем.

На секунду он закрыл глаза, затем развернулся, дошел до машины и уехал, не сказав ни слова. Я смотрела, рыдая, пока машина не скрылась из виду.

Что я только что наделала?

— Не будь таким неженкой, — Тиг рассматривал лицо кузена. Они с Делией появились через пятнадцать минут после того, как мы с Марко зашли в мою квартиру. Я даже не заметила, как Марко им позвонил.

— Я действительно считаю, что это должны сделать в скорой. — Во второй раз выразила я свое мнение, что очевидно выбитая челюсть Марко должна быть направлена в больнице.

— Все в порядке. Я уже делал так раньше. Три раза, когда он занимался этим гребанным кикбоксингом. — Тиг вручил Марко бутылку «Джека», которую принес с собой. — Еще один глоток, выпей побольше.

Бедный Марко сделал глоток из бутылки, затем встал перед кузеном с закрытыми глазами.

— Готов.

— На счет три. Раз...

— Бля-я-я-я-я-я-я-я-я-дь! — Марко душераздирающе закричал, а я побежала в ванную. На этот раз меня действительно вырвало.

Когда я вернулась, Тиг усмехнулся.

— Я и забыл, какая ты девчонка.

— Ты сказал «на счет три», а сделал на «раз». Ты не дал мне шанса убежать из комнаты.

— Конечно, я сделал это на «раз». Кто, блин, на самом деле делает «на счет три», когда человек напряжен и ждет этого?

— Откуда, черт возьми, мне знать?

— Принеси своему любовничку пакет с горохом из холодильника, детка.

Я заглянула в морозилку в поисках пакета с чем-нибудь замороженным. Но у меня не было никаких овощей.

— У меня нет гороха.

— Что у тебя есть?

Я вытащила коробку мороженого в форме тако. Тиг достал один брикет из коробки и передал своему кузену.

— Это идеально. Тако для неженки, которому выбил челюсть мужик в костюме.

Марко сморщился, прикладывая мороженое к своей щеке.

— Отличный удар для смазливого парня.

— Я так понимаю, все пошло не по плану? — Делия обнимала меня, пока мои рыдания не прекратились. В это время Тиг играл в доктора с бедным кузеном.

— Не совсем. Мы даже не добрались до квартиры. Он увидел нас на улице, так что я запаниковала и схватила Марко за руку.

— Это, должно быть, послужило хорошим доказательством.

Я резко выдохнула.

— Это было ужасно. Ему было так больно, Дел.

— Ты знала, что так будет. Как думаешь, он поверил?

Я кивнула, по щекам вновь потекли слезы.

— Поверил. Честно говоря, не думаю, что мог быть другой способ. Даже увидев меня за руку с другим мужчиной и услышав, как Марко называет меня своей девушкой, он *все еще* хотел подтверждения. Он так в нас верил, что даже не хотел принимать это, когда все было перед его глазами. Он был таким с первого дня нашего знакомства. Я не знала, что человек может быть таким непоколебимым в своей любви и поддержке. И эта часть мне больше всего нравилась в нем.

Когда я снова горько зарыдала, Делия обняла меня.

— Он даст это все своей маленькой девочке. Ты ведь хотела сделать это для нее. Эта часть его не изменится. Просто теперь не тебе она будет посвящена.

Глава 29

Грэхем

— Ребекка!

Почему в наше время так сложно найти компетентного человека? Я ударил по кнопке интеркома еще раз и крикнул громче:

— *Ребекка!* — Не могло быть такого, что она не слышала меня последние десять минут. Целый чертов офис слышал меня, несмотря на закрытую дверь кабинета. Не получив ответа, я отправился на поиски моего секретаря. Ее стол был пуст и выглядел так, будто ее сегодня не было весь день, хотя она сидела здесь, когда я пришел три часа назад. Рыча себе под нос, я направился на ресепшн с пачкой документов.

— Где Ребекка?

— Кто?

— Мой секретарь. Ее снова нет на месте.

— А. Вы имеете в виду Элизу.

— Неважно. Где она?

— Она уволилась утром, мистер Морган.

— Она что?

— Она уволилась.

— Господи. Сейчас невозможно найти надежных работников. — Я бросил пачку документов ей на стол. — Мне нужно по пять копий этих документов.

Немного позже в мою дверь постучали.

— *Что?*

Администратор держала копии, о которых я просил, вместе с пачкой газет.

— Куда положить эти копии?

Я указал пальцем, не отрываясь от работы.

— На комод.

— Вы не забирали газеты из своей ячейки всю неделю, поэтому я принесла их вам.

— Мне они не нужны.

Спустя несколько минут я все еще не посмотрел вверх и вдруг понял, что администратор так и стоит в моем кабинете. Вздохнув, я обратил на нее внимание, не то чтобы мне так уж этого хотелось. Но то, как она стояла напротив моего стола и смотрела на меня, не оставило мне выбора.

— *Что?*

— Ава. Меня зовут Ава.

— Я знаю.

— Могу я кое-что сказать, мистер Морган?

Я бросил ручку на стол.

— Ты уже меня прервала, поэтому выкладывай, что ты там хотела сказать, и покончим с этим.

Она кивнула.

— Я работаю здесь два года.

Серьезно?

— И...

— Вы знаете, сколько за это время у вас было секретарей?

— Не представляю. Но так как ты тратишь мое время, предполагаю, ты собираешься меня просветить.

— Сорок два.

— Учитывая размеры этого города, чертовски странно, что так трудно найти хорошую помошь.

— Вы знаете, почему они уходят?

— Не уверен, что мне есть до этого дела.

— Они уходят, потому что обычно вы — тиран на работе.

Я приподнял брови.

— Это так, Ава?

— Это так, мистер Морган.

— Тогда почему ты все еще здесь? Ты сама сказала, что работаешь здесь уже два года. Она пожала плечами.

— Мой отец был похож на вас. Вдобавок, мы не так много пересекаемся, так как я на ресепшене весь день. Чаще всего вы просто проноситесь мимо, не замечая меня. Но меня это устраивает.

— И смысл всего этого? Ты *пытаешься* закончить свое двухлетнее пребывание здесь, поругавшись со мной? Так как через десять секунд у тебя может получиться.

— Нет, сэр. Я хотела всем этим сказать, что... ну... несколько месяцев назад вы стали меняться. Элиза, ваш секретарь, была здесь почти шесть недель, и ей, казалось, начала нравится эта работа.

Я уставился на нее, но не сказал ничего, побуждая продолжить.

— До недавнего времени. Когда вернулся Злой Мистер Морган. Я не знаю, что случилось, но что бы это ни было, мне жаль. И я надеюсь, Добрый Мистер Морган скоро вернется.

Добрый Мистер Морган? Он был придурком, об которого вытерли ноги.

— Ты уже закончила, Ава?

— Да. Мне жаль, если я расстроила вас. Я просто хотела сказать, что вы казались счастливым. А сейчас вы несчастливы.

Я поднял ручку и продолжил работать. В этот раз Ава поняла намек. Когда она подошла к выходу, я спросил:

— Что случилось с твоим отцом?

— Что, простите?

— Ты *сказала*, что твой отец был похож на меня.

— Ох. Он встретил мою мачеху. Сейчас он изменился.

— Оставь газеты на комоде и смотри, чтобы дверью зад не прищемило, когда будешь уходить.

Я налил себе выпить и уставился в окно кабинета. Снаружи было уже темно. Последние три дня я уходил из дома до рассвета и возвращался в середине ночи. Я был истощен, но это не имело ничего общего с нехваткой сна. Гнев, который я носил в себе, физически меня опустошал. Кровь кипела в жилах. Я был обезумевшим, брошенным, преданным, полным ярости. Боль сжимала ледяным обручем мышцы того, что раньше было сердцем в моей груди. Сердцем, которое только начало оттаивать после встречи с Сорайей.

Меня предавали раньше. Блядь, моя невеста Женевьев и лучший друг Лиам. Когда это произошло, я потерял двух людей, которые годами занимали большую часть моей жизни. Но эта потеря ощущалась совсем по-другому. Нет, это даже не сравнить. Сейчас было полное разрушение — такая потеря, будто кто-то умер. Я до сих пор не мог пережить, что Сорайя сделала со мной... что она сделала с нами. Я никогда бы не подумал, что она способна на неверность. Женщина, в которую я влюбился, была открытой и честной. И теперь я задумался: а знал ли я ее когда-нибудь?

Телефон завибрировал в кармане, и, как это было последние три дня, я надеялся увидеть имя Сорайи на экране. Но, конечно же, это была не она. Сорайя ушла. Я выпил залпом остатки из бокала и ответил:

— Женевьев.

— Грэхем. Что происходит? Где ты был?

— Я был занят.

— Хлоя начинает задавать вопросы. Ты отменял встречи с ней два вечера подряд. Она очень уязвима сейчас после смерти Лиама и нуждается в постоянстве. Ей нужен *ты*, Грэхем. Каким-то образом, она уже привязалась к тебе.

Я закрыл глаза. Последнее, что я хотел, это подвести Хлою. Я отменял встречи, так как не хотел, чтобы она видела меня таким — несчастным и злым. Но я ее отец. Ради дочери мне нужно вытащить голову из задницы.

— Мне жаль. Этого больше не повторится.

— Что с тобой происходит?

— Тебя это не касается.

— Что-то с этой твоей девушкой?

Я проигнорировал ее вопрос.

— Может, я зайду на завтрак утром и затем отвезу Хлою в школу?

— Хорошо. — Она ненадолго замолчала. — Не только Хлоя скучает по тебе, Грэхем. Мне нравится, когда ты рядом.

— Увидимся завтра в семь утра, Женевьеве.

Повесив трубку, я поставил пустой стакан на комод. Там все еще лежала куча газет, которую принесла Ава. *The City Post* — газета, в которой ежедневно печаталась колонка «*Спросите Иду*». Я взял одну сверху и уставился на нее. Не доверяя себе, я специально старался не находиться рядом с этой газетой, потому что мог броситься читать колонку в поисках написанных Сорайей слов. Я не хотел читать, как она дает совет какой-нибудь бедной овечке о любви и изменениях. *Блядь, ни за что*. Бросив газету к остальным, я решил на сегодня закончить дела и идти домой.

— Мамочка сказала, что ты любишь блинчики с бананами.

Мы с Хлоей сидели за обеденным столом, заканчивая завтрак и допивая клубничное молоко. Женевьеве поднялась наверх, чтобы одеться на работу.

— Да. И с шоколадной крошкой. Когда я был твоего возраста, моя бабушка обычно делала блинчики с бананом и шоколадной крошкой. — Я наклонился к дочери и прошептал:

— Хочешь узнать секрет?

Она быстро закивала.

— Иногда она все еще делает их для меня. И они даже лучше, чем у твоей мамы.

Хлоя от души рассмеялась. Этот звук для меня был лучшим лекарством в мире. Ничто не могло помешать мне улыбнуться, когда я услышал его. Я держался подальше от дочки, чтобы защитить ее от своих чувств, беспокоился, что мое плохое настроение заразно. Хотя вышло совсем наоборот. Естественная способность Хлои быть беспечной была заразной. Эта маленькая драгоценная девочка совсем недавно потеряла мужчину, которого любила, как отца, но все равно улыбалась. Если она могла, значит, и я смогу. Моя дочь вдохновляла.

Я потянулся и обхватил ладонью ее щеку.

— Я скучал по тебе, солнышко.

— Ты не приходил ко мне несколько дней.

— Я знаю. Прости. Я задержался из-за кое-чего. Но это больше не повторится.

— А мы можем как-нибудь сходить к твоей бабушке на завтрак?

Она не только вдохновляла, но также была полна хороших идей.

— Ей бы это понравилось. Я рассказал ей о тебе, и она не может дождаться встречи с тобой.

— А Сорайя может тоже пойти?

В груди сильно сдавило лишь от упоминания ее имени. Я все еще мог представить нас вчетвером. Себя и трех самых важных женщин в моей жизни. Мою дочь, бабулю и женщину, которую я люблю. Об этом еще рано было говорить, но я не собирался врать своей дочери.

— Мне жаль, Хлоя. Она не сможет пойти с нами. Но, может, мы с тобой пойдем вместе в эти выходные?

Женевьеве зашла в столовую именно в этот момент.

— Ты злишься на Сорайю?

Мой взгляд на мгновенье встретился со взглядом Женевьевы, а затем я ответил:

— Иногда у взрослых не все получается, и они перестают видеть друг друга.

— Почему у вас с Сорайей ничего не получилось? Мне она нравилась.

Я сделал глубокий вдох.

— Мне тоже. — Посмотрев на часы, я сменил тему: — Ты опоздаешь, если мы не поедем прямо сейчас. Я подумал, что подвезу тебя сегодня до школы, ты не против?

Хлоя побежала собирать вещи, пока мы с Женевьевой убирали остатки посуды со стола.

— Ты придешь на ужин сегодня? Я сделаю цыпленка с пармезаном — еще одно твое любимое блюдо.

Скорее всего, что Женевьеве попытается обсудить то, что подслушала о нас с Сорайей. Для меня стало облегчением, что она, кажется, двигалась дальше. Может, у нас с Женевьевой получится это совместное выполнение родительских обязанностей лучше, чем я предполагал.

— Это было бы хорошо. Спасибо.

Когда я пришел, Женевьеве нарядилась в очень обтягивающее синее платье, демонстрирующее всю ее фигуру. Она всегда была красивой женщиной, но, казалось, материнство немного добавило округлости, делая ее более фигуристой. Я вручил ей бутылку ее любимого мерло, которое выбрал по пути сюда. Она кормила меня в течение нескольких недель, и это было меньшее, что я мог сделать, чтобы не прийти с пустыми руками.

— Ты куда-то уходишь сегодня?

— Нет. Я не собиралась. Почему ты спрашиваешь?

— Ты выглядишь... мило.

Она улыбнулась.

— Спасибо тебе.

— Пожалуйста.

— Мне нужно помешать пасту. Может, пойдешь на кухню и откроешь нам вино?

Женевьеве достала два бокала из шкафчика, и я открыл бутылку, когда она отошла к плите.

— Хлоя наверху?

— На самом деле, она еще не дома. Ее лучшая подружка, Эмили, пригласила ее поиграть. Мама Эмили позвонила недавно и спросила, может ли она остаться на ужин. Я надеюсь, ты не против. В последнее время мне трудно ей в чем-нибудь отказывать. После того как Лиам переехал в прошлом году, она не отходила от меня. Потом, после его смерти, она не хотела играть со своими друзьями. Я подумала, это обнадеживающе, что она захотела поужинать у Эмили, поэтому разрешила ей остаться. Я уверена, она вернется к тому времени, как мы закончим.

Я ненавидел мысль о том, что Хлоя не хотела играть с друзьями. Когда моя мама была больна, я прошел через подобное. Теперь, спустя время, я понимаю, что просто боялся оставить ее. Если я куда-то шел, боялся, что за время моего отсутствия что-то могло случиться или измениться. Женевьеве принимала правильные решения для Хлои.

— Ты хорошая мать.

Она удивилась моему комплименту.

— Спасибо, Грэхем. Это много значит для меня, что ты так думаешь.

За ужином мы говорили преимущественно о работе. Я забыл, как легко было с ней говорить. У нас не было нормального разговора уже несколько лет. После еды я налил нам по второму бокалу вина.

— Оно приятное, — сказала Женевьеве.

Я кивнул.

— Можно я кое-что спрошу?

— Если я скажу «нет», тебя это остановит?

Она улыбнулась.

— Скорее всего, нет. Что случилось между тобой и Сорайей?

— Я не хочу об этом говорить.

— Понимаю.

В моей голове было столько вопросов без ответов. Может, наконец, пришло время получить какие-нибудь ответы.

— Могу я задать личный вопрос?

Она приподняла брови.

— Что угодно.

— Ты уверена?

— Давай, для начала я налью нам что-нибудь покрепче. — Я допил свой второй бокал вина, когда Женевьеве ушла на кухню и вернулась с двумя бокалами коньяка. — Почему бы нам не сесть в гостиной?

Женевьеве сняла свои туфли, затем села рядом со мной на диване. Мы оба молчали, попивая свои напитки. Я смотрел на пол, когда заговорил:

— Что заставило тебя связаться с Лиамом? — Это был вопрос, размышляя над которым, я потратил год. Последние события, очевидно, поставили его вновь на первое место в моих мыслях.

Она громко выдохнула.

— Я задавала себе этот вопрос миллион раз. Ответ не так прост. Я была эгоисткой. Мне нравилось внимание Лиама. Ты был так занят и погружен в развитие своего бизнеса, и мне казалось, что мной пренебрегли. Это не значит, что в этом твоя вина. Потому что это не так. Я просто хотела быть центром твоего мира, причиной, по которой ты вставал с постели каждое утро. Не пойми меня неправильно, мы подходили друг другу во многом. У нас была работа, секс был как минимум впечатляющим. Но я никогда не чувствовала, что была любовью твоей жизни. Лиам дал мне почувствовать себя такой. Проблема в том, что, когда мы расстались, и я ушла к Лиаму, я поняла, что для меня он не был причиной, по которой я вставала каждое утро. Этой причиной был ты.

Я взглянул на Женевьеву. Четыре года назад я бы не смог понять, о чем она говорит. Я думал, что она была любовью всей моей жизни. До тех пор, пока не встретил Сорайю. Я с трудом заставлял себя встать с постели последние дни, потому что в моей жизни ее больше не было.

Я кивнул.

— Спасибо, что честно ответила.

— Это меньшее, что я могу сделать.

Я выпил залпом остатки коньяка и встал.

— Думаю, мне нужно еще. Тебе налить?

— Нет, спасибо.

После следующего бокала я почувствовал себя еще более расслабленным. Мы с Женевьевой перешли к более легким темам, и я удобно устроился на диване в ожидании дочери.

— Грэхем? — Ее тон изменился, она колебалась, пока я не посмотрел ей в глаза. — Прости. Я знаю, что говорила раньше, но я хочу, чтобы ты знал: я говорю это от чистого сердца. Я ненавижу то, что причинила тебе боль, и мне бы хотелось все переиграть и изменить свои эгоистичные решения.

— Спасибо.

— Я повзрослела с тех пор. Многое переосмыслила, когда у меня появился ребенок. Мне больше не нужно быть центром чьей-то вселенной, потому что она — моя вселенная.

— Я могу это понять.

Когда час спустя я встал и пошел в ванную, весь выпитый алкоголь ударил мне в голову. Я немного выпил в офисе, прежде чем уйти, два бокала вина за ужином и четыре коньяка. Я никогда не наслаждался опьянением, но сегодня оно ощущалось хорошо. Мои плечи расслабились, и гнев, копившийся во мне, казалось, немного рассеялся.

Облегчившись, я пошел пополнить свой пустующий бокал, потом, спотыкаясь, вернулся обратно в гостиную. Женевьевы там не было. Вокруг было тихо. Я выпил половину бокала и закрыл глаза, прислонившись спиной к дивану. Наверное, я заснул на несколько минут, прежде чем голос Женевьевы разбудил.

— Хлоя только что звонила, пока я переодевалась наверху, и спросила, может ли она остаться с ночевкой у Эмили. Она была так рада. Я не смогла отказать ей. Надеюсь, ты не расстроишься, что я не спросила у тебя.

— Если она счастлива, я счастлив. Уже поздно. Мне все равно пора уходить. — Я встал с дивана и немного покачнулся.

— Почему бы тебе не выпить кофе для начала. Потом ты сможешь позвонить водителю или вызвать такси, вместо того чтобы ехать на поезде.

— Это, возможно, хорошая идея. — Диван был таким уютным, я плюхнулся обратно и закрыл глаза. Это было последним, что я помнил, до того как голос Женевьевы разбудил меня через несколько часов посреди ночи.

— Грэхем?

— Мхм?

— Ты заснул.

— Черт. — Я потер лицо ладонями. — Прости. Я сейчас уйду.

Я был накрыт одеялом, в комнате было темно, лишь в коридоре горел свет, освещая комнату достаточно, чтобы увидеть Женевьеву передо мной. На ней был длинный шелковый халат, завязанный на талии.

— Я бы хотела, чтобы ты остался. Но... — Она развязала халат и распахнула его. Затем нерешительно потянулась, и гладкая ткань соскользнула с ее плеч. Халат лег лужицей у ее ног, пока она стояла передо мной *полностью обнаженная*. — Я разбудила тебя в надежде, что ты поднимешься наверх, в кровать, вместо того чтобы остаться на диване.

Глава 30

Сорайя

Я проснулась в поту из-за кошмара. Хотя я не могла четко его вспомнить, в нем были голые Грэхем и Женевьеве. Это было настолько неприятно, что я больше не смогла заснуть.

Какая-то машина проехала мимо и осветила комнату огнями фар, пока я сидела в темноте. У меня было все то же ужасное чувство сомнения, которое появлялось почти каждую ночь с того происшествия с Грэхемом и Марко.

Правильно ли я поступила?

Что, если он не вернулся к Женевьеве?

Что, если все зря?

Такие мысли крутились у меня в голове. Также я постоянно думала о том, где он был и что делал, в частности, что он делал с *ней*. Он ушел от меня с такой болью... и я никак не удивлюсь, если Женевьеве воспользовалась этой возможностью в ту же секунду, как узнала о нашей ситуации.

Его последние слова все еще преследовали меня.

— Погляди на меня.

В груди защемило. Либо я была самой бескорыстной женщиной на Земле, либо самой глупой. Несмотря на это, боль от потери Грэхема не уменьшалась. Я сомневалась, что вообще когда-нибудь перестану тосковать по нему, но станет ли это легче когда-нибудь? До сих пор время не помогало.

Топил ли он свои печали в ком-то или нет, я знала, что где-то там Грэхем был опустошенным. Он действительно меня любил. Так или иначе, я уверена, он *все еще* любит меня, даже если разочарован во мне. Любовь на всю жизнь не так просто разрушить. Я искренне чувствовала, что наша любовь выдержала бы испытание временем, если бы я все не закончила.

Когда сквозь окно пробились первые лучи солнца, я взяла телефон. Делия всегда вставала ни свет ни заря. Мне постоянно было необходимо подтверждение, что я сделала правильный выбор, и я звонила ей при первой появившейся возможности.

Она взяла трубку.

— Ты снова не спала?

— Я знаю. Нужно что-то делать. Я в раздрае. У меня даже нет сил покрасить концы волос в красный.

— Вот поэтому я *точно* знаю, что у тебя проблемы.

— Серьезно, да? Они все еще синие, будто вся моя жизнь не перевернулась с ног на голову!

— Послушай, Яркая Радуга, вчера я говорила с Тигом, и он согласен, что нам двоим нужно уехать.

— Тебе и Тигу? — Я запаниковала. — Ты не можешь бросить меня сейчас!

— Нет... тебе и мне! Типа поездка для девочек. Тебе нужно выбраться из города. Все здесь напоминает о Грэхеме.

— Куда конкретно мы поедем?

— Ну, так как у тебя больше нет парня миллионера, нам нужно подумать о бюджете, но, в любом случае, мне кажется, у меня есть идеальное решение.

— Хорошо...

— Я говорила тебе про моего брата Эйба, который зарабатывает тем, что рисует аниме? На самом деле, он сейчас в Японии.

Пошатываясь по пути на кухню, чтобы сделать немного кофе, я зевнула.

— Ты хочешь поехать в Японию?

— Нет! У Эйба есть квартира в Калифорнии, прямо у океана. Хермоса-Бич. Там сейчас пусто. Мы можем бесплатно там остановиться. Я посмотрела билеты вчера вечером, цена у них приемлема, в пределах трехсот долларов. Что скажешь?

Всё будет лучше, чем оставаться здесь в унынии. Я не могла вспомнить, когда последний раз брала хоть какой-нибудь отпуск.

Решение было простым.

— Знаешь, что? Да. Давай сделаем это. Поехали в Калифорнию.

Я выросла в Бруклине и всегда мечтала увидеть Калифорнию, прославленные пейзажи многих телешоу, которые я смотрела с детства. Несмотря на то, что я, возможно, была противоположностью типичной калифорнийской девочки, мне очень хотелось увидеть Тихий океан и испытать беззаботную жизнь, которая у меня всегда ассоциировалась с побережьем. Жизнь здесь всегда казалась полной противоположностью жизни в Бруклине.

Квартира Эйба, брата Делии, была прямо у самой воды. Пока я сидела на песке, слушая шум разбивающихся волн, мысли о Грэхеме не покидали меня. Делия вернулась в квартиру и спала, а я воспользовалась шансом побыть одной, чтобы насладиться тихим пляжем, прежде чем его наполнят люди.

С песка я перевела взгляд прямо к людям на пляже. Женщина сидела рядом с девочкой, их ноги были скрещены в позе ребенка — позиции, которую я узнала, хотя посетила всего одно занятие по йоге.

Их глаза были закрыты, и они делали вдохи и выдохи, слушая шум океана. Отчаянно нуждаясь в том, чтобы успокоить свой разум, я сделала то, что в обычной ситуации никогда бы не сделала. Я подошла к ним и спросила:

— Могу я к вам присоединиться?

— Конечно, — сказала женщина. — Хотя мы почти закончили с разогревающей медитацией. Садись на песок и повторяй за нами.

Закрыв глаза, я прогнала тревожные мысли о Грэхеме с Женевьевой, пытаясь сфокусироваться только на дыхании и звуках вокруг меня. Следующие полчаса я повторяла за синхронными движениями матери и дочери, которые обучали меня различным позам, например, нисходящей собаки. Я пыталась игнорировать тот факт, что они немного напоминали мне Женевьеву и Хлою. Девочка была лишь чуть-чуть старше дочки Грэхема.

К тому времени, как мы закончили, я определенно чувствовала себя спокойнее.

Женщина достала из сумки бутылку воды и протянула мне.

— Вы живете где-то здесь?

— На самом деле, нет. Я приехала из Нью-Йорка на неделю.

— Я всегда хотела поехать в Нью-Йорк! — сказала она дочке. — Может, мы с твоим папой отвезем тебя туда в следующем году.

Глаза девочки взволнованно заблестели.

— Правда?

— Вы часто путешествуете всей семьей? — спросила я у них.

— Большой частью по выходным, да. Мы с моим мужем делим опеку над Хлоей с ее мамой.

Я практически подавилась водой.

— Вы сказали Хлоя? — Я повернулась к девочке. — Тебя зовут Хлоя?

— Эм, ага, — улыбнулась она.

— Это прекрасное имя.

— Спасибо.

Повернувшись к женщине, я спросила:

— Так... вы ее мачеха?

— Да.

— Ого. Я просто предположила...

— Что она моя дочь? Потому что мы близки?

— Да.

— Ну, вы правы. Она *действительно* моя дочь. Я не считаю ее не своим ребенком из-за того, что мы не одной крови.

— Я счастлива, что у меня две мамы, — сказала Хлоя.

Я молча кивнула.

— Да, это так.

— Ну, нам надо бежать. У Хлои занятия балетом. — Она протянула руку. — Я, кстати, Наташа.

Я пожала ее руку.

— Сорайя.

— Очень рада с тобой познакомиться, Сорайя. Надеюсь, тебе понравится Хермоса-Бич.

— Может, увидимся в следующем году в Нью-Йорке! — сказала Хлоя, подпрыгивая на месте.

Я улыбнулась.

— Может быть. Спасибо за занятие йогой.

Оставшись в одиночестве на песке, я размышляла, что значила эта встреча. В течение дней, предшествующих разрыву с Грэхемом, я искала знаки, подтверждающие, что приняла правильное решение оставить его. Сегодня я не искала никаких знаков, но все равно один врезал мне по лицу, как тонна кирпичей.

Хлоя.

Это не было случайным совпадением.

Я ни разу не думала о том, что ребенок может посчитать мачеху как еще одного родителя, а не причину, из-за которой потеряла отца. Мой собственный опыт управлял моими решениями. Тереза никогда не пыталась узнать меня, не говоря уже о том, чтобы быть второй мамой. Она никогда не делала попыток привлечь меня к тому, что делал мой отец с ее дочерьми. Со мной и Хлоей такого бы никогда не было. Почему я никогда об этом не думала? Страх, стресс и чувство вины обрушились на меня, и сейчас я впервые видела совершенно другую перспективу. Но уже было слишком поздно.

Позже тем же днем мы с Делией отдыхали в гостиной с кондиционером, после того как провели день на пляже.

Я импульсивно взяла телефон и открыла цепочку сообщений с Грэхемом, просматривая все сообщения с момента нашего знакомства. Самое последнее пришло от него утром того дня, когда он застал меня с Марко. В нем было простое «*Я люблю тебя*».

Делия не знала, что я делала последние несколько минут. Возможно, она думала, что я шарюсь в интернете. Заметив, что по моим щекам начали катиться слезы, она подошла и внезапно выхватила телефон из моих рук.

— Просматриваешь старые сообщения от Грэхема? Точно! Я забираю телефон и отключаю его. Я не для этого вывезла тебя сюда, в Калифорнию.

— Ты не можешь просто забрать мой телефон!

— Да ты что, смотри, — сказала она, зажав кнопку питания. — Получишь его обратно в Нью-Йорке.

Глава 31

Грэхем

Телефон завибрировал в кармане, когда я уходил из офиса.

— Здравствуй, Женевьеве.

— Почему ты не отвечал на мои сообщения?

— Загруженный день.

— Я надеялась, что ты заедешь к нам после работы. Нам надо поговорить о том, что произошло между нами.

— Хорошо. Увидимся, когда я приеду.

Последнее, что было нужно для моего настроения, это обсуждать ту ночь с Женевьевой. Я был по уши завален работой последние несколько недель, снова пропустил два вечера и не повидался с дочкой, так как она уже спала, когда я уходил с работы. Больше так не могло продолжаться. Я планировал поужинать с Хлоей и снова вернуться на работу через несколько часов.

Капли дождя стучали по окнам машины. Практически каждую ночь по пути домой я инстинктивно хотел написать Сорайе, на секунду забывая, что у нас все кончено. Потом меня накрыло ужасное, разъедающее чувство реальности. Меня злило, что я ей полностью доверял. После того, что случилось с Женевьевой и Лиамом, я был, возможно, самым недоверчивым человеком. Но я бы доверил Сорайе свою жизнь. Как я не увидел изменений в ее сердце? Это все просто не имело смысла.

— Не уверен, насколько я там задержусь, Луис. Я напишу, когда буду готов вернуться в офис, — сказал я, когда мы подъехали к особняку Женевьевы.

Она встретила меня, взяла мой мокрый пиджак и повесила его.

А потом неловко стояла, играя жемчугом.

— О той ночи... Я...

— Может мы, пожалуйста, не обсуждать это, пока я не увижу свою дочь?

— Хорошо. — Женевьеве опустила взгляд в пол. — Она в своей комнате.

Хлоя играла со своим кукольным домиком.

— Крекер Грэхема! Я скучала по тебе.

Наклонившись, я притянул ее в объятия и сказал:

— Я тоже скучал по тебе, печенька.

— Тебе все еще грустно?

— О чем ты?

— Из-за Сорайи?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты улыбаешься не так, как раньше.

Малышка была такой проницательной. Очевидно, она пошла не в своего бестолкового отца. Последнее, чего я хотел, чтобы моя дочь думала, что со мной что-то серьезно не так или что в этом может быть ее вина. Пытаясь придумать ответ, в итоге, я решил, что лучше быть честным.

— Мне немного грустно, Хлоя, да... из-за Сорайи. Но я не из-за этого не был здесь два дня. Я ухожу с работы очень поздно, но впредь не буду отсутствовать больше двух дней, хорошо?

— Мой папочка раньше много работал.

Мне было интересно, как много из этого на самом деле было работой, или Лиам просто изменял Женевьеве?

— Я знаю.

— Итак, когда ты перестанешь грустить?

— Не знаю, но кое-что скажу тебе, ладно? Я чувствую себя лучше просто от того, что я с тобой.

— Я так почувствовала, когда встретила тебя. После того как папочка умер, ты заставил меня чувствовать себя лучше, даже несмотря на то, что мне все еще грустно.

ЭТО Я твой папочка.

И я очень тебя люблю.

Притянув Хлою к себе, я поцеловал ее в лоб.

— Я рад, что смог сделать это для тебя.

Мы с Хлоей немного поиграли с кукольным домиком, пока Женевьеву не пришла и не села рядом с нами на колени. Я чувствовал, как она смотрит на меня, и знал, что она очень хочет поговорить. После той ночи я опасался снова оставаться с ней наедине. Хотя, пока Хлоя была дома, ничего не могло произойти.

— Ужин будет готов через пять минут, — сказала Женевьеву, выходя из комнаты.

Она сделала домашнее прошутто, инжирные пиццы-лепешки для нас и простую пиццу с сыром для Хлои. Она продолжала наполнять мой бокал каберне, и я ей позволял, зная, что это поможет сгладить тот разговор, который будет у нас позже.

После того как я уложил Хлою и прочитал ей сказку на ночь, Женевьеву ждала меня на кухне, допивая остатки вина.

Не успела она и рта раскрыть, как я сказал:

— Нам действительно не надо обсуждать это.

— Мне необходимо снова извиниться. Я слишком к тебе приставала. Не знаю, что на меня нашло. Увидев, как ты так уютно лежишь в моем доме, я просто вернулась в прошлое. Это и то, что мы столько выпили...

— Это был не алкоголь, и ты это знаешь. Ты ясно демонстрировала свои намерения уже некоторое время.

— Ты прав. Пьяная или нет, я хочу, чтобы мы снова были вместе. Я сделаю что угодно, чтобы иметь возможность снова сделать тебя счастливым.

— Ты думала, что, показав свою киску, заставишь меня забыть все, что ты сделала?

Когда Женевьеву разделись передо мной той ночью, я спрыгнул с дивана и потребовал, чтобы она немедленно оделась обратно. Казалось, что ее действительно шокировал мой отказ.

— Ты предполагала, что из-за моего разрыва с Сорайей я сойдусь с тобой? То, что случилось с Сорайей, не изменит того факта, что я попросту больше никогда не смогу тебе доверять, Жен. И хоть я и думаю, что ты отлично подойдешь для быстрого траха из мести, я чертовски уверен, что не буду трахаться с матерью моего ребенка, если не собираюсь снова с ней сойтись.

— Подумай, Грэхем. Сейчас у нас есть возможность изменить жизнь нашей дочери. Я не могу ждать тебя вечно.

— Давай я сэкономлю тебе немного времени. — Я наклонился вперед. — Перестань ждать.

— Ты не знаешь, что говоришь. Как ты можешь так просто закрыть дверь перед такой возможностью?

— Ты закрыла дверь, Женевьеву. Ты закрыла ее и выбросила ключи.

— Я совершила ошибку!

— Ш-ш-ш. Ты ее разбудишь, — сказал я. Закрыв глаза, чтобы не потерять самообладание, я сделал глубокий вдох и сказал: — Я всегда буду любить Хлою. Тебя, как ее мать, всегда буду уважать. Но ты потеряла свой шанс на будущее со мной в тот день, когда решила предать мое доверие. Я хочу, чтобы у моей дочери было самоуважение. Я должен подавать хороший пример. — Я не мог больше терпеть этот разговор, поэтому подошел туда, где висел мой пиджак, и надел его. — Мой водитель снаружи. Мне нужно вернуться обратно в офис. Спасибо за ужин. Я приду завтра вечером.

В моем кабинете было темно, за исключением небольшого света от зеленой настольной лампы. Я теребил часы и ни о чем больше не мог думать, только о гребаной куче газет, которая дразнила меня через весь кабинет.

Последнюю неделю я постоянно запрещал себе даже думать о том, чтобы просмотреть колонку «Спросите Иду» в поисках любых возможных подсказок о настроении Сорайи. После признания в своей грусти перед Хлоей и ссоры с Женевьевой, я чувствовал себя слабее.

В итоге, я перенес пачку газет на свой стол и, как одержимый, просмотрел каждую колонку «Спросите Иду». После тщательного анализа больше дюжины ответов, ничего не показалось необычным. Пока я не перешел к двадцатому ответу.

Женщина писала с вопросом: должна ли она порвать со своим парнем, которого сильно любила, чтобы он мог вновь сойтись с матерью своего ребенка. *Ради ребенка*. Я посмотрел на дату — это было близко к тому дню, когда мы расстались. Остальные детали точно описывали то, что произошло у меня с Женевьевой.

Мое сердце начало бешено колотиться в груди.

Имя: *Тереза из Бруклина*.

Тереза — имя ее мачехи.

Если и были какие-то сомнения, что Сорайя написала этот вопрос, то ответ только все подтвердил. Ида посоветовала расстаться с парнем и предложила «Терезе» обыграть все так, будто она изменила ему, чтобы бедный дурак мог легче ее забыть.

«Думай головой, а не сердцем», — посоветовала Ида.

Я швырнул газету через кабинет. Все начало обретать смысл.

Сорайя солгала.

На самом деле, она не встречалась с этим итальянкой. Просто притворялась. Гнев на ответ Иды перешел в эйфорию. Еще никогда в своей жизни я не был так счастлив, узнав, что кто-то обманул меня.

Я снова перечитал начало вопроса.

«*Я встречаюсь с мужчиной почти два месяца и уже сильно влюблена в него*».

Она влюбилась в меня.

Сильно.

Я замер, скованный шоком, затем сильным облегчением, а потом переполняющим желанием просто добраться до нее.

Я тоже это чувствую, малышка. Так чертовски сильно.

Я немедленно взял телефон и набрал ее номер.

Гудки шли, но потом звонок перешел на голосовую почту.

Я набрал снова.

То же самое.

Затем написал сообщение.

Грэхем: Где ты?

Спустя пять минут она не ответила. Я написал снова.

Грэхем: Мне нужно тебя увидеть. Ты дома?

Я больше не мог ждать, схватил свое пальто и позвонил Луису, чтобы он меня забрал.

Когда мы приехали к квартире Сорайи в Бруклине, она все еще не ответила. Посмотрев в окна, я увидел, что света нет.

Черт, где она?

— Куда дальше, сэр? — спросил Луис, когда я вернулся в машину.

— 8-я Авеню. Тату-салон Тига.

Когда мы приехали, я велел Луису ждать снаружи. Мне понадобится машина наготове, когда я узнаю у Тига, где она.

Тиг докуривал свою сигарету.

— Костюмчик! Какого черта ты здесь делаешь? Уже поздно. Мы закрываемся.

— Где она?

— Ее здесь нет.

— Где она? — повторил я громче.

— Она в Калифорнии с Делией.

— В Калифорнии?

— Ага. Они отправились в девчачью поездку. Только вдвоем.

— Где они остановились?

— Я не скажу тебе, где они остановились. Ты ее гребаный бывший!

— Мне нужно позвонить в отель. Она не отвечает звонки. Позвони Делии и скажи, что мне нужно поговорить с Сорайей.

— Нет.

Я подошел к нему вплотную.

— Дай мне информацию, Тиг. Ты не представляешь, на что я способен в таком состоянии.

— О, я знаю на что ты способен, красавчик. Ты выбил челюсть моему кузену Марко.

Кажется, Тиг понял, что облажался. *Его кузен*. Он в этом замешан.

— Он не ее парень, так?

— Я этого не говорил.

— Я прочитал гребаную колонку Иды, Тиг. Я знаю, что Сорайя все это подстроила. Признаешь ты это или нет, но я знаю правду. Тебе надо сказать мне, где она.

— И что, ты собираешься заказать свой модный частный самолет до Калифорнии? С твоими деньгами, я позволю тебе нанять частного детектива. От меня ты не узнаешь ничего.

Он не оставил мне выбора, поэтому я направился к маленькой коробочке, спрятанной в углу салона.

— Что у нас тут? Твоя заначка с травкой? Готов поспорить, копы будут рады узнать об этом.

— Ты этого не сделаешь...

— Я сделаю *что угодно*, чтобы добраться до Сорайи. По мне видно, что я шучу?

— Иисусе, у тебя глаза как у гребаного демона.

— Скажи мне, где она, Тиг.

Он со злостью прокрутил сообщения на телефоне и записал на листке бумаги адрес, прежде чем бросить его мне.

— Здесь. Это квартира брата Делии в Хермоса-Бич.

Я прижал листок к груди, пока шел обратно к двери.

— Спасибо. Без обид. Я бы на тебя не настучал. Сорайя бы тогда со мной больше не заговорила, а я не могу рисковать, потому что чертовски сильно люблю эту женщину.

— Неважно, МБП. — Впервые Тиг выглядел так, будто поверил мне. Он покачал головой и слегка улыбнулся.

Я сел на ближайший коммерческий рейс до Лос-Анджелеса.

Когда я приехал к квартире, там никого не было. Телефон Сорайи все еще был выключен и звонки переводились на голосовую почту — так же, как и телефон Делии. По крайне мере, я знал, что они сюда вернутся. По словам Тига, они останутся здесь еще на несколько дней.

Прогуливаясь по пляжу, я решил, что мне надо дать ей знать о своем присутствии здесь. Я начал писать сообщения, изливая душу, хотя она и не ответила ни на одно из них.

Я ни на что не обращал внимания и каким-то образом налетел на накачанного парня, выгуливавшего маленького пятнистого козла.

Какого черта?

— Смари, куда идешь, приятель, — сказал он с австралийским акцентом.

— Прости, мужик. Сегодня я сам не свой.

— Ты в порядке?

— Я кое-кого ищу.

Он понимающе кивнул.

— Женщину.

— Как ты догадался?

— Ты напоминаешь мне меня пару лет назад. По уши влюбленный в мою Обри, я бродил по пляжу, не замечая никого вокруг. Знаешь, все наладится, если так суждено.

— Почему ты... выгуливаешь козла?

— Это длинная история. Если хочешь пройтись с нами, я расскажу тебе подробности. Отвлекись от своей женщины ненадолго... пока не найдешь ее.

Его звали Чэнс Найтмен. Бывшая звезда футбола в Австралии, сейчас жил в Хермоса-Бич. Он рассказал мне историю о том, как встретил свою жену Обри на заправке в Небраске. Они вместе поехали в увлекательную поездку, а потом расстались на долгое время. Но, в итоге, все закончилось хорошо.

Я поделился с ним своей историей. Одним большим сходством в наших историях было то, что мы встретили наших женщин в необычных местах.

— Подумай об этом, приятель. Таких совпадений не бывает. Австралиец и чопорная принцесса из Чикаго встретились в какой-то глухомани в Небраске. Она оказалась моей родственной душой. А ты... ты сказал, что обычно не ездишь на поезде. Но по какой-то причине поехал на нем тем утром. Ты должен довериться судьбе. Все предрешено. Не важно, сегодня или через два года, если суждено, так или иначе, это случится.

Чэнс посмотрел на телефон.

— Должен бежать. Ты отличный малый. Если с твоей дамочкой все образуется, прежде чем уедешь, своди ее на завтрак в заведение у нашего дома.

Этот парень, возможно, был самым харизматичным из всех, кого я встречал.

Я улыбнулся, казалось, впервые за целую вечность.

— Может, я и воспользуюсь твоим предложением.

Он хлопнул меня по плечу.

— Удачи, приятель.

Будто бы прощаясь, его козел выдал долгое:

— Бе-е-е-е.

Качая головой от изумления, я наблюдал, как он уходил вместе с животным. Затем написал еще одно сообщение Сорайе, хотя не был уверен, получила ли она остальные.

Грэхем: Я только что столкнулся с мужиком, выгуливающим гребаного козла.

Глава 32

Сорайя

Делия принимала душ. Для меня это единственная возможность посмотреть, смогу ли я найти свой телефон. Она согласилась выключить свой, мы прожили без телефонов уже сутки, и у меня началась серьезная ломка.

Обыскав ее сумку, я не могла поверить, что все было так просто. Она положила его в самое очевидное место. Должно быть, она мне доверяла, хотя и не должна была.

Я включила телефон и увидела несколько пропущенных голосовых сообщений и смс.

И все от Грэхема.

Мое сердце екнуло.

Что-то случилось?

Прокрутив к началу цепочки сообщений, я нервно сглотнула и начала читать.

Грэхем: Где ты?

Грэхем: Мне нужно тебя увидеть. Ты дома?

Грэхем: Ты солгала. Я все выяснил.

Грэхем: Ты забыла кое о чем важном, когда сделала то, что считала правильным. Ты не можешь заставить меня разлюбить тебя.

Грэхем: Если я несчастлив, моя дочь это чувствует. И она почувствовала. Я знаю, ты думаешь, что твоя жизнь была бы лучше, если бы твои родители были вместе, но ты не думаешь, что могло быть только хуже? Если бы твой отец присутствовал физически, но был в депрессии и ломке, так как желал другую женщину?

Грэхем: Хлоя поймет, что моя любовь к тебе не имеет ничего общего с моей любовью к ней. Твой отец облажался. Я буду учиться на его ошибках. Ты поможешь мне. Мы сделаем это вместе.

Мое сердце стало бесконтрольно колотиться, когда я прочитала следующее сообщение.

Грэхем: Я только что приземлился в Хермоса-Бич. Еду к тебе.

Грэхем: Черт. Тебя нет дома. Скажи, где мне найти тебя.

Грэхем: Я вернусь.

Грэхем: Я на пляже. Думаю только о том, как сильно мне хочется снова держать тебя в своих объятиях, поцеловать и сильно шлепнуть по твоей заднице. Как ты вообще умудрилась додуматься, что мне может быть лучше без тебя?

Последнее сообщение было бессмысленным, но заставило меня улыбнуться.

Грэхем: Я только что столкнулся с мужиком, выгуливающим гребаного козла.

Бедная Делия... Ее голова была вся в шампуне, когда я вломилась в ванную, бессвязно бормоча о сообщениях Грэхема. Я ждала, что подруга разозлится, так как я нарушила наш договор о запрете на мобильники, но она не злилась. Сполоснувшись, она выскочила из душа и нашла меня в спальне, копающейся в чемодане в поисках чего-нибудь другого вместо грязных, нестиранных нескольких дней треников, которые были на мне.

— Ты как?

— Я ошибалась. Мне не стоило принимать это решение за нас. Я люблю его, Делия. Грэхем прав. Я бы не забрала его у Хлои. Я бы стала для нее еще одним человеком, который ее любит. Я не Тереза. Я хочу быть частью жизни Хлои. Прошлой ночью я поняла, что

оплакиваю потерю не только Грэхема. Я также потеряла маленькую девочку, которую люблю.

— Что ты собираешься делать?

— Упасть на колени и умолять о прощении.

Дел рассмеялась.

— Он мужчина. Если ты встанешь на колени, то не сможешь ни о чем умолять. Твой рот будет слишком занят.

Она была права. Раздевшись, я побежала в ванную в лифчике и трусиках, чтобы подмыться. Пока вытирала салфеткой лицо, подмышки и все остальные важные части тела, я продолжала говорить с Делией.

— Я задолжала ему огромное извинение. Надеюсь, я не разрушила все. Кажется, он понимает, почему я это сделала. Я просто надеюсь, что смогу все исправить.

Дел прислонилась к двери ванной, пока я чистила зубы. Она держала одежду и подала мне ее, когда я закончила.

— Вот. Надень это. Твоя грудь буквально вываливается из выреза этой футболки. Это сильно поможет все исправить.

Я улыбнулась и натянула штаны.

— С этой груди все и началось, ты же знаешь.

— И пера на твоей ноге. Я в этом тоже поучаствовала, так как это мой муж сделал тебе отличительную метку, с помощью которой мистер Большой Придурок разгадал тайну под названием Сорая.

Упоминание о татуировке заставило меня посмотреть вниз. Мои стопы были голыми, и я уставилась на перо. Грэхем набил точно такое же на своей груди, там, где билось сердце. Как я могла подумать, что смогу жить без него? Что нам будет лучше порознь? Мы были вместе немногим больше месяца, когда он навечно запечатлел мое имя на своем теле. Он был самым романтичным, высокомерным, самодовольным мистером Костюмом, когда-либо встречавшимся в моей жизни. И он был идеальным для меня.

Помывшись и одевшись, я вернулась в комнату в поисках парфюма. Делия продолжала ходить за мной.

— Ты собираешься ему написать или просто будешь ждать, пока он снова здесь не появится?

— Я не знаю. Как ты думаешь, что мне нужно сделать? — Мое сердце неистово билось в предвкушении. Если придется ждать еще дольше, прежде чем добраться до него, оно может взорваться.

Дел молчала, пока я причесывалась и надевала шлепки. Потом она взяла телефон и позвонила Тигу. Я слышала разговор лишь наполовину. Повесив трубку, она улыбнулась мне.

— У меня есть план, как воссоединить вас с МБП.

— План?

— Ты мне доверяешь?

— Конечно.

— Тогда раздевайся.

Глава 33

Грэхем

В паре кварталов от места, где Сорайя остановилась, я наткнулся на старый красный вагон, из которого сделали закусочную. Улыбнувшись, я решил зайти и взять чашку кофе. Я совершил перелет сегодня утром и потом часами гулял по пляжу, пока Сорайя продолжала молчать. Немного кофеина пойдет на пользу. Потребуются все возможные силы, чтобы вернуть мою девушку обратно.

— Черный кофе, большой, пожалуйста, — сказал я официантке, когда садился в кабинку. Весь декор ресторана был модернизирован под закусочную, хотя большая часть оригинального интерьера железнодорожного вагона осталась нетронутой. Я сидел на сиденье в настоящем поезде, когда телефон завибрировал в кармане. Увидев имя Сорайи на экране, я почувствовал, как мое тело тут же вернулось к жизни. Я разблокировал телефон и удивился, обнаружив, что это было не совсем сообщение. Это была фотография. Вообще-то, *фотографии*. Очень неожиданные. *Фото ее прекрасной груди, сексуальных ног и невероятно аппетитной попки*. Три снимка были похожи на первые, те, которые она оставила на моем телефоне, когда влетела в мой офис. Только эти фотографии были сделаны недавно — можно было увидеть линии загара на ее коже. И еще она не показывала мне средний палец, как сделала в тот раз. Я сохранил эти фото на телефон и немедленно написал сообщение.

Грэхем: Где ты? Эта грудь, ноги и попка принадлежат мне. Я иду за ними.

Пока я сидел внутри закусочной в ожидании кофе, у меня появилось чувство дежа вю. Парень, выгуливавший козла, был абсолютно прав. Вот он я, сидел в вагоне поезда, смотрел на фото груди, ног и попки женщины, которая сводила меня с ума. Снова. В жизни не бывает таких совпадений. Нам было предначертано то, через что мы прошли, как бы дерзово и закрученено оно ни было.

Сорайя: Я вышла с Делией. Меня не будет несколько часов.

Я нервно провел пальцами по волосам. Мне нужно увидеть ее сейчас. Если физически это невозможно, по крайней мере, мне нужно убедиться, что мы на одной волне.

Грэхем: Скажи мне, что я прав. Я больше не могу ждать. Ты мне не изменяла, а разыграла это ради меня и Хлои?

Ожидание ее ответа было мучительным.

Сорайя: Я попросила Марко подыграть мне. Он кузен Тига. Я бы никогда тебе не изменила.

Грэхем: Ты должна была поговорить со мной.

Сорайя: Сейчас я это знаю. Это было глупо.

Грэхем: Да, было. Позже я разложу тебя на коленях и отлеплю твой зад в качестве наказания.

Сорайя: Обещаешь?

Грэхем: Я хочу пообещать тебе много всего, милая. Но лучшее сделаю это лично. Когда ты вернешься?

Сорайя: Не уверена. Я напишу тебе, когда вернусь в квартиру. Где ты?

Грэхем: В паре кварталов, сижу в поезде.

Сорайя: В поезде?

Грэхем: Не волнуйся. Он не движется. Без тебя я никуда не собираюсь.

Сорайя: Обещаешь?

Грэхем: Ничто не удержит меня вдали от тебя, Сорайя.

Я просидел в этом поезде больше двух часов. Сорайя сказала, что напишет, когда вернется в квартиру, а мое терпение истощалось. Я не мог больше сидеть на одном месте, поэтому гулял по набережной, пока телефон, наконец, не завибрировал.

Сорайя: Я вернулась.

Грэхем: Уже иду.

Квартира брата Делии была на шестом этаже, 6G. Я нажал на кнопку лифта и нетерпеливо ждал. Лампочка над дверями медленно подсвечивала каждую цифру, пока кабина двигалась по этажам. Эта чертова штука ползла вверх, и ей еще нужно было спуститься обратно. Я не мог ждать так долго. Я нашел выход на лестницу и начал подниматься к первому пролету из шести. К третьему я уже должен был замедлиться, но наоборот, я начал перешагивать через две ступеньки. Мое сердце колотилось в груди, хотя я даже не запыхался. Мне *нужно* было попасть к ней. С начала шестого пролета я уже бежал остаток пути. Добежав до этажа, я распахнул дверь и продолжил бежать по коридору. Адреналин с бешеною скоростью несся по моим венам, когда я остановился перед дверью с номером 6G.

Я сделал глубокий вдох, успокаивая дыхание, но невозможно было расслабиться. Моя грудь быстро вздымалась. *Мне так сильно нужно ее увидеть.*

Постучав, я стал ждать.

Когда дверь, наконец, открылась, я замер на мгновенье.

Сорайя.

Боже, она была чертовски невероятной.

Она стояла у дверей, одетая лишь в ярко-розовый лифчик и трусики, а концы ее волос были подходящего ярко-розового цвета. Никогда в своей жизни я не видел такой красоты. Я стоял там целую минуту, просто глядя на нее. Потом, наконец, заговорил:

— Что значит ярко-розовый?

Она посмотрела мне в глаза.

— Любовь. Это значит, что я влюблена.

Я закрыл глаза. На секунду я подумал, что расплачусь прямо здесь, на пороге, как девчонка. Я был так чертовски счастлив, моим эмоциям требовался выход.

— Я боюсь заходить.

— Почему? — Ее лицо тут же погрустнело.

— Потому что я столько всего хочу с тобой сделать, столько всего чувствую сейчас... боюсь, я не буду нежным.

Ее щеки слегка покраснели.

— Я не хочу, чтобы ты был нежным. Я хочу, чтобы ты был собой. Властный и самодовольный мужчина с неожиданной милой стороной. Отец, который собирается любить свою дочь независимо от любых условий и никогда ее не оставит. Доминирующий любовник в постели, которому иногда требуется немного грубости. Я хочу всего тебя, Грэхем.

Я зашел внутрь и захлопнул за собой дверь.

— Ох, отлично, ты получишь все. Мой рот, мои руки, пальцы, тело, мой член. — Обхватив Сорайю руками, я поцеловал ее со всей страстью.

Между поцелуями она извинялась снова и снова.

— Прости за то, что я сделала. Я думала, что поступаю правильно.

— Я знаю. Просто пообещай, что никогда не оттолкнешь меня снова, малышка.

— Обещаю.

Я удивил ее, подняв на руки.

— Поскольку ты открыла дверь в таком виде, полагаю, Делии здесь нет.

— У нее родственники в Хермоса-Бич. Она останется у кузена на ночь.

— Напомни мне отправить ей подарок с благодарностью. Может, машину.

Я пошел по коридору в поисках спальни. Посадив Сорайю на край матраса, я увидел, что ее нога перевязана.

— Что случилось?

— Я подправила свою татуировку.

— Ту, что с пером? — *Она изменила ту, что я скопировал на свою грудь?*

— Да. — Сорайя наклонилась к повязке и медленно ее отодвинула. Я задержал дыхание, пока не понял, как она не изменила татуировку, просто дополнила ее. Так же, как это сделал я, там было имя, написанное над пером. *Грэхем*.

У меня не было слов, поэтому я наклонился и поцеловал ее. Когда нам потребовался воздух, она указала на ногу.

— Не хочешь увидеть остальные изменения?

Я прищурился.

— Больше чернил?

— Давай. Снимай повязку. — Сорайя прикусила нижнюю губу и подняла свою сексуальную ножку.

Если бы до этого у меня еще оставались сомнения, что она идеальная женщина для меня, увидев то, что она сделала, уничтожило их навсегда. Я смотрел на татуировку и пытался сдержать эмоции, вырывающиеся наружу.

— Я не знаю, что сказать. Она прекрасна.

Таким же шрифтом, как и мое имя над пером, под ним было написано *Хлоя*.

— Я люблю тебя, Грэхем. И твою дочь тоже. Я знаю, что еще рано и нам нужно двигаться медленно, но я хочу быть частью ее жизни. Хочу принимать участие. Ты был прав. Из-за того, как поступил мой отец, не значит, что ничего не выйдет. Я хочу забирать ее с танцев, сжигать печенье по выходным. Хочу наблюдать, как она взрослеет и учится у своего неповторимого отца. Я не просто люблю тебя, Грэхем... — Я поймал слезу, которая катилась по ее щеке. — Я также люблю и Хлою.

Услышав эти слова, я ощущил, как огромный груз упал с моих плеч. *Она любит меня и мою дочь*. Впервые с тех пор как был ребенком, я почувствовал, что у меня снова есть настоящая семья.

— Я пришел сюда, подавляя столько эмоций, потому что нервничал и не знал, смогу ли быть нежен с тобой. Но каким-то образом ты меня смягчила. Я тоже люблю тебя, красавица... очень сильно. Сейчас я лучше себя контролирую, но мне все еще нужно быть внутри тебя. Скажи мне... — я начал раздеваться, — ты хочешь, чтобы я занялся с тобой любовью, а потом жестко оттрахал? Или оттрахать тебя сейчас, а сладкое оставить на потом?

Она не ответила сразу. Я быстро разделся и, когда подцепил боксеры пальцами, остановился и посмотрел на нее в ожидании ответа.

— Как все произойдет, Сорайя? — Я стянул свои боксеры, показывая, что уже полностью готов для нее, что бы она ни выбрала.

Сорайя облизнула губы.

— Оттрахать сначала. Сладкое на потом.

— Отличный выбор.

Она все еще сидела на краю кровати. Я снял с нее трусики, и по влаге на ткани точно знал, что она уже влажная для меня.

— Обхвати ногами мою талию, — сказал я, поднимая ее на руки.

Я отошел к стене, прижав ее к ней спиной, и, не тряся больше времени, буквально насадил на свой член.

— Бля-я-я-я-дь. — Я громко застонал, притягивая ее ближе к себе. Это было удивительно. Прошло всего лишь меньше двух недель с тех пор, как я был внутри нее в последний раз, но мне казалось, будто мы не были вместе целую вечность. Я пытался

двигаться медленно, чтобы убедиться, что ее тело готово для меня, но когда она застонала и сказала, что любит меня и *мой член* внутри нее, я больше не мог сдерживаться.

Я вбивался в нее так сильно, как мог. С одной стороны, я волновался, что делаю ей больно, потому что ее спина постоянно билась об стену. Но когда я пытался замедлиться, она умоляла меня двигаться еще жестче. Нет ничего лучше, чем слышать от любимой женщины, как она любит твой член и хочет пожестче. Когда освобождение нахлынуло на нас одновременно, мы кончали долго, сильно и с криками. Я был уверен, соседи нас услышали. Черт, я *хотел*, чтобы они нас услышали. Хотел, чтобы весь гребаный мир знал, что эта женщина сделала со мной.

— Я чертовски сильно тебя люблю, Сорайя Венедетта, — пробормотал я ей в губы.

— Я тоже люблю тебя, мистер Костюм. Мне кажется, я влюбилась в тебя еще до того, как встретила.

Я усмехнулся.

— Это, наверное, мой невероятный шарм, которым я тебя очаровал, пока мы переписывались.

— На самом деле, ты был откровенным козлом. Это из-за фотографий на твоем телефоне. Они показали мне, что под этим стальным сердцем кроется прекрасный мужчина.

— Эти фотографии, которые я получил утром, понравились мне гораздо больше тех, что ты прислала до нашей первой встречи. Может быть, тебе нужно делать ежедневные снимки в качестве компенсации, которую ты мне должна за то, через что заставила пройти.

— Я могу это сделать. С тобой легко.

— Я не говорил, что это *вся* компенсация.

— Дай угадаю, ты возьмешь дополнительную плату в виде минутов?

— Звучит отлично, для начала.

Сорайя приподняла брови.

— Для начала? И сколько я должна буду заглаживать свою вину?

Я обхватил ее щеки ладонями.

— Я бы сказал, шестидесяти должно хватить.

— Шестьдесят дней? Думаю, с этим я справлюсь.

— *Лет*, Сорайя. Я буду ждать сексуальные фото и минуты следующие шестьдесят лет. Ее лицо стало серьезным.

— Нет ничего, что понравилось бы мне больше.

— Отлично. Потому что, на самом деле, у тебя нет выбора. Это был первый и последний раз, когда ты ушла от меня.

Эпилог

Сорайя

Хлоя, сёрбая, пила свой охлажденный горячий шоколад, пока мы сидели в *Serendipity 3*. Грэхем продолжал писать мне сообщения. Он сходил с ума, потому что застрял в пробке, после того как первый раз отвез бабулю на ее занятия по джаз-аэробике. Я знала, он хотел, чтобы сегодня все прошло идеально, но я убедила его, что Хлоя довольна, и нет причин для спешки.

Конечно, я понимала, почему он нервничал. Для Хлои это был просто еще один ужин вместе с нами.

— Можно мне попробовать? — спросила я.

Она кивнула и пододвинула соломинку в мою сторону.

— М-м-м. Так вкусно. Теперь понятно, почему тебе нравится.

Хлоя положила голову на ладони и призналась.

— Моя мама разозлилась на меня сегодня утром.

— Почему? — спросила я с полным ртом напитка.

— Я захотела розовые волосы, как у тебя.

Женевьеву, должно быть, очень любит меня.

— О-оу. Что ты сделала?

— Я раскрасила свои волосы акварелью.

Пытаясь скрыть смех, я широко улыбнулась. Меня тронуло, что она хочет быть похожей на меня.

— Хлоя, не пытайся их снова покрасить. Все равно не получится, как ты сама поняла, да? Сделаем это как надо, если к тому времени ты все еще будешь хотеть розовый.

Ее глаза засияли.

— Правда?

Мне нравилось, когда я могла увидеть на ее лице выражение лица, как у Грэхема.

— Ага. Только не в ближайшее время.

Я сделала мысленную заметку поискать какие-нибудь ярко-розовые накладные волосы к следующему разу, когда мы будем играть в переодевание. Нам с Хлоей было очень весело в выходные, когда она оставалась со мной и Грэхемом. Она любила надевать мои платья и пытаться ходить в моих туфлях. Я была уверена, Женевьеву взбесится, когда узнает хотя бы о половине того, что мы делали. Для Хлои я была больше как старшая сестра, чем надсмотрщик.

Через несколько месяцев после нашего с Грэхемом воссоединения в Хермоса-Бич я переехала из своей квартиры в Бруклине в его кондоминиум. Хоть мне и нравилось иметь свое собственное место, не было смысла оставлять квартиру, когда мой ненасытный мужчина настаивал, чтобы я проводила все ночи в его постели. Поэтому я сдалась, и, честно говоря, это сделало жизнь проще, так как ему теперь приходилось передвигаться между двумя местами — домом Хлои и нашим.

Грэхем зашел в ресторан. Лавируя между столиками, он направлялся к нам, и я видела, как он взволнован.

— У тебя получилось! — улыбнулась я.

— Чертова пробка.

— Чертов — это ругательство, Крекер Грэхема, — упрекнула Хлоя.

— Дай мне немного сахарку, сладкая печенька, — сказал он Хлое, наклонившись и подставляя щеку для поцелуя.

После этого Грэхем целомудренно поцеловал меня в губы и сел. Он вспотел и взял салфетку, чтобы вытереть лицо. Когда он взглянул на меня, я положила ладонь на его колено.

— Я люблю тебя, — четко сказала я.

Свежие капли пота появились у него на лбу. После того как официантка принесла ему воду и меню, он начал разрывать на кусочки салфетки. А когда он перешел к щелканью часами, я знала, что он собирается сделать это. Потом он заговорил:

— Итак, Хлоя, мне нужно кое о чем с тобой сегодня поговорить.

Хлоя просто продолжила попивать свой напиток, невинно глядя на него своими большими, как у олененка, глазами.

Грэхем продолжил:

— Я кое-что от тебя утаивал.

— Ты по ошибке взял одну из моих игрушек из дома?

Он нервно рассмеялся.

— Нет. Это про твоего папу.

— Что про папочку?

Грэхем медленно вдохнул и выдохнул.

— Твой отец, Лиам... он очень тебя любил. Я знаю, что потерять его было тяжело. Он всегда будет твоим папой. Но есть разные виды пап. Иногда у детей есть больше одного папы. Как у твоей подруги Молли, например. У нее нет мамы, но есть два папы, которые женаты. Что я пытаюсь сказать... Я тоже твой папа.

Хлоя помолчала, а затем сказала:

— Ты был женат на моем папе, который умер? Мама говорила, что если у тебя два папы, это называется быть геем.

— Нет. — Грэхем посмотрел на меня, и мы оба тихо рассмеялись. Он продолжил: — Мы с твоей мамой были вместе до него. Мы с Женевьевой зачали тебя. Но тогда я об этом не знал. Потом твоя мама и твой папа Лиам поженились. Лиам полюбил тебя и стал твоим папой. Он считал себя твоим *единственным* папой. Лишь после его смерти я узнал о твоем существовании. Когда я увидел твое лицо, я сразу понял, что ты моя. Я знаю, это сложно, малышка. — Он обхватил ладонью ее щеку. — Видишь, как мы похожи? Это потому что ты моя дочь.

Она потянулась своей маленькой ручкой к его лицу и стала изучать его черты. Было очаровательно, когда она сказала:

— Я всегда думала, что откуда-то знаю тебя.

— Да. С момента, когда мы встретились, правда? Это потому, что мы связаны, — улыбнулся Грэхем.

— Ты действительно мой папа?

— Да, — прошептал он дрожащим голосом.

— Bay. — Хлоя молчала какое-то время, пока усваивала информацию, а затем без предупреждения прыгнула ему на руки. Грэхем закрыл глаза — он успокоился и выглядел таким счастливым.

Я просто откинулась на спинку стула и наслаждалась видом того, как они крепко обнимаются. Реакция Хлои подтвердила, что мы сделали правильно, решив рассказать ей сегодня. Женевьевеа обычно создавала нам проблемы по этому поводу. Она хотела быть здесь, но Грэхем пообещал побывать с ними двумя после того, как привезет Хлою домой.

Для этого разговора была причина.

Когда Грэхем бросил на меня вопросительный взгляд поверх плеча Хлои, я кивнула, давая ему молчаливое разрешение рассказать ей другую новость.

— Итак, у нас с Сорайей есть кое-что еще для тебя.

От восторга она широко распахнула глаза.

— Вы берете меня в «Диснейлэнд»?

— Нет, — усмехнулся он. — Но когда-нибудь мы туда съездим, хорошо?

Я вмешалась.

— Помнишь, как ты всегда говорила, что мечтала о братике или сестричке?

— Ага?

Грэхем обнял меня рукой.

— Ну... это случится. У нас с Сорайей будет ребенок. Это значит, ты будешь старшей сестрой.

Сначала Хлоя ничего не сказала, но когда она начала прыгать на месте от радости, мы с Грэхемом дружно вздохнули с облегчением. Она встала и подошла ко мне.

— Где он?

— Он здесь. — Я указала на свой живот, и она положила на него руку.

— Он появится с розовыми волосами?

Я рассмеялась.

— Нет. Но мы знаем, как он или она выглядит через шесть месяцев.

Она начала говорить с моим животом:

— Эй, там! Я твоя сестра. — Мы с Грэхемом посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Хлоя посмотрела на меня, и я почти расплакалась, когда она сказала: — Спасибо.

— Не за что. Спасибо, что так мила со мной.

Правда была в том, что если бы дочка Грэхема не открыла мне свое сердце, не знаю, смогли бы мы с ним быть вместе. Ее внутренняя доброта сделала это возможным.

Официантка проходила мимо и спросила:

— У вас все хорошо?

Хлоя гордо заявила:

— Да. Я буду старшей сестрой и у меня два папы. Я гей!

Она совсем не поняла, что объясняла ей Женевьеве о родителях ее одноклассницы. Она подумала, что любой человек, у которого два папы, автоматически становится геем. Нам придется объяснить ей это позже.

Официантка посчитала это очаровательным.

Грэхем вмешался.

— Ты знаешь, слово «гей» значит «счастливый».

Хлоя улыбнулась, все еще прижимая ладошку к моему животу.

— Тогда я очень-очень гей!

Грэхем Семь месяцев спустя

Дорогая Ида.

Я не писал тебе некоторое время. Ты можешь помнить меня как Самодовольного мистера Костюма, Целибата из Манхэттена, Потрахавшегося из Манхэттена, Пятьдесят оттенков Моргана. Я тот самый парень. Итак, сегодня я счастлив сообщить, что заслужил новое имя: Лицо с Какашкой из Манхэттена. Это правда. Я только что посмотрел на себя в зеркало в ванной и заметил, что у меня, в буквальном смысле, дермо на лбу. Не спрашивай меня, как оно туда попало. Знаешь, что самое забавное? Я никогда не был счастливее за всю свою жизнь. Да-да. Этот парень с какашкой на лице безумно счастлив. Это осознание побудило меня написать сообщение. Ты помнишь ту саркастичную девушку, которую я встретил в поезде. Ту, о которой я писал? Ее зовут Сорайя. Она от меня забеременела. Можешь в это поверить? Месяц назад она родила мне сына. Я получил ее навсегда, а теперь она производит маленьких темноволосых Морганов-итальянцев. У меня сын, Ида. Сын! Вот откуда дермо на моем лбу. Я уверен, это с того раза, когда я недавно менял ему подгузник. Да, какашка все еще там. С тех пор я ее так и не убрал, потому что... я упоминал, что безумно счастлив? Я не спал шесть дней. ШЕСТЬ ДНЕЙ, Ида! Я даже не знал, что человек может выжить без сна, но, очевидно, он может! Я — доказательство тому. Знаешь, почему все это хорошо? Потому что я БЕЗУМНО СЧАСТЛИВ. Даже без сна. Хотя есть кое-что, чего мне не хватает. Понимаешь, Сорайя не соглашается, чтобы я сделал ее честной женщиной.

Она считает, что ей необходимо сбросить весь вес от беременности, чтобы влезть в модное белое платье и пройти к алтарю. Мы назначили дату через шесть месяцев, считая с сегодняшнего дня, но я больше не могу ждать ни дня. Я хочу, чтобы она стала моей женой. Я знаю, нам не нужен листок бумаги, подтверждающий, что у нас есть, но я эгоист. Я хочу этого, потому что так сильно ее люблю. Итак, мой вопрос тебе: что мне сделать, чтобы заставить ее выйти за меня замуж завтра?

Лицо с Какашкой из Манхэттена.

Я нажал на кнопку «отправить», и телефон Сорайи издал сигнал. Я наблюдал, как она читает сообщение, которое я только что отправил. Не на почтовый адрес Иды, а прямо ей.

Она сидела рядом со мной на кровати, обнажив свою большую красивую грудь, пока кормила нашего сына Лоренцо.

Счастливчик. Сейчас он делает то, чем я бы хотел заниматься.

Сорайя тихонько посмеялась, затем написала ответ и отправила его.

Мой телефон завибрировал.

Дорогой Лицо с Какашкой.

Может быть, для тебя будет более подходящим имя Неспящий в Манхэттене, так как, судя по твоему бессвязному сообщению... ты вымотался. Я думаю, хоть ты и «безумно счастлив», твой сын не дает тебе спать, превращая тебя наполовину в зомби, наполовину в счастливчика. Кстати, никто никогда не выглядел сексуальнее с деръемом на лице, но, пожалуйста, убери его. Тем не менее, заявляю официально, ты лучший отец в мире для своих детей Хлои и Лоренцо. Эта какашка на твоем лбу — еще одно доказательство этому. Невозможно любить сильнее, чем я люблю тебя. И если для тебя так важно все узаконить, тогда это меньшее, что я могу сделать, чтобы поблагодарить тебя. Я обещаю, завтра мы поедем в мэрию и сделаем меня Морган.

С любовью, всегда твоя миссис Морган из Манхэттена.

P.S. Мы поедем на поезде.

*** КОНЕЦ ***